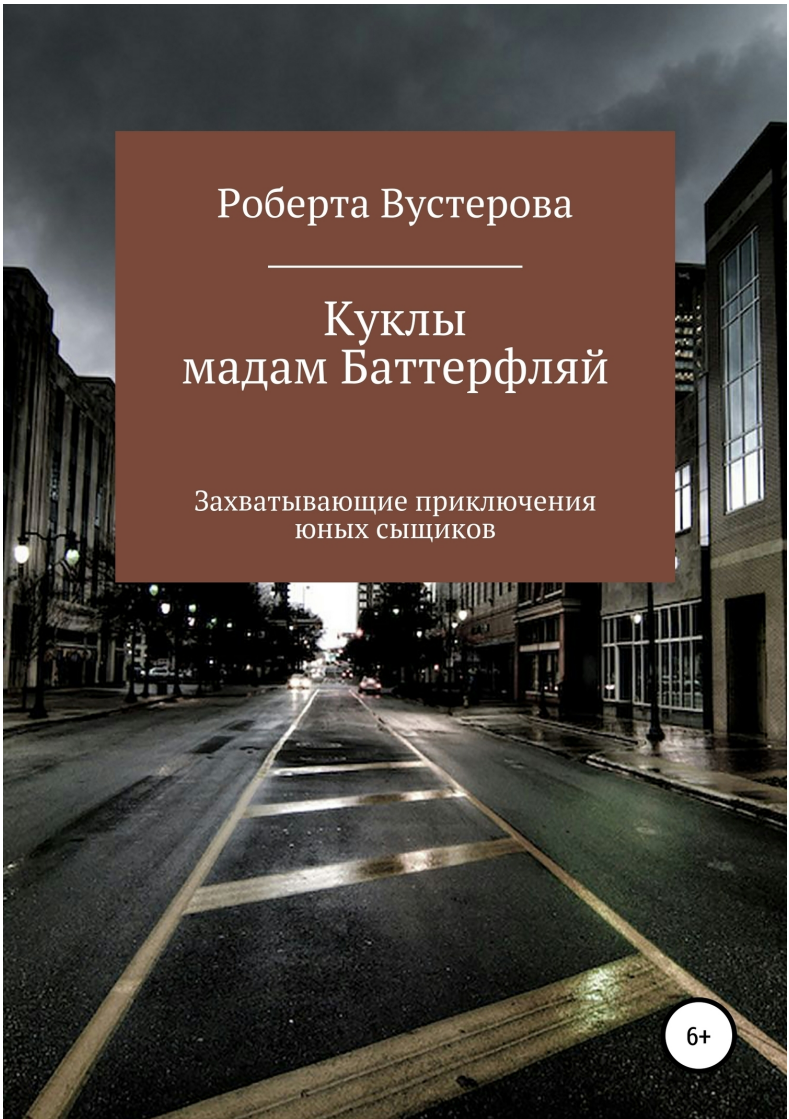

Роберта Вустерова

Куклы мадам Баттерфляй

Захватывающие приключения юных сыщиков

6+

Роберта Вустерова
Куклы мадам Баттерфляй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48830942
SelfPub; 2019

Аннотация

Тринадцатилетний Макс в отчаянии. Он совершил непоправимую ошибку, и теперь у него всего несколько часов, чтобы до возвращения родителей найти пропавшую младшую сестренку. Ему предстоит разгадать тайны помешавшейся на куклах старухи, крутого индийского программиста и человека с загадочными Черными Кубиками. Сумеет ли Макс преодолеть свои страхи? Помогут ли ему новые друзья – страстный сыщик Тимофей и его сестра, рыжая заноза Лиза? Как пригодится Максу его увлеченность логическими задачками? И зачем, наконец, понадобилась фотосессия с блинчиками? Детский, чуть-чуть мистический детектив.

Содержание

Глава первая. Четверг 5
Глава вторая. Суббота. утро 16
Глава третья. Шкет на кухонном столе 26
Глава четвертая. «Что ты ко мне привязался?» 36
Глава пятая. Как успокоить мамусю 47
Глава шестая. Фотосессия с блинчиками 57
Глава седьмая. Двадцать тысяч зубов ахатины 68
Глава восьмая. Тайна знака «О» 78
Глава девятая. Ведьмины забавы 88
Глава десятая. «Я знаю короткую дорогу» 98
Глава одиннадцатая. Засадный полк 110
Глава двенадцатая. «Гости! Гости!» 120
Глава тринадцатая. Душитель в белом балахоне 130
Глава четырнадцатая. Старуха смывается 140
Глава пятнадцатая. Сумка с сюрпризами 151
Глава шестнадцатая. Загадка желтой тряпки 160
Глава семнадцатая. Сокровища Индии 170
Глава восемнадцатая. В ловушке 180
Глава девятнадцатая. При чем тут чайник? 190
Глава двадцатая. Рассказ индийского программиста 202
Глава двадцатая первая. На живца 215
Глава двадцать вторая. Нападение на «Лавку 231

пряностей»
Глава двадцать третья. Знакомьтесь – попугай! 240
Глава двадцать четвертая. Нечистая сила 253
Глава двадцать пятая. Танец живота 264
Глава двадцать шестая. Махнуться не глядя 275
Глава двадцать седьмая. Мозговой штурм 287
Глава двадцать восьмая. Тяжелый день шефа 296
Глава двадцать девятая. Мамуся жмет на кнопку 307
Глава тридцатая. Суббота, вечер 317

Глава первая. Четверг

Старуха задерживалась. Часы на городской башне уже давно пробили одиннадцать, а она все не появлялась. На нее это было не похоже. Неужели что-то случилось?

Сыщик прижал вспотевшие ладони к шортам. Если старуха через пять минут не выйдет, ему придется выбраться из своего укрытия и отправиться домой, а операцию перенести на целый месяц. Оставить все сейчас, когда он так близок к разгадке, – об этом не хотелось даже думать.

На нос села муха и поползла по переносице. В носу защекотало, жутко захотелось чихнуть. Китайская пытка, подумал сыщик, вонзая ногти в ладони. Ни прогонять муху, ни производить оглушительные звуки было нельзя. Любой шорох или подозрительное шевеление веток могут его выдать. Огромный куст, весь покрытый белыми, противно пахнувшими цветочками скрывал мальчика с головой. Но он знал, как осторожен объект его наблюдения, и, когда прятался внутри куста, старался реже дышать.

Тут, наконец, дверь домика скрипнула и отворилась. Даже не глядя в ту сторону, сыщик мог рассказать, что происходит. Он следил за женщиной третью неделю, и каждый четверг повторялось одно и то же. Ровно в одиннадцать она выходила на крыльцо, не меньше трех минут возилась с ключом и отправлялась на рынок. В прошлые «базарные дни»

сыщик крался за ней по торговым рядам, прячась за спинами теток с кошелками. И сейчас хорошо представлял, что будет дальше. Больше часа бабка будет шататься по базару, щупать кабачки и груши, пробовать малину, торговаться из-за каждого рубля и обзывать продавцов вампирами, сосущими народную кровь. Домой вернется после двенадцати.

Муха улетела, однако нос чесался по-прежнему. Только не хватало чихнуть, когда она рядом. Чихнешь – и о засадах в жасмине придется забыть раз и навсегда. Вредная старушенция начнет проверять куст по нескольку раз в день, станет тыкать в ветки своей клюшкой, будто она скиф с копьем. Еще бинокль прикупит, чтобы из окон наблюдать. Сердце бухало где-то в горле. От резкого запаха цветов болела голова. Нет, месяц ждать нельзя. Если он сегодня не разберется, придется все рассказать мамусе.

Старуха уже заперла дверь на два оборота и теперь оглядывалась по сторонам, пристально всматриваясь в немногочисленных прохожих. Убедившись, что на нее никто не смотрит, она быстрым, почти незаметным движением сунула ключ в углубление за старинным дверным молотком в виде головы льва. А дальше произошло превращение, которому мальчик, сколько ни видел, не переставал удивляться. Тяжело оперевшись на клюшку, старуха чуть присела и согнулась в три погибели. И вот уже вместо высокой и крепкой, хотя и пожилой женщины с крыльца с трудом спускалась дряхлая согбенная бабка. Ее длинная черная юбка волочилась по

земле.

Дождавшись, когда она скроется за поворотом, сыщик вылез из своего укрытия и несколько раз прошелся взад-вперед перед домом. Жаркое летнее солнце прогнало с улицы последних прохожих, лишь вдалеке какой-то бомж упоенно копался в мусорном ящике. Взбежав на крыльцо, сыщик быстро вытащил из-за льва ключ, открыл замок и вошел внутрь.

***

Как только подросток скрылся за дверью, из-за большого платана на другой стороне улицы вышел человек с биноклем в руках. Не сводя с дома глаз, он сунул бинокль в карман, потом пожал плечами и зашагал в том же направлении, в каком побрела пожилая женщина с тростью.

То, что мальчик за ней следит, еще ничего не доказывает, думал человек, поправляя на ходу тяжелый головной убор. Этот пацан не первую неделю ходит за леди по городу. Но вот то, что он полез в ее дом, вызывает подозрения. Хотя вряд ли он разузнал что-то новое. Наверное, просто заигрался в сыщика.

Владелец бинокля поморщился. Сколько ни бьется, концы с концами никак не сходятся. Что у него есть? Собственная ужасная история – раз. Загадочные события, которые произошли в этом городе прошлой осенью, – два. Фэнтези, сочиненное подростками с богатым, если не сказать необуз-

данным, воображением – три. Странная женщина, за которой следит мальчик, – четыре. Второе и третье еще можно как-то связать. Осенние происшествия, несмотря на все попытки в них разобраться, так и остались тайной, покрытой мраком. Это же замечательная пища для фантазии любопытного мальчишки. Он такого навоображает – только держись.

Человек с биноклем промокнул платком вспотевший лоб. Зря он разгуливает в такой одежде. И жарко, и слишком в глаза бросается. Впрочем, как раз для этого он в город и приехал. Чтобы привлечь к себе внимание. Чтобы о нем заговорили, чтобы знали, где живет. Но все равно не надо было в таком наряде приходить на Виноградную. Если он собирается навестить женщину, не стоит настораживать ее заранее.

Если бы ищейка дала ему еще хоть одну зацепку. Может, она ошиблась? Нет, он не сомневается, что составил задание правильно. И все-таки: копалась почти год и нарыла только это. Гадай теперь, какое отношение к его семье имеют местные жители.

Владелец бинокля свернул к центру и ускорил шаг.

За целый месяц он так и не достиг цели. Что делать дальше? Шататься за пожилой дамой, как этот мальчишка? Подростки могут играть в сыщиков сколь угодно долго. Он не может. Видимо, пора уезжать. Но перед отъездом он все-таки бросится головой в омут и явится к леди с вопросами. Не забыть прихватить с собой для нее какой-нибудь сувенир.

Женщина она, конечно, презабавная. Чего стоит один

трюк с превращением в дряхлую старуху. Но ведь он не за тем тут торчит, чтобы восхищаться ее актерскими способностями.

Он специально не скрывался, выставлял себя напоказ, чтобы в этом городе о нем узнало как можно больше людей.

Чтобы тот, кто ему нужен, понял: человек приехал к нему договориться и ради этого готов на все.

***

– Он взрослый парень, – убежденно произнес папа Иванов. – Вполне дорос до того, чтобы поприглядывать за сестренкой те несколько часов, что мы будем в отъезде.

– Я и сама знаю, что он ответственный, что на него можно положиться, – ответила мама Иванова сомневающимся голосом. – Но все-таки мы еще никогда не оставляли их одних так надолго.

– Надолго – это с семи утра до десяти вечера, – уточнил папа. – Скорее всего, мы вернемся раньше. Не понимаю, что может случиться за какие-то пятнадцать часов.

– Зимой я бы не боялась, – задумчиво протянула мама. – Они не стали бы месить грязь. Сидели бы дома, занимались каждый своим делом. Но сейчас лето…

– Чего ты боишься? Чем лето страшнее?

– Ты хорошо знаешь, чего я боюсь. Сегодня День города. Большой праздник. Макс поведет ее в парк.

– Он и так часто водит ее в парк. Ничего же не случается. А в праздник всегда порядка больше, полиция старается.

– Ничего не случается, потому что я недалеко и мое присутствие ее защищает. Ну, или мне кажется, что защищает.

– Слава циркулю! А то я уж подумал, ты ударилась в мистику и наш дом вот-вот наводнят чревовещатели.

– Ты все смеешься. Лучше вспомни историю с девочками.

– Милая, но все же кончилось хорошо. На них ни одной царапины не нашли. И психика в порядке. И аппетит. Такие же, как всегда, веселые, здоровые…

– Только сутки неизвестно где пропадали. И ничего не помнят, заметь. Сам говорил – такого не может быть. Но ведь было. А матери! Они же чуть с ума не сошли.

– Это было почти год назад. С тех пор тишина и покой. Как, впрочем, и до того. Ты же не будешь спорить, что у нас очень тихий и спокойный городок, в котором самое ужасное происшествие – драка футбольных фанатов.

– Все равно я боюсь. Жаль, Ленусика с Кариной нет в городе. Они бы присмотрели.

– Не бойся. Ничего с Катюхой не случится. И Максу немного самостоятельности не помешает. Он слишком домашний, даже в каникулы не выползает из-под ноутбука. Ему приключения нужны. Новые друзья, девчонка какая-нибудь с глазищами. Чтобы влюбиться без взаимности.

– Ну что ты говоришь! Он еще маленький.

– Хорош маленький – тринадцать стукнуло.

– Совсем недавно.

– Ты слишком над ним трясешься. В его возрасте из дома сбегают, опасностей ищут. Вот ответь мне как профессиональный психолог: тебя не напрягает, что он растет ботаном?

– Как профессиональный психолог я считаю, он не робкий. Замкнутый немного, стеснительный, но это не значит, что слабый.

– Согласен. Слабому не под силу полгода уперто писать сценарий компьютерной игры.

– Слабому давно бы надоело.

– Ну что, решено? Жаль, конечно, что праздник пропустим. Но сама понимаешь – нам нужно туда съездить и увидеть все собственными глазами. Чай, не корову покупаем.

– Хорошо, уговорил, – улыбнулась мама Иванова. – Но знай, если с ними случится хоть какая-нибудь микроскопическая ерунда, я умру. И потом никогда тебе этого не прощу.

– Договорились, – улыбнулся в ответ папа Иванов.

***

Человек, получивший в наследство Черные Кубики, бросил голубям последнюю горсть семечек и смял бумажный кулек. Часы на городской башне показывали половину двенадцатого. Пора возвращаться.

Он хорошо погулял сегодня, еще раз все обдумал. Ему всегда отлично думается на ходу. Если братья-разбойники не подведут, в субботу он уедет из этого города навсегда.

Дело сорваться не может. Все рассчитано по минутам и по шагам. Братья-разбойники свои инструкции зазубрили наизусть, специально проверял. Кто, где, во сколько – оттарабанивают, как пятиклассник таблицу умножения. Часы их тоже сам завел и сверил. Времени на основную операцию более чем достаточно. Хотелось бы, конечно, иметь на руках оба кубика одновременно, но тут ничего попишешь. Лучше обойтись без истерики и обмороков. Ну, подумаешь, пробежится младший лишний раз по городу – только здоровее будет. Движение – это жизнь.

Мужчина, поднялся со скамейки, посмотрел по сторонам.

Ему нравился этот маленький город на юге России. Вообще-то он мог поселиться где угодно. Не в Москве, конечно, нет. После того как он не справился со своей злостью и совершил необдуманный поступок, Москва для него закрыта. Он мог жить, например, в Самаре или Архангельске. Где-нибудь на Урале или в Сибири. Но он любил тепло и ненавидел снег. Любил ходить пешком и не выносил пробки на дорогах. Он не поехал на Урал. Он поселился в городе, который из конца в конец можно пройти за час. В местечке, где на улицах вместо берез растут абрикосы и грецкие орехи. Где лето начинается в апреле, а заканчивается в октябре. Где днем люди плотно задергивают на окнах шторы, чтобы в полумраке отдохнуть от солнца. И где все друг друга знают, а любая новость распространяется со скоростью пожара в сухом сосняке. Вот почему очень скоро придется отсюда

уехать.

Ему хорошо жилось в этом городе и будет жалко с ним расставаться. Даже со всеми выходками одного несносного существа ему жилось в этом городе просто замечательно. И потом еще недавно никто не стал бы его здесь разыскивать.

Человек, получивший в наследство Черные Кубики, бросил смятый кулек в урну и отправился в магазин за молоком.

***

«Двумя руками Баба Яга поднимает метлу за черенок, как двуручный меч, и со всей силы шмякает вурдалака по лысому черепу».

Поставив точку после слов «лысый череп», Макс задумался. Во-первых, над тем, бывают ли лысые вурдалаки. Во-вторых, над тем, как быть со шмякнутым упырем дальше.

Вариантов пока было три.

По первому, вурдалаку от метлы ничего не сделается, и он кинется улепетывать от Бабы Яги по стенам замка, аки человек-паук. Яга, разумеется, понесется за ним в ступе. Вурдалак нырнет в дыру, оставшуюся от окна. Если у Бабы Яги не хватит ума затормозить и она ринется за врагом на полной тяге, то попадет под град ядерных стрел лесной нимфы-вампирши. Дальше – как повезет. Сумеет бабуля уклониться от всех стрел – вампирше капец. Яга проткнет ее черенком метлы, который вырезан из осинового кола, и заберет себе лук,

правда, без стрел. Если же хоть одна стрела попадет в ступу, Яга останется без транспорта, с одной энергометлой. Что будет потом, Макс еще не придумал.

Второй вариант был самым простым: вурдалак с громким шипением испаряется, а метле добавляется еще один энергопрут. Ни действия, ни развития. Никакого увлекательного геймплея.

Третий нравился Максу больше всего. От удара метлы вурдалак превращается в шестого домовенка. Вместе с пятью другими домовятами со сверхпособностями он образует магическую шестерицу – маленькое, но могучее войско Бабы Яги. Шестерица завоюет Яге дополнительную жизнь, оснастит ступу реактивной тягой, отбитой у противника, и поможет старушенции перебраться на следующий уровень. Или, наоборот: всей кучей они вернутся назад и получат доступ к другому пути к Кащею – не через заброшенный замок.

Макс задумался, чем вооружить будущих врагов Бабы Яги, чтобы они могли противостоять бабуле и ее магическому войску. Но это все механика. А как же с сюжетом?

В его голове засуетились образы нечисти, которая рвалась занять место в сценарии. Но захватывающий сюжет с лешими и болотными хмырями пока не вырисовывался. Геймплей явно тормозил. Мысленным взором Макс заметил, что нечисть начинает таращиться на него со злобным негодованием.

Ладно. Он пошевелил пальцами над клавиатурой ноутбу-

ка и впечатал в сценарий новое слово.

Глава вторая. Суббота. утро

– Катька, я вернулся! – крикнул Макс, вваливаясь в квартиру вперед спиной. – Ты почему дверь за мной не закрыла? Я же просил. Кругом мошенники шмыгают. Отберут Пузика, будешь плакать.

Катя не ответила.

На критику обиделась, подумал Макс.

Не выпуская террариум из рук, кое-как стянул с ног сандалии и прошел к себе в комнату. Место на подоконнике он расчистил заранее и теперь с облегчением шлепнул ношу туда. Щурясь от яркого солнца, мальчик смотрел, как Тинтин медленно ползет по дну стеклянного куба. Гигантская африканская улитка ахатина поворачивала то вправо, то влево свои длинные глаза-щупальца, осматриваясь на новом месте.

…Если бы Серый, друг Макса по школе, не покрывался от слизи улитки розовыми пятнами, он ни за что бы с ней не расстался. Но сегодня утром Серёгина мама поставила ультиматум: или сын немедленно находит Тинтину нового хозяина, или она прямо сейчас относит его обратно в зоомагазин.

По телефону голос Серого звучал умоляюще. «Давай проверим на тебе, – просил несчастный хозяин Тинтина. – Хотя бы с неделю. Вдруг тебе повезет, ты не пойдешь пятнами и тогда оставишь его себе. А не повезет, я что-нибудь приду-

маю. Объявления развешу: «Отдам улитку в добрые руки».

Отказать Серому Макс не мог. Не принято было в их дружбе отказывать другу в просьбе. Макс догадывался, как отреагируют на появление ахатины родители, но рассудил, что неделю они продержатся. Наскоро покормив Катю завтраком, он сполоснул миски-ложки и пообещал, что вернется ровно через тридцать минут. И как только вернется, они отправятся в парк.

Уложиться в тридцать минут не удалось.

Оттягивая расставание, Серый долго рассказывал приятелю, что едят ахатины, как впадают в спячку, когда еды не хватает, как обожают купаться. Обещал навещать улитку каждый день и даже менять ей подстилку, для чего собрался стянуть у мамы резиновые перчатки. На прощанье он погладил любимицу и угостил листиком салата.

Потом Макс долго тащил террариум до своего дома.

Стеклянная штуковина оказалась гораздо тяжелее, чем уверял Серый. Нести ее можно было лишь одним способом – обхватив руками и прижав к животу. От напряжения руки потели, и террариум начинал скользить вниз. Приходилось останавливаться и подпирать его коленкой, чтобы вытереть влажные ладони о футболку. Хорошо еще Макс отделался от «приданного», которое настойчиво совал ему друг. От кирпича из спрессованного кокосового волокна – подстилки для Тинтина и большого огурца, его любимого лакомства. Если бы не отделался, давно лежал бы на асфальте, придавленный

кубом, кирпичом и огурцом. Улитка в счет не шла. До гигантской ей еще расти и расти.

В тысячный раз подтолкнув террариум вверх, Макс представил, как здорово было бы сейчас развалиться на тротуаре. Вот он лежит у входа в какой-то магазин, спокойный и счастливый, руки вразлет. На животе покачивается прозрачный куб. Вокруг люди. Шумят, толкают друг друга. Каждый хочет посмотреть, как Тинтин скребет зубами по огурцу. У ног Макса табличка: «Зверинец переносной».

Он тряхнул головой и в тысячепервый раз толкнул террариум коленом.

Дотащившись до своего подъезда, Макс передохнул на скамейке и из последних сил поволокся к себе на третий этаж. На лестнице стало особенно тяжело. Пальцы елозили по стенкам так, что он боялся выронить ахатину на ступеньки. От страха в голове стоял звон бьющегося стекла – совсем как на прошлой неделе, когда он нечаянно грохнул на кухне графин для воды. Пока добирался до своей квартиры, поклялся, что в следующий раз согласится нести только чугунный мост…

…Увлеченный Тинтином, Макс не сразу заметил, что в доме тихо. Обычно в это время сестра бесилась у себя в комнате, распевая песни вдвоем с любимым сиреневым бегемотом Пузиком, или, пыхтя, отвинчивала голову новой кукле.

– Катюха, иди, посмотри, кого я принес, – позвал он, но в

ответ опять не раздалось ни звука.

Макс удивился. Шестилетняя Катька совала нос во все дела старшего брата. Смотрела, какие книги он читает, рылась в ящиках стола, пыталась залезть в ноутбук. Макса это забавляло. Иногда он специально оставлял в столе любимый Катин жевательный мармелад, резинку для волос или фломастер необычного цвета. Однако вход в ноутбук на всякий случай запаролил, чтобы она не добралась до «Нечистой силы».

Катя ни за что не пропустила бы появление в доме улитки. Надулась и теперь прячется, решил Макс. С собой я ее не взял, за открытую дверь отругал. Сильно обиделась. Надо мириться.

Выйдя из комнаты, он закрыл глаза руками и громко досчитал до десяти. Пробормотав напоследок «Кто не спрятался – я не виноват!», пошел по квартире, заглядывая во все укромные уголки. Сестры не было ни в кладовке, ни в шкафу родительской спальни, ни за диваном в гостиной, ни под письменным столом в кабинете отца. На полу кухни нашелся сиреневый бегемот. Странно, обычно она с ним не расстается…

Когда он двинул в Катину комнату, в квартире раздался звонок. Кого-то принесло ну совсем невовремя.

Макс посмотрел в глазок. Обзор закрывала полоска белой ткани с красным кругом посередине и иероглифами по бокам. Хатимаки, вспомнил название Макс. Понятно. Всего

один человек из всех Ивановских знакомых носил на голове японскую бандану. Одуванчик, Петр Савельич Кочепаскин, сосед по лестничной площадке.

Кочепаскин появился в доме, где жила семья Ивановых, всего полгода назад, но за это время успел сдружиться с Ивановыми-старшими. Он был маленьким, крепким, энергичным старичком, почти совсем лысым, только над ушами торчали кустики пушистых белых волос. На солнце кустики светились, как парашютики одуванчика, за что Петр Савельич и получил от Ивановых-младших свое прозвище. Говорил он быстро, короткими фразами и очень любил давать советы, приводя в пример поучительную историю из своей жизни.

Все его истории начинались со слов «Когда я служил в Башкирии…». Но такое вступление не гарантировало, что история будет про то, что случилось в Башкирии. Чаще всего после первой же фразы судьба в виде командира воинской части забрасывала Кочепаскина в самые невероятные места. То на Крайний Север, где он месяц жил в хижине на берегу Белого моря. То в Африку, в заповедник Ботсваны. А то и вовсе в подземелья Петербурга.

– Представляете, милочка, – говорил Петр Савельич маме Макса и Кати, – на Белом море мы с товарищем целый месяц не ели хлеба. Белые медведи там были. А хлеба не было. Местные жители его не пекли, да и муку-то видели, когда вылетали на материк.

– На материк? – удивлялась мама.

– Ну да, там же десятки островов. На некоторых живут люди. Мы с товарищем случайно застряли на одном из самых маленьких обитаемых островов. Ждали катер, а он не мог добраться до нас из-за раннего ледостава.

– И что ж вы ели целый месяц?

– Вы не поверите, милочка, – красную икру. Нам дали трехлитровую банку красной икры, и мы ели ее большими ложками. В конце жевали и плакали – так хлеба хотелось. С тех пор я хлеб никогда не выбрасываю. И вам не рекомендую.

К соседям Петр Савельич являлся в хатимаки, темно-вишневом атласном кимоно с драконом на спине и деревянных сабо, громыхающих, как боевые японские барабаны. Внешний вид добавлял его историям экзотики. Заслышав «Когда я служил в Башкирии…», на кухню подтягивались все имеющиеся в наличии Ивановы.

Слушать про икру Кате не нравилось. Она считала ее гадостью, хотя пробовала всего раз. Зато обожала истории про петербургские подземелья, секретные ходы под дворцами, потайные двери, ведущие вниз прямо из царских спален. Максу нравилось все. И про поморов, и про подземелья, и, особенно, про Центральную Калахари, заповедник Ботсваны. Кочепаскин рассказывал, как слоны отгоняют львов от слонят стопудовыми ножищами. Как гепард, догнав на бешеной скорости антилопу, валится рядом со сбитой жертвой без сил. И иногда так долго не может встать, что добычу уво-

лакивают наглые гиены.

Когда рассказчик уходил, папа тер переносицу.

– Самое удивительное, что он не врет. Может, капельку приукрашивает, но в главном, даже в деталях – все соответствует действительности. Неужели он реально бывал в Африке? Не удивлюсь, если бывал. Есть в нем что-то от авантюриста. Так и кажется, что его сочинения – лишь вершина айсберга. А под водой у нашего Петра Савельича много чего разного.

– Ну что ты наговариваешь на хорошего человека, – сердилась мама. – Он немного словоохотлив, но это ведь небольшой недостаток. Подожди, доживешь до его возраста, тоже будешь всех историями доставать.

– Историями о чем? – смеялся папа. – О гальванических покрытиях? Или я чего-то не знаю, и мы завтра вылетаем в Ботсвану?

С мамой Петр Савельич делился рецептами омлетов и запеканок. С папой – замечательной дрелью, которая настолько легко сверлила дырки в кирпичных стенах, что даже Макс с ней управлялся. Когда родителям приходилось, как сегодня, уезжать из дома на целый день, до позднего вечера, они всегда просили соседа «приглядеть за детьми». Тот брался за дело с огромным энтузиазмом. Вот и сейчас он показывал в глазок тарелку, накрытую ярко-синей крышкой. Макс вздохнул и открыл дверь.

– Привет юному поколению! – сказал Одуванчик и ткнул

мальчика в бок пальцем. – Как дела? Проголодались? Я блинчики испек. С вареньем за уши не оттащишь!

Быстро отделаться от Одуванчика еще никому не удавалось. Макс посторонился, пропуская его в квартиру. У Ивановых Петр Савельич ориентировался как у себя дома. Проскочив на кухню, он шлепнул тарелку на стол и открыл холодильник, чтобы достать варенье. Но тут же закрыл его и с тревогой посмотрел на Макса.

– Где Катюша? – спросил он, заглядывая мальчику за спину. – Почему ее не видно?

Признаться, что оставил сестру одну, пошел к другу за улиткой и задержался? Одуванчик такое вряд ли оценит. Однако врать Макс не любил. Пришлось сказать, что выходил ненадолго, а когда вернулся, в доме было тихо.

– Думаешь, она ушла? – занервничал Одуванчик, узнав, что Катя не отзывается. – Может, спряталась где и заснула. С маленькими это бывает. Ты искал?

– Искал, – Макс грустно покивал головой. – Почти всю квартиру обшарил. Только в ее комнате не успел посмотреть.

– С нее надо было начинать.

Одуванчик быстро вышел из кухни. От стука его сабо Максу стало не по себе. Если бы сестра была дома, то уже бы объявилась.

В Катиной комнате было пусто. Выглянув в окно, Макс увидел толпу шумной мелюзги, переходившей дорогу под присмотром вожатых с красными флажками. Летний лагерь

вели в городской парк, зеленевший на другой стороне улицы. Уходя за Тинтином, Макс обещал покатать там сестру на карусели. Видно, Катя, не дождавшись брата, отправилась в парк сама.

– Я знаю, где она, – сказал Макс. – Сейчас ее найду.

– Да-да, – рассеянно отозвался Петр Савельич.

Макс обернулся на Одуванчика и удивился: тот не сводил глаз с полки, на которой сестренка расставила в ряд свои игрушки.

– Странная какая кукла, – бормотал старичок, впившись взглядом в Рыжего. Не думал, что такие бывают… Давно она у Кати?

– Рыжий? – переспросил Макс. – Дня два. Катька его нашла. Говорит, на детской площадке в домике под скамейкой лежал. Мама завтра хочет объявление дать на одиннадцатый канал, может, хозяин найдется.

– Объявление, говоришь? – задумчиво произнес Одуванчик. – Объявление – это хорошо. Ежели объявление дать, конечно, найдется…

– Пойдемте, Петр Савельич, – Макс нетерпеливо потянул гостя за рукав. – Мне за Катей надо бежать. Мама обещала голову открутить, если я ее одну из дома выпущу. Боится, как бы чего не случилось. И почему она меня не дождалась?

– Пойдем-пойдем, – заторопился Одуванчик. – Мне тоже пора бежать. Срочные дела, понимаешь…

Громыхнув напоследок сабо, Кочепаскин выскочил из

квартиры. Макс пронесся в свою комнату, дернул за штору, чтобы Тинтин не перегрелся на солнце, рассовал по карманам телефон и ключи. Сердце бухало уже и в горле, и в ушах. С трудом застегнув сандалии дрожащими пальцами, он вылетел из квартиры.

Глава третья. Шкет на кухонном столе

Дорогу Макс перебежал на красный свет.

За спиной завизжали тормоза, сбоку раздраженно засигналила «пятнашка». Не утерпел и водитель маршрутки, поджидавший пассажиров на остановке. Он высунулся в окно и громко обругал всех подростков, которые ничьей жизнью не дорожат.

Влетев в парк, Макс остановился у входа. Катя могла отправиться на детскую площадку с каруселями, качелями, песочницей, игровым лабиринтом и желтым пластиковым домиком со скамеечками внутри. Могла пойти и направо, к фонтану, куда в начале лета запустили золотых рыбок. Вокруг фонтана стояли палатки с «пепси», сахарной ватой и любимым Катиным мороженым. Но он знал, что денег у сестренки нет, а смотреть, как другие облизывают сладкие шарики, а потом греют на солнце замерзшие языки, она не любила.

Макс понесся к детской площадке. Там вовсю галдела малышня. Кудрявая девчонка с большим розовым бантом с криком «Аааа!» скатывалась с ярко-зеленой надувной горки. Двое трехлеток тягали друг у друга оранжевого зайца вполовину себя ростом. Еще один ревел рядом, сжимая в

руке длинное оранжевое ухо. На лавочках вокруг площадки сидели мамы. Почти все уткнулись в телефоны, и лишь одна читала журнал с большими красными буквами на обложке: «Гороскоп на месяц! Берегитесь предательств!».

Макс обшарил всю площадку. Облазил кусты, заглянул под скамейки, сунул голову в домик, вспугнув двух девчонок с куклами. Спросил у мам, не видели ли они маленькую беленькую девочку в голубом платье и с перламутровым ободком на голове. Когда мамы отрицательно покачали головой, он полетел к фонтану. Потом пробежал по аллеям. Снова заглянул на детскую площадку. Сестры нигде не было.

Оставалось осмотреть еще одно место – лодочную станцию на пруду в дальнем углу парка.

Узкий, длинный и глубокий, пруд змейкой петлял среди деревьев. Даже в самое жаркое лето вода в нем не прогревалась из-за холодных ключей. Пляжа на нем не имелось. Зимой в ледяном крошеве плескались «моржи» из местного клуба «Горячие белые медведи», в остальное время по гладкой поверхности скользили лодки и плюхали катамараны с отдыхающими.

Рядом со станцией располагалась зона отдыха с мангалами, деревянными столами и скамейками. С весны до осени тут жарили шашлыки и продавали пиво. Малышня без родителей сюда не забредала. Развлечений для нее здесь не было, к тому же малявок беспощадно гонял спасатель, постоянно дежуривший у лодок. Кате строжайше запрещалось ходить к

пруду одной.

Макс выскочил на берег. Лодочная станция находилась на дальней от него узкой стороне водоема. Там происходило что-то необычное. На траве стояли машина скорой помощи и полицейский джип. У кромки воды высился третий автомобиль с крупными буквами МЧС на борту. Вокруг толпились люди.

От машины МЧС в воду уходил трос.

Сердце Макса забилось, как после сдачи норматива по физре. В панике он помчался по тропинке. Ноги цеплялись за корни деревьев. Пару раз он чуть не упал, но все равно не выпустил трос из виду.

На машине МЧС заработала лебедка. Трос зашевелился и начал накручиваться на барабан. Из воды показался шлем водолаза.

У Макса потемнело в глазах, и он прижался спиной к дереву. Сейчас он увидит на вытянутых руках спасателя безжизненное тело Кати. В спутанных волосах – перламутровый ободок, который он подарил ей вчера.

В голове с бешеной скоростью замелькали страшные картины.

Вот полицейские заводят его руки за спину и защелкивают наручники. Вот его заталкивают в машину с решетками на окнах. «Он нарушил обещание, – скандируют в толпе, указывая на него пальцами. – Он не уследил за сестрой».

Макс ищет взглядом родителей, но они не желают с ним

разговаривать. Папа смотрит в сторону, мама рыдает у него на груди. Машина с решетками трогается. За ней бегут журналисты. «Это не даст тебе забыть, что ты натворил», – говорит полицейский с пистолетом и кладет ему на колени мокрого сиреневого бегемота. «Откуда тут Пузик? – удивляется Макс. – Он же остался на кухне».

В мозгах прояснилось. Отклеившись от дерева, Макс уставился на водолаза, который уже выбрался на берег. Он держал в руках погнутое велосипедное колесо. Барабан продолжал скручивать трос, выволакивая на траву железную плоскодонку без весел. Народ стал расходиться. Коротко посигналив, уехала скорая, за ней последовал полицейский джип.

Макс облегченно вздохнул. При таком скоплении людей с Катей не могло случиться ничего плохого. Может, она уже вернулась домой? Подстегнутый надеждой, он снова рванул через дорогу на красный. Катя не сидела на лавочке у подъезда. Через две ступеньки он взлетел на свой этаж. Она не поджидала его на лестничной площадке.

Он бросился на кухню. На холодильнике торчал из-под магнита клочок бумаги с домашним телефоном лучшей Катиной подружки. Дрожащими пальцами Макс вытащил сотовый и набрал номер. Вслушиваясь в длинные гудки, он соображал, как спросить о Кате, чтобы не заподозрили неладное. Но на звонок никто не ответил. Подружка жила в соседнем дворе, и Макс снова выскочил на улицу.

Спустя час он вернулся домой и сел на диван, обхватив

голову руками. Катя не нашлась ни в соседнем, ни в других дворах их короткой улицы. Ее не было нигде. Городок, где жил Макс, был небольшим, и за час он оббежал почти весь, за исключением дальних окраин. Но сестра будто под землю провалилась.

Что будет, если она не найдется до возвращения родителей? Если пропала, как те девочки? Макс представил лицо мамы, когда она узнает об этом, и у него пересохло в горле.

Он побрел на кухню и достал из холодильника бутылку воды. На столе рядом с тарелкой с Одуванчиковыми блинами валялся пульт от телевизора. Отпив глоток, Макс рассеянно нажал на кнопку.

Экран на стене ожил. Местный канал заканчивал выпуск новостей. С улыбкой пообещав зрителям продолжение жары, ведущая стала складывать бумаги. Внезапно в кадре возник и тут же пропал лохматый мужик в очках. Лицо ведущей изменилось. Она напряженно вслушивалась в то, что ей говорили в наушник. Внизу экрана поползли красные буквы «Срочное сообщение!».

Макс дернулся. Бутылка больно стукнула по зубам, вода выплеснулась на стол. Его охватил ужас, по сравнению с которым испытанное на пруду потрясение казалось детской шуткой.

– В наш город вновь вернулся кошмар, – мрачным голосом произнесла ведущая. – Все помнят события прошлой осени, когда у нас начали пропадать маленькие девочки.

Первой исчезла Ира Макарова. За ней, неделю спустя, – Варя Тимошина. К счастью, девочек находили уже на следующий день, причем абсолютно здоровыми и невредимыми.

Макса трясло. Какого фига она тянет время? Почему сразу не сказать, что случилось.

Дикторша на миг замолкла, прижав палец к уху. Видимо, выслушивала новые указания.

– Тайна их внезапного исчезновения осталась нераскрытой, – продолжила она после заминки. – С Ирой и Варей работали психологи. Полиция опросила сто сорок семь человек, но не нашла свидетелей случившегося. Сами девочки не помнили, где провели целые сутки. Версии выдвигались разные, вплоть до похищения детей пришельцами.

Максу захотелось метнуть в экран что-нибудь тяжелое. Потяжелее бутылки с водой, которую он все еще сжимал в руке.

Лицо ведущей снова изменилось. Не скрывая облегчения, она объявила, что в редакции только что подготовлен материал о новом происшествии и его сейчас покажут зрителям.

После первых же фраз Макс потерял к новости интерес. Подумаешь, два дня назад в городе пропал какой-то одиннадцатилетний пацан. Лето же. На море сбежал или в зарослях на реке прячется. Отыщется, никуда не денется. В одиннадцать лет Макс и сам собирался отчалить в кругосветное путешествие. Даже припрятал в потайном месте перочинный нож, моток веревки, спички, фонарь и пачку печенья. Катя

случайно нашла тайник и, конечно, расщебетала все родителям. Пришлось дать обещание подождать с путешествиями до совершеннолетия.

Пока Макс стирал со стола воду, телевизор бурбулил дальше.

Как выяснилось, Тимофей Галкин – так звали пропавшего – и его сестра всю последнюю неделю жили одни, потому что их мама уехала в командировку. За внуками присматривала бабушка, живущая по соседству. В четверг мальчик ушел из дома, предупредив родных, что переночует у друга на даче.

– Он часто так делал, – рассказывала с экрана бабушка, вытирая платком слезы. – Мы с этой семьей дружим, на даче у них бываем. Но туда из города не дозвонишься, связь плохая. Я и не беспокоилась…

Паникерша эта бабка, думал Макс, закручивая на бутылке крышку. Мало ли где связь плохая. Чего сразу тревогу бить. Любят же взрослые каждый наш шаг контролировать.

– Мама Тимофея вернулась из командировки сегодня утром, – сообщила дикторша. – Не найдя сына у друзей, она сразу же обратилась в полицию. К поискам уже подключаются волонтеры. Просим всех, кто что-нибудь знает о пропавшем мальчике, позвонить по этим телефонам.

На экран вывели несколько номеров, потом они сползли вниз, в бегущую строку, а сверху появилась фотография Тимофея Галкина. В футболке защитного цвета, шортах и синих слипонах на толстой подошве он стоял у фонтана под

брызгами воды. У шкета были зеленые глаза, рыжие волосы и уши, как у индийского слона. Рука Макса дрогнула…

Бутылка с водой слетела со стола и покатилась по полу. Пихнув ее ногой, он пронесся в Катину комнату, схватил Рыжего с полки и, вернувшись, уставился в телевизор.

Кукла была точной копией пропавшего пацана. Такие же волосы, глаза, уши-лопухи, такой же курносый нос в веснушках. Даже одета в ту же одежду, что мальчишка на фото. Лишь выражение лица другое. В глазах испуг, рот приоткрыт. Кукла выглядела так, будто ее застукали за чем-то нехорошим.

Ничего не понимая, Макс покрутил куклу в руках. Когда он перевернул ее вверх ногами, из кармана Рыжего выпал какой-то предмет. Макс нагнулся. У ног лежал крошечный черный кубик с кнопкой, на которой переливался золотом непонятный знак, похожий на букву «О». Поставив куклу на стол, он осторожно дотронулся до кнопки пальцем, а потом чуть-чуть на нее надавил.

Кухню залила ослепительная вспышка белого света. Несколько секунд Макс ничего не видел, будто все предметы стали вдруг невидимыми. Когда зрение вернулось, куклы на столе не оказалось. Вместо нее у тарелки с Одуванчиковыми блинами стоял рыжий мальчишка.

Рыжий мальчишка, как две капли воды похожий на Тимофея Галкина.

Нет, этого не может быть, подумал Макс. Крепко зажму-

рившись, он начал вслух считать до десяти. Считал медленно, а во время длинных пауз между словами прислушивался к звукам на кухне. Звуков раздавалось немного, и были они самыми обыденными: тихое жужжание холодильника, тиканье часов, уличный шум, доносившийся из раскрытого окна.

Померещилось, решил Макс и после слова «десять» открыл глаза.

Рыжий пацан никуда не исчез. Молча и неподвижно он торчал в центре стола, не спуская с Макса взгляда. Видимо, ждал, когда Макс досчитает до конца.

На какой-то миг Макс вообразил, что существо на столе – никакой не живой мальчик. Это или еще одна кукла, изображающая Тимофея Галкина в натуральную величину. Или, что более вероятно, человекообразный робот, невесть как попавший сюда из Японии. Оставался вопрос, чем таким знаменит в Японии этот Галкин, что с него делают андроидов. Но Макс не стал сейчас заморачиваться над этим вопросом. Не до того.

От куклы, которую Макс только что крутил в руках, рыжий робот отличался выражением лица. Рот был закрыт. Вместо испуга на физиономии написано любопытство.

Робот кашлянул, сунул руки в карманы и привстал на цыпочки. И Макс с тревогой понял, что его теории не катят. Никакая это не портретная кукла. И не японский андроид. Этот шкет – настоящий Тимофей Галкин.

– Ты кто? – спросил шкет, глядя на Макса сверху вниз. –

Внук старухи?

Глава четвертая. «Что ты ко мне привязался?»

– К-к-какой старухи? – с трудом выдавил из себя Макс.

– Ну, такой, с клюкой, – шкет неопределенно пошевелил пальцами.

Бабушек у Макса с Катей было две. Внуки называли их по имени. Ленусик, мамина мама, выйдя на пенсию, заявила, что бывших журналистов не бывает, и завела блог на сайте городской газеты. В нем она вспоминала случаи из своего пионерского детства и перепиралась с теми, кто в них не верил. Папина мама Карина преподавала математику в политехническом колледже. Когда наступали летние каникулы, она переселялась на дачу и начинала, по ее выражению, «вычислять интегралы» из того, что росло на земле, на кустах и деревьях. Осенью кладовую Ивановых заполняли десятки больших и маленьких банок с вкуснятиной. К огорчению Макса, соленые арбузы и моченый виноград заканчивались первыми.

Ни Ленусик, ни Карина ни капли не напоминали старух с клюками.

– Ты точно говоришь о моей бабушке? – спросил Макс.

Мальчишка не ответил. Он крутил головой, оглядывая кухню. Когда его глаза добрались до окна, на лице Тимофея

Галкина, если это был, конечно, он, нарисовалось страшное удивление.

– Это что, парк? – ткнул он в окно пальцем.

– Парк, – пробурчал Макс.

– На улице Космонавтов?

– На Космонавтов.

– Тогда это точно не дом старухи, – констатировал пацан и впился взглядом в Макса. – А чей? Твой? А ты кто? И почему я стою на столе?

Макс разозлился.

Проводив сегодня в семь утра родителей, он плюхнулся в папино кожаное кресло, закинул ноги на подлокотник и составил в уме план дня. Впереди его ждали пятнадцать часов абсолютной свободы, поэтому план оказался длинным. Конечно, несколько пунктов пришлось отвести Кате. Максу предстояло накормить сестру завтраком, обедом и ужином, сводить ее в парк и в кино на мультик, почитать на ночь книжку. Зато остальные часы принадлежали лично ему. Жуть, сколько он собирался провернуть за эти часы!

Поход к Серому за Тинтином в плане не числился. Но Макс не придал этому значения. По сравнению со свободой, что ждала его впереди, операция по спасению улитки на серьезный сбой программы не тянула. Всего лишь небольшая заминка между завтраком и прогулкой в парк. Кто ж знал, что дальше все пойдет кувырком.

Замечательный летний день, так хорошо начавшийся с

отъезда родителей, стал походить на любимые папины триллеры, в которых герой, не успев выкрутиться из одной неприятности, попадает в другую, еще худшую.

Мало того, что у Макса только что пропала сестра. Так теперь ему на голову свалилась еще ожившая кукла, которая топчет грязными слипонами чистый кухонный стол, смотрит на Макса сверху вниз и задает идиотские вопросы.

Конечно, не каждый день у тебя под носом оживают игрушки, которые раньше – до игрушечного состояния – были рыжими пацанами. В другое время Макс отдал бы, наверное, велик, чтобы вызнать у незваного гостя историю его загадочных превращений. Для сценария «Нечистой силы» хорошая фантастическая история очень даже пригодилась бы. Но сейчас ему не до чужих тайн. Он должен отыскать сестру, и Тимофей Галкин ему здорово мешал. Ведь если узнают, как он очутился у Ивановых на кухонном столе, Макса достанут вопросами. Заодно выяснится, что Катя исчезла, волонтеры бросятся на ее поиски, на весь город поднимется шум, и кто-нибудь обязательно растрезвонит все родителям.

Макс с ужасом представил, что тогда будет.

– Дом мой. Меня зовут Макс Иванов. Никакой старухи, кроме кассирши в зоопарке, я не знаю, – отчеканил он, решив, что чем быстрее ответит на вопросы шкета, тем быстрее от него отделается. – И, давай, сползай на пол. Я покажу, где у нас в квартире выход.

Выпроваживая Тимофея, который, видимо, даже не подо-

зревал, что минуту назад был куклой, Макс надеялся выиграть время.

Пока пацан доберется до дома, пока его отругают и обслюнявят родичи, пока выяснят, где он нашелся и двинут к Ивановым за объяснениями, пройдет часа два, а то и три. Макс верил, что за это время успеет как следует обшарить город и найти Катю. Главное – не ввязаться во что-нибудь, что отвлечет от цели.

Неожиданное превращение куклы в мальчишку было как раз такой помехой. У Макса чесались руки немедленно ее устранить. Он и вообразить не мог, что приключения, нависшие над ним из-за знакомства с Тимофеем Галкиным, еще даже не начались. А если бы заранее знал, что это будут за приключения, шементом спустил бы гостя с лестницы и закрылся дома на два оборота. Хотя тогда бы до конца жизни не простил себе этой детской трусости.

– Как я тут оказался? – голос Тимофея Галкина вернул Макса к реальности.

Шкет спрыгнул со стола. На кленке с бледно-зелеными огурцами остались следы грязных подошв. Мама была бы в шоке от такого безобразия.

– Скажи мне, как я оказался у тебя дома?

Мальчишка смотрел настороженно, будто ожидал, что сейчас ему откроется страшная тайна. Как бы в обморок не хлопнулся, когда услышит про свое куклячье состояние. Но Макс не собирался ему врать. Все равно правда рано или

поздно вылезет.

– Катя принесла. С детской площадки.

– Катя? – хихикнул Галкин. – Она кто? Супермен? Взяла, запихнула под мышку и принесла?

– Представления не имею, – сердито ответил Макс. – Может, и под мышкой, я не видел. Хотя обычно она своих кукол за ноги таскает. Вниз головой.

– Не помню я никакой детской площадки, – заявил Тимофей, пропустив мимо ушей слова про кукол. – Твоя Катя, наверное, все выдумала. Что я там делал?

– Ничего не выдумала. Моя мама еще тебя от песка отряхивала. Ты, пока под скамейкой валялся, весь в песке изгваздался.

– Под какой скамейкой? – окончательно всполошился шкет. – Я лежал под скамейкой?!

– А что ты вообще помнишь? Как куклой был, помнишь?

Но Тимофей Галкин его не услышал. На экране телевизора, о котором Макс успел позабыть, вновь появилась дикторша со срочным сообщением.

По сравнению с первым, обновленное сообщение стало более коротким. Историю с пропадавшими маленькими девочками больше не вспоминали. Показали на две секунды плачущую бабушку и встревоженную маму, рассказали, что Тимофей пропал два дня назад, потом вывели его фото и не убирали довольно долго. Все это время внизу ползла красная строка с телефонами мамы Галкина, штаба волонтеров,

которые уже вышли на поиски, и колл-центра МЧС.

Вытаращив глаза, Тимофей мрачно смотрел на себя под брызгами воды. Когда фото исчезло, он, по-прежнему не издавая ни звука, дослушал до конца все городские новости и лишь потом повернулся к Максу.

– Ни фига не понимаю, – воскликнул он. – Почему это меня не было два дня? Сегодня какой день недели?

– С утра была суббота.

Тимофей схватился за спинку стула.

– Ты, что, совсем ничего не помнишь? – удивился Макс.

– Ну, – замялся Галкин, – то, что происходило с утра в четверг, немного помню. А дальше – нет. Очнулся, вот, на твоем столе…

Макс заподозрил, что его гость что-то скрывает. Но тут старинные напольные часы в гостиной начали отбивать время. Макс насчитал девять ударов. Он заторопился.

– Тебе домой надо, – схватив Тимофея за плечо, Макс потянул его за собой в прихожку. – Бабушка, вон, плачет. Мама, наверное, тоже. И вообще весь город из-за тебя на ушах стоит. Хочешь, велик дам? Быстрее доберешься.

Но выпроводить Галкина оказалось непросто. Сделав несколько шагов, он вывернулся из руки Макса и вернулся на кухню.

– Расскажи, как я здесь оказался, – потребовал он, стукнув ладонью по столу. – Не уйду, пока не узнаю.

Макс встревожился. Пацан явно не в адеквате. Лучше сде-

лать, что просит, может, тогда придет в себя и мирно удалится сам.

– Каждый день Катину группу детского сада водят на прогулку в наш парк, – начал Макс занудным голосом, каким читал сестре сказки.

Катю укладывали в кровать ровно в девять вечера. Сказки на ночь ей обычно читал папа. Но и Максу иногда доставалось. Постепенно он выяснил, что монотонное, без выражения чтение действует на сестру усыпляюще, и от обязанности «почитать ребенку» можно отделаться не за пятнадцать минут, а за пять.

Это свое открытие он решил применить к Тимофею. Заснуть тот, конечно, не заснет, но хотя бы успокоится.

– На детской площадке, – монотонно говорил Макс, – Катя сразу несется к пластиковому домику. Ей нравится сидеть там на скамейке, высовываясь в окошки. Они с подружками даже соревнуются: кто добежит первой и займет лучшее место. В четверг Катя опередила всех. И сразу увидела под скамейкой куклу с рыжими волосами.

– Когда это было? – вдруг заволновался Галкин. – После одиннадцати?

– Тебе как важно: с минутами и секундами или хватит одних минут? – съязвил Макс. И, увидев, что пацан обиделся, поспешно исправился. – Знаю я точное время, не переживай. Катины воспитатели считают, что в парке у детей нагуливается аппетит, поэтому водят их туда перед обедом, меж-

ду двенадцатью и часом. Детский сад от нас недалеко, значит, на площадку они пришагали примерно в двадцать минут первого.

– Продолжай, – нервно потребовал Тимофей.

Плюнув на попытки утихомирить гостя, Макс продолжил повествование уже нормальным тоном. Рассказал, опуская детали, как в четверг Катя принесла находку домой, назвала Рыжим и познакомила со своими игрушками. И как два дня спустя сам Макс совершенно случайно узнал по телеку об исчезновении Тимофея Галкина и увидел его фотографию.

Насупившись, Галкин молча выслушал, как потрясло Макса сходство Рыжего и мальчишки на фото. Ни слова не проронил, услыхав, как его крутили перед телевизором. Зато, когда Макс сообщил, что из кармана куклы выпал черный кубик с кнопкой, зрачки Тимофея расширились до размера блюдец из Катиного кукольного чайного сервиза. Шкета затрясло.

– Что было дальше? – спросил он таким тоном, что Макс перепугался. Похоже, от его рассказа у Галкина вот-вот сорвет крышу.

– Не психуй ты так, – осторожно произнес Макс. – Все же кончилось хорошо. Я нагнулся и нажал на кнопку. Чуть-чуть. Можно сказать, еле коснулся. Вспыхнул свет, яркий, будто молния. Несколько секунд я ничего не видел. А потом смотрю – ты стоишь…

Он замолчал, не зная, что сказать еще. Галкин молчал

тоже. Лицо его постепенно разгладилось. Странный он какой-то, думал Макс. Когда услышал о кнопке, чуть с колес не слетел. А теперь спокоен, как ленивец из «Зверополиса». Даже, вроде, радуется чему-то.

– Значит, я был куклой, Катя нашла меня в парке, в домике на детской площадке, а ты меня оживил, – медленно, будто обдумывая каждое слово, произнес Тимофей. – Катя – твоя сестра?

– Да, – кивнул Макс.

– Ей сколько?

– Шесть.

– А тебе?

– Тринадцать.

– Кати сейчас нет дома? И родителей нет? Ты здесь один?

– Что ты ко мне привязался? – снова разозлился Макс. – Задолбал вопросами. Ожил? Ноги-руки целы? Все узнал? Ну и топай домой. У меня и без тебя проблем выше крыши.

Галкин смутился.

– Я хотел твоей сестренке спасибо сказать. За то, что нашла.

– Не она, так кто другой нашел бы, – отрезал Макс и тут же устыдился своей грубости. – Передам я Кате твое спасибо. Как отыщу ее, сразу и передам.

– Не понял, – сказал Галкин. – Она, что, тоже пропала? Как я?

– Совсем не как ты. Ты два дня назад исчез. А Катя ушла

из дома сегодня утром.

– Ушла в парк?

Веснушки на носу Галкина побледнели. Максу показалось, что исчезновение Кати взволновало ожившую куклу не меньше, чем собственные приключения.

И Макс сдался.

Ему давно уже хотелось поделиться с кем-нибудь своим горем. Но нельзя было сообщать об исчезновении Кати абы кому. Серый мог проболтаться родителям, а те сразу же позвонили бы Ивановым-старшим. О том, как разверещался бы Одуванчик, Макс даже думать не хотел. Зато незнакомому Тимофею Галкину можно было рассказать все.

Подперев плечом холодильник, Макс объяснил, что родители до вечера уехали по делам, взяв с него слово не оставлять сестру одну. Он, конечно, не собирался нарушать обещание, просто так получилось.

Макс переступил с ноги на ногу.

Пока его не было дома, сестра ушла. Он оббегал все места, куда она могла пойти, но пока ее не нашел.

Макс шмыгнул носом и убитым голосом проинформировал Галкина, что Катю непременно нужно отыскать до возвращения родителей, иначе мама немедленно сойдет с ума.

На последних словах он закашлялся. А когда откашлялся, Тимофей пристал к нему с абсолютно дурацкими вопросами. Почему-то его очень интересовало, как Катя выглядит.

Макс достал сотовый.

На фото сестренка заливалась смехом. Галкин долго рассматривал растянутый, как у лягушки, рот, светлые кудряшки, большие серые глаза.

– Кажется, я догадываюсь, что могло случиться, – произнес он, наконец, важным тоном. – Не совсем уверен, но могу попробовать помочь.

Он сморщил нос.

Макс сунул руки в карманы. Побоялся, что схватит гостя за грудки, чтобы быстрее вытряхнуть из него инфу. А на тряску шкет может обидеться и ничего больше не скажет. Надо дать ему еще пару минут, раз он так любит задумываться.

Размышления Галкина уложились в минуту.

– Ты хоть примерно представляешь, где искать Катю? – спросил он, шевельнув веснушками.

Макс отрицательно помотал головой. Рыжий превращенец был для него сейчас единственной соломинкой.

– Тогда сначала мы должны успокоить мамусю.

Глава пятая. Как успокоить мамусю

– Успокоить мамусю? – не понял Макс. – Твою маму, что ли?

– Ну да, – ответил Галкин. – Она же не знает, что я нашелся.

– В чем проблема? Позвони, скажи, все в порядке.

– Она спросит, где я был. Что не у друзей на даче, она уже знает.

– Сочини что-нибудь другое.

– У нее нюх на вранье. Нужно придумать что-то очень-очень правдоподобное. Со свидетелями. Ты хорошо на свидетеля подойдешь. Расскажем ей что-нибудь вместе. Главное – в деталях не путаться. Иначе она не успокоится. А не успокоится, устроит нам допрос с пристрастием.

– С пристрастием? – потрясенно повторил Макс.

Его воображение нарисовало огромное заброшенное помещение. Бетонный пол, высокие бетонные стены без окон. Ни стола, ни шкафа. Лишь в центре, в пятне желтого света от грязной, ничем не прикрытой лампочки стоит стул без спинки. Железная кривоногая табуретка, приваренная к полу. На ней Макс. Рот заклеен скотчем. Руки связаны за спиной, ноги смотаны так, что не пошевелишься. Над ним, сложив на

груди руки, высится рыжеволосая женщина, очень похожая на Тимофея.

Макс тряхнул головой, отгоняя видение. Он же видел Тимофееву мамусю по телеку. Ничего свирепого в ней нет. Понятно, что она в трансе, все-таки сын пропал. Но чтобы допрашивать кого-то с пристрастием…

Макс выдохнул и переспросил уже более спокойно:

– Как это, с пристрастием? Свяжет веревками?

– Они ей не нужны, – заржал Галкин. – Она и без них все вытрясет. Посадит перед собой на диван и начнет расспрашивать. Про одно и то же раз сто. Не выпустит из комнаты, пока не расколемся.

– Меня-то что допрашивать, – недовольно пробормотал Макс. – Я же ничего не знаю.

– Мамусе так не покажется. Меня два дня не было? Не было. И где я нашелся? У тебя дома. Мамуся решит, что это ты меня похитил. – На этих словах Тимофей Галкин оценивающе оглядел Макса и поправился: – Ну, если не ты, то твои родители…

В голове у Макса кто-то вдарил в медный таз стальным половником. Перед глазами вновь возник бетонный бункер. Только на этот раз под тусклой лампой вместо колченого табурета стоит диван. Желтый, как у Ивановых в гостиной. На диване трое. Посередине Макс, слева мама, справа папа, мама держит сына за руку. Их ноги связаны, рты заклеены. Мама что-то мычит. Макс догадывается: она в ужасе спрашива-

ет, что происходит. «Они ни о чем не знают! – кричит Макс сквозь скотч. – Отпустите их, я все скажу».

– Я… я расскажу твоей мамусе, как все было… – неуверенно протянул он.

– И что ты расскажешь? – скептически ухмыльнулся Галкин. – Что я был куклой и лежал на песочке под скамейкой? Что меня нашла маленькая девочка, принесла домой, а потом ее старший брат нажал какую-то непонятную кнопку и я ожил? Да моя мамуся ни в жизнь в это не поверит…

– А вдруг поверит…

– А если поверит, то переполошит весь город. Всех на ноги поднимет. Полицию, прокуратуру, врачей, МЧС, газеты… Она такая, – с гордостью сказал Тимофей Галкин, – о-о-очень энергичная. Все будут бегать, как подорванные, и задавать вопросы. Ты хочешь, чтобы к тебе с вопросами ломился весь город?

В голове у Макса снова вдарили в медный таз.

– Нет, – помотал он головой.

– Значит, что надо сделать?

– Что? – тупо повторил Макс и тут же выругал себя за то, что как самый дебильный попугай повторяет за Галкиным каждое слово.

– Надо позвать Лизку. И организовать съемку приема пищи.

Бум, бум, бум, раздухарился в черепе придурок с медным тазом. Какая еще нафиг Лизка? Зачем снимать, как кто-то

ест?

Макс нервно вздохнул.

Тимофей Галкин явно тянул время.

Зачем?

Одно из двух. Нет – из трех.

Его гость реально хочет помочь, но не знает, как. Решил, что отгадал тайну исчезновения Кати, убедил в этом Макса, а теперь не может признаться, что все выдумал. Вот и сочиняет отговорки. Лизку ему теперь подавай и съемку пищи, а то без них ничего не получится. Ну просто никак.

Вторая версия на правду походила мало. Зато Максу нравилась больше двух других.

Тимофей Галкин – пришелец.

В семье Ивановых в пришельцев не верил никто. Даже Катя. Но верить хотели очень. Это совершенно случайно выяснилось на одной из семейных «завиральных сходок».

Пару раз за лето все Ивановы собирались за круглым деревянным столом под яблонями на даче Карины, пили чай с вареньем и рассказывали фантастические истории. Каждый свою. Истории готовились заранее. Полет фантазии ничем не ограничивался. Но одно правило соблюдалось свято: в основе выдумки должен лежать факт из реального мира. Сегодняшнего мира, прошлого или будущего. Например, такого будущего, где на Марс летают школьные экскурсии.

За столом не было ни младших, ни старших, ни детей, ни мам. Все были равны, любое высказывание выслушива-

лось и обсуждалось с уважением. Так и обнаружилось, что хотя Ивановы в пришельцев не верят, тем не менее ждут их с нетерпением.

У каждого оказались на то свои причины.

Ленусик и Карина, несмотря на возраст, оставались неисправимыми романтиками. А увидеть пришельцев на склоне лет – это так романтично!

Папа надеялся, что с инопланетянским кораблем на землю прилетят невиданные технологии. Типа машины времени, туннелей сквозь земной шар и Интернета на ладони.

Мама надеялась, что с появлением пришельцев люди начнут больше мечтать и больше верить в свои силы.

Для Макса прилет пришельцев решил бы сложнейшую проблему. Он, конечно, собирался стать программистом, но при мыслях об астронавтах у него в животе что-то завистливо екало. С пришельцами он успеет и то, и другое. Слетает с ними на Марс, поучаствует в строительстве станции для землян, а вернувшись домой, разработает убойную компьютерную игру, основанную на собственном опыте.

И только Катя ждала пришельцев не из меркантильных соображений, а лишь потому, что очень любила волшебные сказки.

То, что Тимофей Галкин был инопланетянином, хорошо объясняло, откуда взялась рыжая кукла. Его летающая тарелка потерпела крушение недалеко от города, и он, чтобы выжить в незнакомом мире, принял облик земного мальчи-

ка. Загадкой было, зачем он потом превратил себя в куклу и куда дел настоящего Галкина. Последнюю мысль Макс старательно от себя отгонял. Но не сомневался, что пришелец, которому позарез требуется починить летающую посудину, со временем расколется и все объяснит.

Окончательно поверить во вторую версию мешало одно: Тимофей абсолютно искренне удивился, когда услышал про себя по телевизору.

Оставалась версия третья, самая простая. Неся бред, Галкин вовсе не тянет время. У него просто потекла крыша. Видимо, превращения в куклу и обратно плохо сказываются на психике одиннадцатилетних мальчиков.

Зря я сразу не выставил его за дверь, жалел Макс. И что теперь делать? Выволакивать силой? А вдруг он упираться начнет, за косяки цепляться, в прихожей вазу разобьет. Вот если бы его удалось как-нибудь выманить из квартиры, то можно было бы быстро заскочить обратно и запереться. Тут Макс вспомнил, что ему все равно придется выйти, чтобы найти сестру, и застонал, как от зубной боли.

– Лизка у нас лучше всех с мамусей справляется, – врезался в мысли Макса голос Галкина. – План такой. Ты сейчас со своего телефона позвонишь Лизке и позовешь ее сюда. Когда она приедет, мы сфотографируем меня за едой и отошлем фотки мамусе. Тебя, наверное, тоже сфотографируем. Лучше получится, если мы с тобой будем сидеть рядом, что-то есть и весело смеяться. А Лизка…

Наверное, тот, кто бил в голове Макса в медный таз, был таким же энергичным, как мамуся Тимофея Галкина. Чтобы утихомирить обладателя половника, Макс покачал головой. Может, психи заразные? Может, у него тоже уже крыша поехала? Макс ущипнул себя за руку. Было больно.

– Эй, ты чего? – спросил Галкин. – Ты, что, меня не слышишь? Я говорил…

Макс разозлился окончательно. Можно даже сказать – совсем слетел с катушек. Хорошо, родители были далеко. А то бы ни за что не признали во взъерошенном, размахивающем руками и подпрыгивающем свирепом существе своего воспитанного, миролюбивого, немного застенчивого сына.

– Да слышал я, что ты говорил! – орал Макс. – Все слышал! Про мамусю! Про какую-то Лизку, которая зачем-то должна ко мне приехать. Про то, что нужно организовать съемку какого-то приема какой-то пищи, иначе мамуся не успокоится. Ты, что, псих? И план твой бредовый! У меня тоже есть план! Очень простой! Сейчас ты выматываешься из моей квартиры и больше ко мне не лезешь. Мне сестру искать надо, а ты мешаешься! Вон, весь стол испачкал!

На этих словах Тимофей, до сих пор внимательно слушавший крики Макса, повернулся и посмотрел на стол. Увидев следы от своих подошв, он засмущался и пробормотал, что все уберет. Схватив кухонное полотенце, он стал так старательно тереть клеенку, что стоявшая на столе тарелка с блинами Одуванчика подпрыгивала и звенела крышкой. Галкин

возился молча. Молчал и Макс. И чем дольше молчал, тем больше успокаивался.

– Ладно, хватит, а то дыру протрешь, – сказал он наконец. – Хватит. Все. Иди домой.

Но мальчишка уходить не собирался. Отскоблив последнее пятно, он покрутил головой, ища, куда бы припрятать изгвазданное полотенце, пхнул его в узкую щель между холодильником и стеной и повернулся к Максу.

– Ты не бойся, найдем мы твою сестру, – сказал он убежденно. – Сходим кое-куда и найдем. Или там нам скажут, где она. Это я точно знаю. Но сначала нужно уговорить мамусю не сажать меня под домашний арест. Тут без Лизки, моей старшей сестры, не обойтись. Она, конечно, тризэ, но, если согласится нам помочь, все будет высший класс.

Стоп, сказал себе Макс. Водиться с Галкиным дальше опасно для здоровья. Макс еще готов был выдержать допрос, который устроила бы ему свирепая мамуся. Но он абсолютно не понимал, зачем фотографировать жующего Тимофея да еще смеяться при этом. Незнакомая Лизка, которую брат называл жутковатым словом «тризэ», казалась уже совершенным монстром.

Монстры Максу были сейчас ни к чему.

– Давай так, – вежливо попросил он. – Ты рассказываешь мне, куда идти и у кого про Катю спрашивать. Дальше я как-нибудь сам. Зачем беспокоить твою сестру. Она, может, делом каким занята.

– Что, испугался? – хихикнул Галкин. – Не знаешь, что такое тризэ? Это я такое прозвище Лизке придумал. Заноза, зануда, знайка – три буквы зэ. Есть еще четвертое зэ – задира. Но тризэ лучше звучит.

– С «тризэ» я уяснил. Говори, куда идти.

– Сам ты ничего не сделаешь, даже если я тебе подробно все объясню. На Виноградной все непросто. Старуха тебе ни слова не скажет. Только время зря потеряешь.

– Понятно, – сквозь зубы произнес Макс, отчаянно борясь с желанием, вцепиться в гостя и выволочь его из квартиры.

– Не волнуйся, мы быстро все провернем. Пока мамуся не успокоится, мне нельзя из дома выходить. По улицам наверняка уже рыщут толпы с моими фотками. Если меня поймают, я тебе помочь не смогу.

– Сам справлюсь, – проворчал Макс. – Думаешь, я уши развесил, потому что деваться некуда?

И тоскливо подумал, что, в принципе, так и есть.

– Как только мамуся убедится, что я жив, здоров и хорошо поел, она успокоится, и мы будем свободны, – сказал Галкин. – Еду, кстати, тоже нужно будет сфоткать. Крупно, чтобы мамуся увидела, что я вредного не употребляю.

– Ведешь здоровый образ жизни? – съехидничал Макс. – Чипсы не ешь, «пепси» выливаешь в цветочный горшок. Имей в виду, тертой морковки у меня нет.

– Я, по-твоему, кролик? – обиделся Галкин. – Съем, что дашь. Главное – красиво это сфоткать.

– Сфоткаем, – обреченно вздохнул Макс и покосился на холодильник.

Хотя в этот момент ему больше всего на свете хотелось превратить Тимофея обратно в куклу и запихнуть поглубже на полку в Катиной комнате.

Глава шестая. Фотосессия с блинчиками

Реализация плана по успокоению Тимофеевой мамуси началась с жаркого спора. Макс ни в какую не соглашался звонить Лизке.

Когда Галкин, напустив на себя таинственности, стал уверять, что, возможно, догадывается, где Катя, в Максе вспыхнула безумная надежда. Ради Кати он готов бы вытерпеть хоть сто допросов в бетонном бункере и двести съемок поглощения пищи. Но он боялся, что против монстра на четыре буквы «зэ» долго не продержится. Заноза, зануда, знайка и задира в одном лице – это было по-настоящему опасно.

Единственной девочкой, общение с которой легко ему давалось, была Катя. Как только она научилась ходить и самостоятельно подниматься после падения, родители закрепили за Максом обязанность выгуливать ее в парке по субботам. Наигравшись в песочнице, накатавшись с горки, Катя устраивалась под боком у брата и заваливала его вопросами. Сначала вопросы были на уровне дауна, и он нес любую чушь, лишь бы быстрее отделаться. Но к тому времени, как Катя вышла из ясельного возраста, он постепенно приучился отвечать основательно и даже, если чего-то не знал, искал ответ в Интернете. Ивановы-старшие, посмеиваясь, называли его

ВикиМакс. Еще веселее стало, когда Катины друзья сообразили, что ее старшему брату известно все. «Матвей Ушастиков спрашивает, почему у ящерицы хвост отрастает, а у собаки нет?» – так теперь начиналось вечернее общение сестры и брата. Ну, и конечно, они обязательно обсуждали все детсадиковские новости.

С одноклассницами Макс заговаривал только по железной необходимости, то есть только по учебе. Девочки постарше вообще казались ему непонятными и страшными, как хвостатые синие дылды из фильма «Аватар». После первого же взгляда на них внутри что-то начинало скручиваться, а голова сама отворачивалась в противоположную сторону.

Старшая сестра гиперактивного Тимофея Галкина и дочь энергичной мамуси наверняка была такой же дылдой, только рыжей и с темпераментом Бешеной Белки из «Ледникового периода». Она враз построит и Макса, и своего младшего брата. Строиться Макс не желал.

Но Тимофей Галкин умел убеждать.

Поелозив пальцем по экрану своего сотового, он сообщил, что аккумулятор не разрядился и деньги есть. «Я, конечно, могу позвонить Лизке сам, – продолжил Тимофей вкрадчивым голосом. – Но знаешь, что случится, когда она меня услышит?»

Макс не знал.

– Она заорет: «Тимоша, это ты?! Ты живой?! Ты где?» Ее

вопли донесутся до мамуси, мамуся выхватит трубку, и все, нашему плану хана.

«Может, это будет не так и плохо», – подумал Макс, но вслух ничего не сказал.

– А если со своего телефона позвонишь ты, то Лизка орать не будет. Главное, не дать ей сразу отключиться. Ей вечно звонят разные мальчишки, и незнакомые звонки она сбрасывает на раз. Ты будешь звонить до тех пор, пока не ответит. А как ответит, ее сразу нужно будет заинтриговать.

«Ничего себе», – подумал Макс, но снова промолчал.

– Она обожает тайны. Ты скажешь, что у тебя есть для нее тайное послание…

Максу поплохело. Тайнами он и так уже был сыт по горло.

– …тайное послание от ее младшего брата, то есть от меня. Главное, сразу предупреди: это такая страшная тайна, что, если она хочет ее узнать, о ней никому нельзя говорить. Особенно мамусе.

Галкин замолчал. Вытянув вперед нижнюю губу, он опять на чем-то зациклился.

– И что я скажу, если она спросит, что это за послание? – Макс дернул Тимофея за рукав, чтобы вывести из задумчивости.

– Ничего, – очнулся Галкин. – Говорить буду я.

Макс набрал на сотовом цифры, которые продиктовал ему Тимофей, и остановился. Его совсем не тянуло вступать в переговоры с монструозной тризэ.

– Ты Лизки не бойся, – Галкин, видимо, догадался, почему Макс тормозит. – Она классная девчонка. И веселая. Поприкалывается сначала, а потом вы с ней еще подружитесь.

«Всю жизнь мечтал», – подумал Макс.

Но тянуть дальше было некуда.

Услышав «Прокуратура. Я вас слушаю!», произнесенное бодрым девчачьим голосом, Макс растерялся так, что забыл все, что хотел сказать.

– Говорите – вам помогут, – настойчиво повторил голос.

Макс кашлянул, прижал плотнее телефон к уху и протянул:

– Э–э–э–э…

– Что–что? – спросил голос. – Вы в порядке? May I help you? Do you speak Russian?

Галкин больно ткнул Макса в бок.

– Э–э–э–э, – еще раз выдавил из себя Макс самым вежливым тоном, на какой был способен. Потом закрыл глаза и словно нырнул с моста головой вниз.

– Здравствуйте! Вы Елизавета Галкина? У меня для вас тайное послание от вашего брата Тимофея…

– От Тимоши?! – заверещала труба. – Что с ним?! Он жив? Он где?

Елизавета Галкина кричала так громко, что ее услышал брат. Подскочив к Максу, он вырвал у него сотовый.

– Лиза, Лизонька, Лизунчик, – успокоительно забубнил Тимофей. – Скажи мамусе, что со мной все в порядке. Да, я

жив и здоров. Не понимаю, чего вы устроили такой тарарам. Это ты виновата в том, что меня ищут. Я же говорил тебе, что поживу у Макса. Ты просто об этом забыла. У какого Макса? У Иванова. Память у тебя плохая! Была б хорошая, мамуся сейчас бы не волновалась. Ну и что, что не говорил! А ты скажи – говорил. А я тебе такое расскажу…

Тут переговоры брата с сестрой закончились, так как Лизкины крики привлекли внимание мамуси.

По требованию мамуси Тимофей включил видео и громкую связь, и Макс быстро прочувствовал, что значит допрос с пристрастием.

– Ты цел? – первым делом строго спросила мамуся, увидев сына. – Покажи руки.

– Я цел, – сердито заявил Тимофей, демонстрируя, что на руках нет ссадин. – Ни с кем не дрался, на заборах не висел, вел себя хорошо. Ну, почти…

– Я сейчас за тобой приеду или пришлю машину.

– Не надо машины, – взмолился Галкин. – Все же в порядке. Сам приду.

Голос мамуси смягчился.

– Познакомь меня со своим другом. Я правильно поняла: ты провел у него два дня?

– Здрассте, – сказал Макс дребезжащим голосом. – Я Макс Иванов.

– Приятно познакомиться, – сказала рыжеволосая женщина с зелеными, как у сына, глазами. Голос ее звучал доволь-

но дружелюбно. – А я мама этого балбеса, который всех насмерть перепугал. Ну, давайте, рассказывайте, как жили с четверга до субботы.

Еще до звонка тризэ Тимофей и Макс обговорили детали своей вымышленной жизни на квартире Ивановых.

– Мамуся может спросить о чем угодно, – инструктировал Галкин. – О кашах, которые ели на завтрак, о том, куда мы ходили и где я спал ночью. Даже о том, какого цвета плед, который ты дал мне, чтобы я не замерз.

Тимофей знал, что говорит.

Маму Галкина интересовало все, особенно подробности. Вопросы она задавала быстро и часто совершенно неожиданные. Мальчики рассказали ей, чем занимались, что ели и смотрели по телевизору, как выглядит гигантская африканская улитка и где сейчас Ивановы-старшие. Потом повторили рассказ, но уже в другом порядке.

Макс так боялся ошибиться в деталях, что быстро взмок. Еще ему было ужасно стыдно обманывать незнакомую женщину. Но в самые критические минуты он напоминал себе, каким образом на его столе появился Тимофей и что случится, если это сейчас откроется. Голос совести умолкал.

Самым страшным в допросе оказалось то, что, задавая вопросы и пристально вглядываясь в лицо сына и его новоиспеченного друга, мамуся дружелюбно улыбалась. «Какая-то изощренная китайская пытка, – думал Макс, изо всех сил

стараясь улыбаться в ответ. – Держится так, будто наши ответы ей совсем неинтересны. Просто захотелось с нами немного поболтать».

Когда допрос пошел на третий круг, Макс вспотел и попросился попить воды.

Вернувшись, он обнаружил, что все закончилось.

– Тимоша, я знаю, что ты и твой друг мне сейчас напропалую врете, – заявила мамуся, улыбаясь даже шире, чем раньше. – Надеюсь, у тебя есть на это очень серьезные причины. Вечером посвятишь меня в свои тайны?

– Как получится, – Тимофей пожал плечами. – У меня до вечера еще много дел.

– То есть тайн станет больше. Ну, хорошо. Помощь нужна?

– Пока нет. Только скажи всем, что я нашелся. Чтобы больше не беспокоились.

– Это я сделаю. А ты не вздумай снова пропадать. Звони, если что. И обязательно хорошо поешь. Я сейчас пришлю к вам Елизавету, она поможет. Ну, Макс, приятно было познакомиться. Заходи к нам в гости, поболтаем.

Мамуся насмешливо ухмыльнулась, почти как Тимофей, помахала рукой и отключилась.

Во все время допроса сестра Тимофея громко рыдала на заднем плане, демонстрируя полное раскаяние в своей забывчивости. Но когда, через минуту, она позвонила Максу, в

ее голосе от слез не осталось и следа. Продиктовав Лизе адрес, мальчишки полезли в холодильник. Тут Макс узнал, что Рыжий, несмотря на все его заверения, – жуткая привереда.

Он последовательно отверг борщ («мамуся знает, что я его не ем»), фаршированные кабачки (по той же причине) и жареную камбалу («противно пахнет»). Отказался от яичницы с сосисками, помидоров с сосисками, чая с сосисками и просто от сосисок с хлебом. Макс уже почти не сомневался: прием пищи накрылся медным тазом. Но тут взгляд Галкина привлекла тарелка с синей крышкой. Увидев блинчики, он радостно схватил один, свернул треугольником и сразу откусил угол.

В дверь позвонили, когда Тимофей корчил Максу рожи через выкушенное отверстие. «Лизка приехала», – пробормотал Галкин с набитым ртом. Мальчишки бросились в прихожую. На лестничной площадке раздавались голоса, и в дверь снова позвонили, более настойчиво. Макс открыл замок и увидел перед собой Одуванчика.

– Пришел узнать, как у тебя дела, – сказал Кочепаскин. – О, смотрю, у тебя гость? Кто это? Твой друг? – Одуванчик медленно оглядел Галкина с головы до пят. – Почему-то, молодой человек, вы кажетесь мне знакомым. Мы раньше с вами встречались?

– Ни разу, – пробормотал Тимофей.

– А это, случайно, не ваша сестренка? Очень, очень на вас похожа.

Одуванчик повернулся, и Макс увидел, что за его спиной стоит худенькая девчонка в красных клетчатых шортах, полосатой футболке и таких же, как у Тимофея, слипонах. Рыжие, как у брата, волосы были завязаны в конский хвост. На курносом, усеянном веснушками носу громоздились большие солнечные очки в белой оправе. Вид у девчонки был совершенно безвредный. Однако Макс держался настороже. Если рыжая заноза по телефону так издевается, что ждать от нее живьем?

– Ну да, это моя сестра Лизка, – засмеялся Галкин. – Пойдем, Лизка, сейчас будем есть и фотографироваться.

– Не буду мешать, – сказал Одуванчик, но с места не сдвинулся. – А что Катенька, нашлась? – обратился он к Максу.

– Конечно, нашлась, – Макс старательно излучал беззаботность. – В парке. Мы покатались на карусели, накупили воздушных шаров, а потом я отвел ее к подружке из соседнего двора. У них там большой день варенья. Позже мы за ней сходим.

– Ах, молодежь, молодежь! Как у вас все легко и просто, – вздохнул Одуванчик и снова ощупал Галкина взглядом. – Ну, если вдруг возникнут проблемы, зовите меня. Старики тоже иногда на что-нибудь годятся.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Тимофей и потянул сестру за руку. – Мы как-нибудь сами.

– В таком случае – желаю удачи, – Кочепаскин церемонно поклонился и вдруг схватил Макса за плечо.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? – спросил он.

Сердце Макса запрыгало, как детский мячик по асфальту. Кочепаскин смотрел так, будто подозревал, что Катя все-таки не нашлась.

– Извините, дяденька, – вмешался Галкин. Он уже втолкнул сестру в квартиру и теперь взялся за освобождение Макса, втискиваясь между ним и Кочепаскиным. – Нам сейчас очень некогда. Приходите завтра.

Закрыв дверь, Макс посмотрел в глазок. Одуванчик все еще стоял на лестничной площадке, и вид у него был задумчивый. Но мальчик тут же забыл о нем, потому что на кухне брат и сестра уже готовились к фотосессии.

Нацепив фартук, Елизавета Галкина быстро расставила по столу тарелки, разложила вилки и ножи, достала из холодильника сметану и варенье. В центр рыжая заноза поставила вазочку с большим букетом. Макс не сразу понял, что это любимая мамина герань, которая недавно зацвела на балконе.

Пока брат с сестрой спорили, на чей телефон снимать, Макс принес палку для селфи. Фотографий сделали одиннадцать.

Пять – с Тимофеем.

На первой он ел блинчики со сметаной. На второй – с вареньем. На третьей – мыл посуду. На четвертой – нюхал герань. На пятой – глядел из окна на парк.

Еще шесть фоток были смешанными: Тимофей и Макс,

Тимофей и Лиза, Лиза и Макс, вся троица у холодильника, все на диване, все в кабинете Иванова-старшего на фоне дипломов и кубков.

Между седьмой и восьмой фотографией по телеку сообщили, что Тимофей Галкин благополучно нашелся у друга. Потом ведущая предоставила слово маме Галкиных. Опустив головы, брат и сестра выслушали, как мамуся благодарит всех, кто принял близко к сердцу судьбу ее сына и извиняется за доставленное беспокойство.

Когда фотографии были скинуты мамусе и получили ее одобрение, Лиза сняла фартук, поправила на носу очки и уставилась на брата. Чувствовалось, что за темными стеклами ее глаза горят нетерпением.

– Да ладно тебе, Лизка. Обещал рассказать, значит, расскажу, – огрызнулся тот. – Вы только сядьте на что-нибудь покрепче.

Глава седьмая. Двадцать тысяч зубов ахатины

Местом для потрясающего сообщения выбрали гостиную.

Лиза и Макс устроились на диване. Лиза – с удобствами, вытянув ноги и обложившись со всех сторон подушками. Макс – вжавшись в угол и выгнув колени так, чтобы не коснуться ненароком гостьи. Пока они ерзали, Тимофей стоял перед ними, мрачно вглядываясь в безмятежную физиономию сестры.

Макс не понимал, в чем проблема. Он почти привык к тому, что Галкин то и дело задумывается, а потом выдает какую-нибудь безумную идею. В этом случае нужно было просто потерпеть минуту, пока Галкин дозревал. Но сейчас Тимофею, похоже, было не до новых идей. Его явно беспокоила Лиза.

Огромный старинный хронометр в деревянном корпусе, стоявший у стены со стороны Лизы, начал вызванивать середину часа. К удовольствию Макса, рыжая заноза при первом же громком «бим-бим-бом» взвилась со своего места, повалив подушки на пол. «Не дергайся, – насмешливо произнес он, – это всего-навсего большой будильник». Он взглянул на резные бронзовые стрелки. Десять тридцать. До возвращения родителей осталось одиннадцать с половиной часов. Во-

обще-то куча времени. Но он все равно заспешил.

– Ну, давай, – поторопил он Тимофея. – Время уходит.

– Подожди, – сказал Тимофей, по-прежнему сверля сестру взглядом. – Пусть Лизка сначала поклянется, что никому не проболтается.

– Клянусь, – быстро произнесла Лиза.

– Нет, так не пойдет, – возразил Тимофей. – Я тебя знаю. Сегодня же растрезвонишь все в Интернете. Не хватает еще спугнуть твоим трепом старуху. Клянись по-настоящему. Руки покажи, чтобы я видел, что ты не скрещиваешь пальцы.

– Какие мы недоверчивые, – захихикала Лиза, но сделала, как просил брат. Вытянув руки и растопырив пальцы, она скороговоркой произнесла клятву. Часть слов Макс не разобрал, но от тех, что разобрал, у него по спине побежали мурашки. Если Лиза проболтается, ей придется после смерти вечно скитаться по кладбищу в образе гнилого зомби, наводя ужас на бомжей и бродячих собак.

Тимофей покивал головой в знак согласия, открыл рот, закрыл и снова задумался. Не выдержав, Макс вскочил с дивана.

– Если ты сейчас же не начнешь говорить, я тебя стукну, – зашипел он. – И твоя сестра тебе не поможет.

– Да не буду я за него заступаться, – сердито сказала Лиза. – Мне тоже надоело ждать, когда он начнет свои сказки. Старуху какую-то приплел.

– Видишь! Видишь! – завопил Тимофей, отступая на вся-

кий случай за кресло. – Если я расскажу, что со мной случилось, ты мне поверишь, так как знаешь, кем я был. А Лизка не поверит. Скажет, я все придумал.

– Ну ты же у нас известный любитель фантастических историй, – хмыкнула Лиза. – Не зря тебе мамуся в детстве фэнтези читала.

«Оригинальная у них мамуся», – подумал Макс.

– Понимаешь, – сдвинув очки на макушку, Лиза уставилась на Макса зелеными глазищами, – Тимоша в младенчестве очень любил волшебные сказки. Стихи терпеть не мог, даже книжки рвал. Волки с козлятами его не цепляли. Вот мамуся и приспособилась. Брала «Гарри Поттера» и пересказывала своими словами. Одну главу растягивала на несколько вечеров. Прикольно получалось.

– Ты не можешь этого помнить, ты всего на два года меня старше, – проворчал Тимофей. – Мамуся говорит, ты тоже любила слушать, только засыпала быстро.

– Зато сейчас Тимоша сам сочиняет покруче любого писателя. Его любимый жанр – детектив. Друзья прозвали его «наш Шерлок». Неужели он еще не потряс тебя какой-нибудь загадкой?

«Еще как потряс, – вспомнил Макс. – Когда превратился из куклы в пацана».

– Лизка, – снова взвопил Тимофей. – Ты хочешь узнать, что со мной случилось, или будешь трепаться до вечера?

– Молчу, молчу, – Лиза прихлопнула рот ладонями.

Из-под ладоней донеслось сдавленное «бу-бу-бу» и «гры-гры-гры». Тимофей не стал выяснять, что это означает, сел на диван и посмотрел на Макса.

– Раз Лизка мне не верит, давай, сначала ты расскажешь ей, как мы познакомились.

– Ладно, – немедленно согласилась Галкина нормальным голосом. – Макс – начинай!

Она поджала под себя ноги, сунула за спину еще одну подушку и поправила на макушке стрекозиные очки.

Макс растерялся. Он мигом вспомнил Рыжего на кухонном столе, ослепительную вспышку, следы от подошв на клеенке и решил, что в этот бред Тимофеева сестра уж точно не поверит.

– Ты меня боишься? – спросила Лиза. Зеленые глаза смеялись. – Не бойся, я тебя не съем.

Это было слишком. Чтобы Макс боялся какой-то незнакомой девчонки? Чтобы эта длинноногая коза над ним надсмехалась? «Ну, держись, – рассвирепел он, – сейчас я тебе покажу, кто тут настоящий зомби!»

Он сунул руки в карманы и покачался с пятки на носок, глядя на Лизу сверху вниз. В груди поднимался особый жар.

Учитель истории как-то сказал, что в Максе временами прорезается Цицерон. И задумчиво добавил: «А если потренируешься, то и до Демосфена дотянешь». Цицероном звали древнеримского дядьку, развлекающего местное народо-

население красивыми длинными речами. Но он, по мнению Макса, в подметки не годился Демосфену, дядьке древнегреческому. Тому очень хотелось стать знаменитым оратором, а фиг им станешь, если с детства глотаешь слова и шепелявишь. Однако Демосфен был упертым товарищем. Он уходил в пещеры, набивал рот камешками и толкал речи тамошним летучим мышам. И добился таки своего.

Камешки Макс насобирал на пляже. Но уже на второй тренировке его застукала мама и устроила бузу, призвав папу в третейские судьи. Если бы великий грек с великим римлянином услышали, как мама громила опасные древнегреческие эксперименты, они пали бы ниц перед ее ораторским искусством. Роль папы свелась к вопросу: «Ты булыжники хоть вымыл?». О славе Демосфена пришлось забыть.

Как и надеялся Макс, жар в груди, добравшись до высшей точки, прорвался потоком невиданного красноречия.

– В этой квартире мы живем вчетвером: мои родители, я и моя младшая сестра Катя, – начал он издалека. – Кате шесть лет. Она ходит в детский сад. Два дня назад на прогулке в парке – в том, что через дорогу, – она нашла на детской площадке куклу с оранжевыми волосами…

– Два дня назад? – переспросила Лиза. – То есть в четверг? В день, когда Тимоша пропал?

– Да, – подтвердил Макс, – это был четверг. Катя принесла куклу домой, мы отчистили ее от грязи, назвали Рыжим

и поставили на полку в Катиной комнате. Между прочим, на самое лучшее место – Катя сама выбирала. Рядом с сиреневым бегемотом Пузиком и куклой Варварой.

Сделав последнее уточнение, Макс покосился на Тимофея, оценил цвет его оттопыренных ушей и решил в дальнейшем на такие подробности не налегать.

– Кукла была так замечательно сделана, что воспринималась как очень дорогая и коллекционная. Моя мама решила обязательно вернуть ее хозяину и собиралась дать объявление на телевидение.

– При чем тут какая-то кукла? – удивилась Лиза. – Ты ведь обещал рассказать, как вы с Тимошей познакомились…

– Сейчас узнаешь, – злорадно произнес Макс. – Не перебивай. Сегодня утром мои родители уехали по делам, и мы с Катей остались одни на целый день. Потом мне позвонил друг, и я пошел к нему, чтобы забрать Тинтина. А когда вернулся, Кати дома не было.

– Тинтина? – простонала Лиза. – У меня сейчас от тебя мозги взорвутся. Сначала кукла, теперь парень из комиксов. Следующим будет, наверно, крокодил на летающей тарелке. Тинтин – это что?

– Не что, а кто, – Макс кипел уже, как исландский гейзер. Рыжая заноза его достала. Видимо, способность допекать людей передается у Галкиных по наследству. – Кто, поняла? Это гигантская африканская улитка ахатина. Самый большой и самый умный моллюск в мире. Видела когда-ни-

будь улитку в полкилограмма? Она узнает хозяина и любит сидеть у него на руках. А еще у ахатины двадцать тысяч зубов.

Макс остановился и перевел дыхание.

– Тинтин – это ее имя?

Он кивнул головой.

– И она у тебя сейчас здесь?

Он кивнул снова.

– Покажи.

– Ну, – замялся Макс, – Тинтин пока маленький молюск, ему расти и расти.

После того как все по очереди подержали Тинтина на руках, покормили салатными листьями и смыли с себя слизь, чтобы не пойти пятнами, как друг Макса Серый, Галкины опять уселись на диван. Макс стоял перед ними, собирая мысли в кучку.

– Ничего не понимаю, – ворвалась в мыслительный процесс Лиза. – В твоем рассказе одни дыры. Ты до сих пор ни слова не сказал о Тимоше, зато перескочил с четверга сразу на субботу. А где был эти два дня мой брат?

– Тимофей все это время стоял на полке, – отрезал Макс и замолчал. Дальше следовала самая невероятная часть истории. Ему почему-то показалось обидным, что Галкина в нее сейчас не поверит.

– На какой полке? – фыркнула девочка. – Насколько я помню, на полку вы поставили Рыжего. А я спрашиваю по

Тимошу.

– Давай, не стесняйся, – буркнул Тимофей.

Макс вздохнул. Сейчас эта «тризэ» решит, что я такой же фантазер, как ее брат, если не хуже, подумал он. Мальчик быстро перебрал в уме события последних дней, размышляя, как убедить Лизу, что не врет. И повеселел.

– Все очень просто, – заявил он бодрым тоном. И повторил Галкиной то, что час назад рассказал ее брату. Про то, как искал и не нашел Катю. Про фото Тимофея в телевизоре. Про выпавшую из кармана кнопку. Про вспышку света. Когда он описывал, как Тимофей топтался по столу и рассматривал в окно парк, а потом оттирал грязь кухонным полотенцем, Лиза закатывала глаза и скептически трясла головой. Но Макс не собирался ее щадить. Он поведал, как ожившая кукла первым делом помянула какую-то старуху, как сам он пытался выставить брата Лизы за дверь и как Тимофей пообещал помочь ему найти Катю. Макс остановился лишь тогда, когда дошел до звонка Лизе.

– Дальше ты сама все знаешь.

Некоторое время в доме не раздавалось ни звука. Потом Лиза почесала веснушчатый нос и снова повесила на него очки.

– Не верю, – сказала она. – Мой брат известный выдумщик, и ты, как вижу, такой же. Доказательства у тебя есть?

– Есть, – ответил Макс, радуясь, что сейчас поставит на место насмешливую девчонку. – Пойдем на кухню.

Вытащив изгвазданное полотенце из щели, куда его затолкал Тимофей, Макс продемонстрировал Лизе черные разводы. От тряски с полотенца на пол сыпался песок.

Потыкав в грязь пальцем, Лиза презрительно сморщила нос.

– Хилая у тебя улика, – заявила она, вытирая палец бумажным платком. – А логика совсем никудышная. Ты что думал? Я увижу грязное полотенце и тут же поверю, что Тимоша был куклой? Да мало ли какую фигню вы этой тряпкой вытирали.

Макс оскорбился. Его, без десяти минут известного разработчика компьютерных игр, обвиняют в никудышной логике! Да знает ли эта зануда, что программист без логики – не программист, а всего лишь продвинутый юзер. Не зря же Макс специально вырабатывает у себя способность мыслить логически.

Он пооскорблялся бы подольше, но остыл, поймав скептический взгляд Тимофея. Ну и ладно. Ну что Галкина знает о программировании? Раз полотенце не доказательство, предъявим кое-что получше.

– Не хочешь, не верь, – ухмыльнулся Макс темным стеклам. И выложил козырь:

– Улика номер два, главная и неопровержимая. Сейчас увидишь все собственными глазами. Катя сфоткала Рыжего на мой смартфон.

Он вытащил сотовый, покрутил перед лицом Лизы, как

фокусник демонстрирует публике пустую шляпу, из которой в следующее мгновение вытащит кролика, и открыл папку с фотографиями. На первой запечатлелось оттопыренное ухо и немного рыжих волос. На второй – зеленый глаз не в фокусе. Даже при большом желании глаз невозможно было признать Тимофеевым. Снимков было много, но ни один никуда не годился. Или Катя шалила, или у нее было собственное – авторское – представление о кадрировании. В фокус попадали лишь отдельные части Рыжего. Рука в кармане, удивленно открытый рот, ноги в синих слипонах…

– Ладно, – сказала Лиза, – дважды просмотрев все фотки. – По отдельности эти картинки, может, чуть-чуть и напоминают Тимошу. Ну и что? Целого-то изображения нет. Ты говорил, была еще волшебная кнопка?

Мальчишки переглянулись и пулей рванули на кухню.

Глава восьмая. Тайна знака «О»

Ни на столе, накрытом клеенкой с бледно-зелеными огурцами, ни под столом кнопки не было.

– Потерял? Или выдумал? – насмешливо поинтересовалась у Макса рыжая заноза. – Как хоть эта штука выглядела?

– Черный кубик размером с горошину. С одной стороны – кнопка. Она такая – утопленная, не выступает над поверхностью. Надавливаешь на нее, и она внутрь кубика проваливается. На кнопке нарисован знак, похожий на букву «О». Все такое крошечное, будто Левша сделал.

– Ничего не с горошину, – возразил Тимофей. – Гораздо больше. Почти как кубик для «Монополии».

– Думаешь, я не помню, – обиделся Макс. – Я на эту «горошину» сегодня нажимал.

– Кончайте спорить, – скомандовала Лиза. – Лучше поищем как следует.

Макс, Тимофей и Лиза, сдвинувшая очки на макушку, обползали на коленках весь пол на кухне. Сталкиваясь лбами, обшарили прихожую. Пошуровали палкой для селфи под шкафами, холодильником и обувной полкой. Изгваздались в пыли, скопившейся в труднодоступных углах. Заглянули в кладовку и папин кабинет. На всякий случай открыли дверь на лестничную площадку и посмотрели под ковриком.

Под холодильником к палке приклеилась замусоренная

розовая жвачка, ее еле отскребли. Из-под шкафа в прихожей выудили три носка, все – разного размера и цвета. В остальных местах не нашлось ничего. Кнопка исчезла, будто ее никогда и не существовало.

Обессиленные и расстроенные, они снова сползлись на кухню. Галкин тяжело пыхтел и пил второй стакан воды. Макс, пытаясь скрыть отчаяние от потери главного своего доказательства, теребил угол клеенки. Лиза сосредоточенно отряхивала от пыли покрасневшие коленки. Потом впилась взглядом в мальчишек. Макс отвел глаза от рассерженного лица девочки и вдруг замер.

– Эт-т-то что? – спросил он, заикаясь и показывая пальцем на мойку.

Лиза сердито оглянулась. На ее лице готовность хорошенько отчитать фантазеров, сменилась недоумением.

– Веник, – ответила она, явно не понимая, чему тут удивляться. – Прибор из прутьев для подметания мусора. Стоит в углу, никого не трогает.

– Откуда он тут взялся? – медленно-медленно произнес Макс, делая длинные паузы между словами. – Он. Всегда. Лежит. Под. Ванной.

– Он там и лежал, – осторожно ответила Лиза. Было видно, что странная реакция нового знакомого на обычную вещь ее напугала. – Я взяла пол подмести. С герани столько листьев насыпалось. И Тимофей кусок блина уронил, при-

шлось салфетками убирать. Извини, что не вернула на место.

– Ты чего, Макс, никогда веников не видел? – ухмыльнулся Галкин. – Этот тут давно стоит. Я смотрел – под ним кнопки нет.

Но Макс его уже не слушал. Бросившись к мойке, он выхватил из-под нее мусорное ведро и вывернул на пол. Троица снова плюхнулась на колени и начала рыться в мусоре с одержимостью золотоискателей. Каждый лепесток, каждый листик, каждый клочок бумаги, каждый картофельный очисток исследовались ими с двух сторон, как под микроскопом. Удача улыбнулась Тимофею. С победным воплем он вскинул вверх кулак, в котором был зажата скомканная салфетка. Салфетку водрузили на стол и осторожно развернули. Внутри обнаружился здоровенный кусок недоеденного блина. Видимо, тот, что уронил Тимофей. Из кляксы сметаны, покрывавшей блин, выглядывал угол черного кубика.

– Это она? – прошептала Лиза. – Волшебная кнопка? Ой, да она вся вымазалась…

– Думаешь, ее можно помыть? – тоже шепотом спросил Тимофей.

– Не знаю, – честно ответил Макс. – Попробуем.

Кубик отлепили от блина, обтерли полотенцем и осторожно ополоснули теплой водой. Макс принес из спальни родителей фен и пинцет для выщипывания бровей. Лиза зажала кубик пинцетом, чтобы его не сдула струя воздуха. Макс управлял феном. Тимофей огораживал кубик руками на слу-

чай, если он вдруг из пинцета вырвется. Пока шла операция, никто не дышал. Наконец, решив, что кубик достаточно просох, троица положила его на стол и сгрудилась вокруг, не зная, что делать дальше.

Волшебная штука блестела так, будто и не бывала в мусорном ведре. В центре ее переливался золотом знак, похожий на букву «О».

Макс удивился, увидев, что кубик и в самом деле побольше горошины. Не совсем такой, как кубик для «Монополии», но и не тот крошечный предмет, что вывалился из шорт Тимофея, когда он был куклой.

Молчание прервала Лиза.

– Значит, ты нажал вот сюда, и рыжая кукла превратилась в Тимофея?

Тоненький пальчик Лизы потянулся к букве «О».

– Не трогай, – вскричал Макс и схватил Лизу за палец.

– Больно надо мне ее нажимать, – обиделась Лиза, отдергивая руку. – Подумаешь, какая-то кнопка. Ты докажи, что она волшебная. Может, ты мне лапшу на уши вешаешь.

Макса затрясло. Его просто бесила эта зануда, заноза, задира и знайка. Если бы не Катя, он даже бы не узнал, что такое тризэ живет в его городе. Ничего, еще немного, и они с Тимофеем от нее отделаются.

– Что, не можешь доказать? – глаза Галкиной откровенно над ним смеялись.

«Почему я должен ей что-то доказывать? – подумал

Макс. – Мне-то какое дело, что она ничему не верит. Не хочет верить – пусть валит к мамусе».

Он взглянул на Тимофея. Лизка – его сестра, пусть он ее и убеждает.

Но Тимофею было не до сестры. Радость, охватившая его после находки кнопки, куда-то испарилась. Уставившись на кнопку, он хмурил брови и шевелил губами. Очнулся, только когда Лиза двинула его в бок.

– Если хотите, можете проверить ее на какой-нибудь кукле, – сказал он совершенно безразлично. – Только из этого ничего не выйдет.

Лиза так загорелась проверить кнопку, что даже слегка заразила Макса своим энтузиазмом.

За куклой отправились в комнату Кати. Выбирали долго. Лиза брала в руки то Барби в купальнике, то голыша в распашонке, то клоуна в колпаке с бубенчиками. Когда она тыкала пальцем в медвежонка с цветами и овечку в оранжевом индийском сари, Макс понял, что она боится. Он и сам трусил.

Если бы выбирал он, то остановился бы на клоуне с бубенчиками. Если кнопка сработает и клоун оживет, возни с ним будет поменьше, чем с другими. Клоун может сам уйти из квартиры на все четыре стороны. В День города он не затеряется. Найдет, чем заняться.

Другое дело Барби, да еще в купальнике. Ее на улицу просто так не выгонишь. К тому же неизвестно, говорит ли она

по-русски. Английский язык Макс знал неплохо, но представления не имел, о чем беседовать с полуодетой американкой. Опять же, как потом объяснять родителям, откуда в доме взялась живая Барби. Или – что не лучше – овечка в оранжевом сари…

Оживлять медведя и вовсе было нельзя. Макс представил, как в гостиной, у желтого дивана, на котором так любит сидеть перед телевизором вся семья Ивановых, стоит на задних лапах медведь с большим букетом и ревет во всю глотку. Потом швыряет букет в старинные часы и опускается на четыре лапы. Говорят, гризли могут развивать скорость до шестидесяти километров в час. Макс быстро прикинул, успеют ли они с Галкиными выскочить из квартиры и запереть за собой дверь, пока медведь будет разгоняться. Решил, что успеют, и вздохнул облегченно. Но тут же в голове возникла новая картина. Вечер. Уставшие родители с трудом проталкиваются сквозь толпу на лестнице на свой этаж. Перед квартирой выстроился спецназ с автоматами. За дверью ревет медведь. Макс стоит у окна, повесив голову. «Где Катя?» – кричит мама и с ужасом смотрит на дверь.

Макс потряс головой.

Лиза остановилась на голыше.

Его аккуратно положили на диван, поправили распашонку и отошли подальше.

– Хочешь, нажми сама, – Макс протянул кнопку Лизе.

Та отшатнулась и спрятала руки за спину.

– Трусишь? – хмыкнул Макс, хотя у самого дрожали коленки. – А ты, Тимофей?

– Ничего я не боюсь, потому что из этого ничего не выйдет, – заявил Галкин. – Хочешь, поспорим на щелбан?

Пути назад не было. Макс вытянул руку с кубиком по направлению к дивану, зажмурил глаза и, досчитав до трех, нажал кнопку.

Ничего не произошло.

– Я говорил, – торжествующе воскликнул Тимофей.

– Так и знала – вы врете! – вскричала Лиза. – У! – потрясла она кулаком перед лицом брата. – Мне больше нечего тут делать. Иду домой и рассказываю мамусе, как вы тут фантазируете.

– Да ну тебя, Лизка, – сказал брат. – Чего волну гонишь! Этот кубик просто не действует на обычных кукол.

– А на каких действует?

– На превращенных. На тех, которые раньше были людьми. Ну, как я.

– То есть человека в куклу он превратит? Если я направлю его на тебя и нажму кнопку, ты станешь куклой?

– Нет, не стану. Попробуй, если хочешь. Если я превращусь в куклу, нажмешь кнопку еще раз. Только не ставь меня больше на стол.

Макс онемел.

То, что Тимофей собирается собой рискнуть, – его дело. Мечтает снова превратиться в куклу – пускай превращается.

Лишь бы потом опять ожил и помог Максу отыскать Катю. А вдруг не оживет?

Тимофей встал перед Лизой, гордо выпрямился и сложил на груди руки.

Макс на всякий случай отодвинулся от него подальше.

Галкина побледнела.

Пристально глядя на брата, она что-то прошептала и нажала на кнопку.

Ничего не произошло.

– Ну, что, убедилась? – с удовлетворением заметил Тимофей. – Я прав. А тебе лишь бы спорить.

Лиза развеселилась. Она носилась по квартире, направляя кубик то на Катины игрушки, то на зонтики, то на веник, то на Макса с Тимофеем. Кнопка не работала. Запыхавшись, Лиза плюхнулась на диван.

– Ну и что теперь? – спросила она мальчиков. – Теперь вы признаетесь, что все сочинили?

– Ничего мы не сочинили, – возмутился Тимофей. – Ты просто не умеешь рассуждать логически. Если бы умела, сама бы все поняла.

– Ой! – сказала Лиза. – А ты умеешь? Шерлок!

– Смотри, Лизка, – ничуть не обидевшись, Тимофей протянул сестре ладонь, на которой лежал кубик. – Видишь знак, похожий на букву «О»? Я думаю, это не знак, а буква. Первая буква слова.

– На букву «О» много слов. Например, осел, – сказал

Макс.

– Или одуванчик, – сказала Лиза.

– При чем тут осел! – возмутился Тимофей. – Какой одуванчик? Макс, вспомни, что произошло, когда ты нажал на кнопку?

– Ты превратился из куклы в мальчишку.

– Точно. Я – ожил. Значит, этот кубик с буквой «О» – что?

– Что? – хором спросили Лиза и Макс.

– Он – О–ЖИВ–ЛЯ–ТЕЛЬ.

– О–ЖИВ–ЛЯ–ТЕЛЬ, – повторили Лиза и Макс, как зачарованные.

– А это значит что? – спросил Тимофей голосом строгой училки.

– Что?

– Что есть еще ПРЕ–ВРА–ЩА–ТЕЛЬ. Другой кубик. Кнопка, которая превращает людей в кукол.

Макс сразу понял, что Тимофей прав. Обязательно должна быть какая-то штуковина, которая превратила Тимофея в куклу. Зато Лиза по-прежнему не верила ничему.

– Откуда ты знаешь, что есть еще ПРЕВРАЩАТЕЛЬ? – ехидно спросила она брата. – Докажи.

– Ну, – замялся Тимофей. – Когда старуха внезапно вернулась, я сунул ОЖИВЛЯТЕЛЬ в карман. А она, как меня увидела, сразу что-то заверещала, вытянула руку и больше я ничего не помню. Очнулся у Макса на столе. Теперь думаю, что у нее в руке как раз был…

– Что? – вскричала Лиза Галкина. – Какая старуха? Куда вернулась? И вообще – скажи, наконец, что с тобой случилось? Макс, ты знаешь, что произошло с моим братом?

– Не больше твоего. Твой брат шифруется. Ни слова не сказал о том, что с ним случилось, как превратился в куклу.

– Достали, – беззлобно проворчал Тимофей. – Садитесь и слушайте.

Глава девятая. Ведьмины забавы

– Значит, так, – произнес Тимофей и глубоко вздохнул. – У нас в городе живет вредная старуха.

Выпалив это, он снова вздохнул и замолчал.

– И это вся твоя тайна? – возмутилась Лиза. – Вредных старух только в нашем подъезде три.

– Не перебивай, – остановил Лизу Макс.

– Точно, не перебивай, – сказал Галкин, – а то не буду рассказывать. Ты, Лизка, ничего не понимаешь. Таких старух в нашем подъезде нет. И нигде больше нет. Потому что моя умеет превращать маленьких девочек в кукол, а кукол обратно в девочек.

– Откуда ты знаешь? – потрясенно спросил Макс. Он почему-то сразу поверил Тимофею и ужаснулся, представив себе Катю в виде куклы.

– Я за ней следил, – гордо ответил Галкин.

– Ну да, – засмеялась Лиза и повернулась к Максу. От смеха на ее носу подпрыгивали веснушки. – Я говорила, что Тимоша вообразил себя сыщиком? Он следит за людьми, которые кажутся ему подозрительными, и все записывает в блокнот. Уже шесть блокнотов извел.

– Лизка! – угрожающе прошипел Тимофей.

К удивлению Макса, рыжая заноза тут же заткнулась.

Ее брат посопел, видимо, дожидаясь абсолютной тишины,

а когда убедился, что слушатели готовы, продолжил с вопроса:

– Помните, осенью в городе пропали две девочки?

«Еще бы не помнить, – подумал Макс. – Мама тогда ни о чем другом говорить не могла. За Катю боялась. Да весь город на этом помешался».

***

Прошлой осенью – не поздней, слякоти еще не было – в городе ни с того, ни с сего потерялись две маленькие девочки. Первой в яркий солнечный день исчезла шестилетняя Ирочка Макарова. Только что под присмотром мамы играла в прятки – и вот ее нет, будто в воздухе растаяла. Мама с толпой сочувствующих в панике обыскала весь парк, к поиску подключились полиция и волонтеры… На следующий день Ирочка нашлась все у той же детской площадки. Как ни в чем не бывало вышла из-за деревьев и побежала к другим детям. Что с ней случилось, где она была целые сутки, так и не узнали.

Через неделю история повторилась точь-в-точь с пятилетней Варей Тимошиной. К этому времени перепуганные мамы буквально не спускали с детей глаз. Мама Вари потом убивалась, что выпустила дочку из виду всего на минуту: когда та забежала за надувную горку, глаза ослепили солнечные лучи. Через день нашлась и Варя. Просто возникла из

ниоткуда, живая и здоровая.

***

– Первая девочка потерялась и нашлась рядом с детской площадкой в парке на Космонавтов, – повествовал Тимофей. – Когда исчезла вторая, я на следующее утро засел на площадке в пластиковом домике и стал ждать. Предположил, раз первая нашлась здесь через сутки, то и со второй может быть так же. На площадке никого не было. Дождь лил, да и не гуляли особо в эти дни с детьми. Хорошо, в домике было сухо, а я запасся пепси и бутербродами. Досидел так почти до вечера. Уже начинало темнеть. Я дожевывал последний бутерброд, когда в домик сунулась какая-то бабка.

Кажется, она меня не разглядела. В домике было уже совсем темно, я сидел скрючившись в самом углу. Бабка, видно, почувствовала, что домик занят, и почесала к туалету. Мне хорошо было ее видно.

Она была одета в темное пальто и дурацкую шляпу с пером. В одной руке зонт, в другой – сумка. Эту сумку я потом долго вспоминал. Понимаете, она была небольшой, пятилетняя девочка там бы не поместилась, даже если бы скрючилась, как я в домике. И несла сумку бабка легко.

– Не отвлекайся, – заметил Макс. – Зашла она в туалет, и что дальше?

– Сумка – это важно, ты просто еще не понял. В туалете

она пробыла минуту, не больше. Но в эту минуту там вспыхнуло что-то очень яркое. Словно в темной комнате зажгли и тут же выключили фонарик. Бабка сразу вышла из туалета и быстро почесала по дорожке к пруду.

Я было полез из домика, но тут на площадку завалились волонтеры. Те, что девочку искали. Целая толпа. Кто-то зашел в туалет. И сразу поднялся крик. Все забегали, зазвонили по телефонам. Полиция приехала, «скорая». Вокруг орут: «Варя Тимошина нашлась!» Я и не стал высовываться.

– Ты никому не сказал, что видел? – спросил Макс.

– Сказал – своей сестре. Хотел реакцию проверить. Спросил, не рассказать ли все мамусе.

Макс посмотрел на Галкину и поразился ее серьезному виду. Будто до сих пор она придуривалась, а сейчас, наконец, стала настоящей.

– Мы с Тимошей неделю голову ломали, – сообщила Лиза. – История-то – из жанра фэнтези. Доказательств никаких. Все, что видел мой брат, – это бабка, которой захотелось в туалет, и вспышка. Вспышку легко на дождь списать. Типа молния блеснула. Из домика туалет виден плохо, он поодаль от площадки стоит. Может, Варя Тимошина туда раньше забрела. До бабки – просто Тимофей не заметил. Он же отвлекся на нее, когда она в домик заглядывала. Принести девочку в сумке она тоже не могла – Тимоша клялся, что сумка была небольшой и легкой.

Макс согласился, что Тимофею, пожалуй, не поверили бы.

– Мы решили, прежде чем что-то говорить взрослым, надо еще понаблюдать за площадкой, – объяснил Тимофей. – Я несколько дней сидел там, как раб на галерах. Хорошо, Лизка меня в школе прикрывала. Бабка появилась всего раз. Посидела на скамейке и ушла. Я проследил, где она живет. Нормальный такой дом, и бабка, вроде, безвредная. Зачем ей похищать девочек?

– После Вари Тимошиной они больше не пропадали, – заметила Лиза. – Так все и закончилось.

– Нет, не все, – возразил Галкин. – Зимой Лизка не утерпела, и выложила в инет сочинение с картинками. К картинкам претензий нет. Зато содержание фиговое. Называется «Ведьмины забавы». О том, как злая ведьма гоняется по лесу за маленькой девочкой. А друг девочки, рыжий мальчишка и подлый трус, боится с ведьмой сражаться. Это я-то подлый трус?

– У писателей есть право на художественное преувеличение, – хихикнула Лиза, видимо, возвращаясь к более привычному для себя насмешливому состоянию.

Но Максу было не до хихиканья.

– Не понимаю, – задумчиво произнес он. – Если все закончилось еще прошлой осенью, что случилось в четверг?

– В конце весны я опять увидел бабку на детской площадке. Лизка, помнишь, мы ходили весной в парк на открытие сезона? В этот парк, на Космонавтов.

– Помню, – ответила сестра. – Тогда целый праздник

устроили. Аттракционы запустили, палатка с мороженым заработала, шары надували. Конкурсов было много, ты еще бейсболку выиграл.

Макс тоже помнил этот праздник. Ивановы пошли в парк всей семьей. Было солнечно и тепло, как летом. Особенно веселилась мелюзга. Мамы окончательно пришли в себя после осенних событий, вытащили детей из теплой одежды, и на площадке было очень шумно от беготни и радостных воплей. С малышней вроде Кати возились два клоуна в рыжих париках. Они загадывали загадки, играли в «ручеек», организовали танцевальный флэш-моб под музыку и щедро одаривали всех шоколадными конфетами местной кондитерской фабрики. Конфет Катя съела много, так что наутро ее щеки покрылись красными пятнами.

– Старуху я заметил во время флэш-моба, – продолжил рассказ Галкин. – По чесноку, сразу ее не узнал. Не думал, что она может так выглядеть. Она обошла площадку и уселась, чтобы видеть танцующих детей. Почему-то мне это не понравилось. Я последил за ней, за ее домом. Ничего подозрительного. На площадке она тоже больше не появлялась. Но три недели назад стала ходить сюда, как на работу.

– И ты мне ничего не сказал! – возмутилась Лиза.

– После «Ведьминых забав»? Фигушки.

– Как тебе удавалось за ней следить? – удивился Макс. – На детской площадке трудно быть незаметным. Те, кто постарше, вроде нас, торчат среди мелюзги, как эскимо на па-

лочке.

– У меня свои методы, – заважничал Галкин. – У ее дома есть специальное укрытие для слежки. А в парке я маскировался.

– Вот, оказывается, что, – воскликнула Лиза. – Теперь я знаю, почему ты стащил мою длинную юбку и парик для Хэллоуина.

– Я нацепил на себя твой дурацкий парик всего раз. А вообще стал следить за старухой прямо от ее крыльца.

– Топтуном, значит, заделался, – заметила Лиза. – Сто лет назад, в царской полиции, тех, кто вел слежку за подозреваемым на улицах, называли топтунами или филерами.

Тимофей отмахнулся от Лизы, как от надоедливой мухи.

– Я боялся, что у нее началось весеннее обострение, и она снова начнет похищать девочек. Ходил за ней три недели, выяснял режим дня.

Тимофей вытащил из кармана шорт потрепанную записную книжку.

– Я говорила, – засмеялась Лиза, – он все записывает.

– Особого режима у нее нет, – Тимофей листал страницы, не обращая внимания на насмешки Лизы. – Бабка довольно взбалмошная. Единственное, что повторялось каждую неделю, – поход на базар по четвергам. Каждый четверг она одевается старой каргой, берет клюшку, скрючивается и ползет за продуктами. Возвращается примерно через час.

– Я догадываюсь, что случилось два дня назад, – вымол-

вила Лиза голосом сурового судьи. – Ты без спроса полез в чужой дом. Как вор.

– Я не собирался ничего брать, – рассердился Тимофей. – В кино так все сыщики делают: приходят к подозреваемому в его отсутствие, надевают перчатки и просто ходят по дому. Осматриваются.

– Ты тоже надел перчатки?

– Отстань, Лизка. Я хотел только посмотреть. По-быстрому и тихо. Правда, тихо не получилось. Попугай у нее зверский – разорался. Стихами, гад, щебечет. Увидел меня и давай: «Рыжий, рыжий, конопатый, убил бабушку лопатой».

– Какой у птички богатый словарный запас, – восхитилась Лиза. – Прямо как у Пушкина.

– Если вы все время будете ругаться, мы никогда до конца не доберемся, – не выдержал Макс. – Лиза, дай Тимофею договорить.

– Можно еще один вопрос? – попросила Галкина. – Последний-распоследний. Ты специально полез к старухе в этот четверг, пока мамуся была в отъезде?

– Забыла, что у мамуси с понедельника отпуск, и в среду мы уезжаем на море? Другого четверга у меня не было. Думал: уедем, а она кого-нибудь похитит.

– Что ты рассчитывал там найти? – спросил Макс. – В кино сыщики в перчатках обычно ничего не находят.

– А я нашел. Сам знаешь что. Вот это, – Тимофей вынул из кармана ОЖИВЛЯТЕЛЬ. – Среди кукол лежал. Мне

эта штука сразу показалась подозрительной. Отошел к окну, чтобы рассмотреть, и тут хлопнула входная дверь. До сих пор не понимаю, чего она вернулась с полдороги? Никогда такого не было. Деньги что ли забыла? А дальше все пошло быстро. Она шементом пронеслась в спальню, открыла дверь, увидела меня, выхватила что-то из кармана, и все. Смотрю – стою на чужой кухне на столе, а внизу незнакомый пацан, закрыв глаза, считает до десяти.

Макс почувствовал, что от услышанного у него пересохло в горле. Он встал.

–Ты куда? – спросила Лиза.

На кухню отправились втроем.

Выдув три стакана, Тимофей заявил, что не сомневается: сестру Макса похитила старуха.

– Я, когда услышал, что Катя пропала, сразу на нее подумал. И к гадалке не ходи. Вы живете напротив парка. Катя могла пойти только туда. А старуха как раз в этом парке и промышляла. И забирала – зацени – только кудряшек, вроде Кати.

«Ведьма, – рассвирепел Макс. – Ей, значит, не любых девочек подавай, а самых симпатичных».

– После того, что старуха со мной сделала, понятно, чем она занимается с похищенными девочками, – заявил Тимофей сыщицким тоном. – Превращает их в кукол, играет, как с игрушками, а потом тащит на детскую площадку и оживляет. Я даже догадался, почему девочки пропадают в солнеч-

ный день. При ярком солнце вспышку от кнопки не видно.

– И что нам теперь делать? – спросил Макс.

– Тут и думать нечего. Идти к старухе.

Глава десятая. «Я знаю короткую дорогу»

– Я знаю короткую дорогу, – заявил Тимофей, когда они вылетели из подъезда. – Добежим минут за десять. Только через заборы придется перелезать. Раза два или четыре.

– Через заборы, так через заборы, – пробормотала Лиза, сняла с макушки очки и быстро заплела свой хвост в косичку. – Я хорошо перелезаю через заборы.

– Ты с нами не пойдешь, – отрезал брат. – Это опасно. Вдруг она всех нас в кукол превратит – что тогда? Иди домой. Если я к вечеру не вернусь, ты все расскажешь мамусе.

– Фигушки, – сказала Лиза. – Пойду. Сразу с тремя она не справится. И вообще, я вашим сказкам не верю. А не возьмете – расскажу мамусе прямо сейчас.

– Шантажистка! – возмутился брат.

– Пусть идет, – неожиданно для самого себя вступился за Лизу Макс. – Еще один человек не помешает. Постоит на стреме. Мы оставим ей ОЖИВЛЯТЕЛЬ, и, если что, она превратит нас обратно.

Лиза благодарно улыбнулась Максу, и он тут же почувствовал, как у него загорелись уши. Он ненавидел эту часть собственного организма. Его уши жили независимой жизнью, совершенно не считаясь с чувствами своего хозяина.

Разговариваешь с одноклассницами, такой весь из себя холодный и невозмутимый, а уши вдруг начинают пылать, как файер футбольного фаната. Если Галкина заметит… Но Лизе, к счастью, было не до него. Развязав тесемки рюкзака, она рылась в его недрах. «Зачем девчонки таскают с собой столько фигни? – гадал Макс, глядя, как на свет показываются то косметичка, то футляр для очков, то упаковка фломастеров, то детский носок в зеленую и красную полоску. – Наверняка даже не помнит, что там у нее есть».

– Нашла! – воскликнула Лиза и протянула брату прозрачную пустую баночку с закручивающейся крышкой. – Давайте положим сюда ОЖИВЛЯТЕЛЬ. В ней он не потеряется.

После того как в рюкзак отправились кнопка в банке и Лизины очки в футляре, а косичка зачем-то была переплетена еще раз, они наконец пустились в путь.

Короткая дорога на Виноградную шла наискосок через дворы, детские садики, большую стройку и густо засаженный деревьями и кустарником парк больничного городка. Дворы преодолевались легко. Заборов там не водилось, а бабульки, сидевшие у подъездов, просто молча провожали бегущих подростков неодобрительными взглядами. Ограды многочисленных детских садиков были невысокими. Макс перепрыгивал их, как научил папа: опершись на руку и сильно оттолкнувшись ногами. Брат и сестра переваливались через преграды на животе, причем у Лизы это получалось более ловко.

Неприятности начались на стройке.

Из-за субботы здесь было тихо и безлюдно. Но когда они протиснулись в щель меж створками ворот, Тимофей остановился.

– Видите вагончик? – показал он пальцем на железное строение вдали. – В это время сторож всегда там спит. Собака тоже спит, наверное. Их лучше не будить.

– А другого пути нет? – нервно поинтересовалась Лиза.

– Другой есть, но длиннее. Не бойся, они не проснутся.

Оказалось, что самый короткий путь на Виноградную проходит ровно в трех метрах от опасного строения. Сначала все шло хорошо. На космической скорости они обогнули кран и бетономешалку, пробежали мимо строящегося бассейна, а приблизившись к вагончику, перешли на осторожный шаг. Пригнувшись, прокрались мимо окна, миновали дверь и уже намеревались снова припустить по площадке, как сзади раздался скрип. Дверь бытовки распахнулась, в проеме зевал мужик, держащий на поводке здоровенного ротвейлера. Несколько секунд все молча смотрели друг на друга, потом черная зверюга громко залаяла и потянула мужика за собой.

Сторож заорал «Сюда нельзя!» и «Щас поймаю, уши надеру!». Рисковать ушами не хотелось, да и ротвейлер слишком уж надрывался. Тимофей впереди, Макс и Лиза за ним пронеслись, поднимая пыль, мимо длинного ряда уложенных друг на друга бетонных плит и очутились перед высо-

ким железным забором. Такой не перелезть, подумал Макс и оглянулся. Сторож быстро приближался, злобная тварь рвалась с поводка. Но тут Лиза схватила Макса за руку и потянула за собой. «Сюда!» – крикнул Тимофей, а потом исчез за плитами. Лиза и Макс нырнули следом. Оказалось, плиты прикрывают квадратную дыру, кем-то аккуратно вырезанную в жести ограждения. Выбравшись на свободу, они прислушались. Ротвейлер гавкнул еще несколько раз и умолк, видимо, решив, что нагнал на нарушителей достаточно ужаса. Немного отдышавшись, троица опять пустилась бегом.

В большом парке больничного городка Тимофей заблудился. Пока он шарил по кустам, пытаясь найти, где прутья забора раздвинуты, к Лизе и Максу направилась женщина в больничном халате. «Математичка, – вздохнула Лиза. – Если она меня сейчас остановит и начнет пилить, я не освобожусь до вечера».

К удивлению Макса, женщина в халате тоже была ему знакома. МариВанна жила в соседнем с Ивановыми подъезде. Ее боялся весь дом. Однажды ее выбрали домоуправом, и с тех пор во всех подъездах и дворе царил идеальный порядок. Каждый день она обходила вверенную ей территорию и, если обнаруживала машину на газоне, разбитое дверное стекло или неубранный мусор, тут же строчила письма в жилконтору, прокуратуру, газету и на телевидение, заставляя всех жильцов эти послания подписывать. Безоговорочно признавая ее правоту и покорно ставя подписи, жильцы, однако, за

глаза называли ее «домомучительницей».

Лизе было не позавидовать. Наблюдая за Тимофеем, Макс одним ухом прислушивался, как МариВанна ее отчитывает. «Я говорила твоей маме, что готова с тобой позаниматься, но она отказалась, – зудела «домомучительница». – К сентябрю ты должна еще раз пройти учебник по геометрии, иначе больше тройки я тебе поставить не смогу».

В этот момент Тимофей наконец нашел лаз и помахал им рукой. «До свидания, МариВанна, – заторопилась Лиза. – Я поняла. Буду заниматься все лето». Она сорвалась с места и побежала к Тимофею. «До свидания, МариВанна», – сказал Макс, собираясь последовать Лизиному примеру. «Подожди, – сурово произнесла «домомучительница» и посмотрела на него так, будто он забыл теорему Пифагора. – Ты хорошо знаешь эту девочку? Ты знаешь, какая у нее мама? Ей не понравится, что вы тут бегаете без дела».

Макс вспомнил, как мамуся устроила ему с Тимофеем «допрос с пристрастием», и Галкиных стало жалко. Жить с такой мамашей… Хорошо, что его родители обходятся без пыток и другого занудства. Им с Катюхой повезло.

Катюха… Он круто повернулся и рванул к кустам.

– Макс, мы не договорили, – повысила голос МариВанна.

Но ему было не до вежливости.

Пробравшись сквозь лаз, он оказался на узкой асфальтовой дорожке. С одной ее стороны шла ограда больничного городка, с другой густо росли деревья. Тимофей уже унесся

вперед, Лиза, поджидая Макса, не спеша трусила следом.

– Что, не шаришь в геометрии? – ехидно спросил он, когда они прибавили шаг.

– А кто шарит? – огрызнулась Лиза. – Ты?

Он кивнул головой.

– В ней нет ничего сложного. Надо решить штук тридцать задач и дальше будешь щелкать их как семечки. МариВанна обалдеет.

– Решу, как же, – вздохнула Лиза. – Мамуся программу седьмого класса не помнит и репетитора не берет, говорит, полезнее самой во всем разобраться. Тимоша до геометрии не дорос. А одна я не справляюсь. Поможешь?

Макс растерялся. К нему никогда еще не обращались с такой просьбой. В школе его дразнили «ботаном» и «робким п***И***нгвином», с ударением на первом слоге. Не били, но и не церемонились, если хотели списать домашку. На «ботана» он не обижался, зато на «птицу» злился до колик в животе. «Ну, скажи, какой я пингвин?» – приставал он к Серому, которого в седьмом классе перерос на полголовы. «Судя по фигуре – недокормленный, – ржал Серый. – Пингвин-дистрофик. Ты зря злишься. Они же не знают…»

– Так поможешь или нет? – настойчиво переспросила Лиза.

Ответить он не успел. Дорожка круто свернула налево, и они на полной скорости врезались в Тимофея.

Застыв посередине дорожки, Тимофей не сводил глаз с

далекого красного пятна впереди и на столкновение с сестрой и Максом никак не отреагировал.

– Чего стоим? – осведомилась Лиза. – Чего не бежим дальше?

– Его заколдовали, – засмеялся Макс и помахал перед лицом Тимофея ладонью. – Гермиона Грейнджер ударила по нему заклятием «Остолбеней». Скажи, чем ты ей насолил?

– Там зареченские, – бесцветным голосом произнес Тимофей, не поворачивая головы. – Не хочу связываться.

Макс вгляделся в пятно. Быстро приближаясь, оно распадалось на отдельные фигуры. Пять или шесть подростков в красных футболках. Это зареченские? Крутые пацаны из зареченского района? Обычно в город они не совались – тут хватало своих крутых пацанов. А если и заявлялись, больших пакостей не устраивали: девчонок водой обрызгают, мелкому школяру рюкзак на дерево забросят.

– Не побьют же – фыркнула Лиза, выразив вслух мысли Макса. – Или у тебя с ними терки? Давай, колись.

– Ничего я им не делал, – возразил Тимофей, но как-то безжизненно. – Зашел по делам на их территорию, они заметили, я убежал.

– И все? – удивилась Лиза. – Знаю я твои дела. Следил за кем-то. За одним из них?

– Долго рассказывать, – отмахнулся Тимофей. – Ладно, если хочешь знать – пожалуйста. Когда они стали дразниться, я бросил в них конский каштан. Один-единственный,

больше у меня не было. Ну и случайно подбил глаз главарю. Вон он, в повязке. Теперь вся банда за мной охотится.

Зареченские приблизились уже настолько, что можно было различить лица. Впереди несся контуженный. Из-за банданы и повязки на глазу он походил на злодея из фильма о пиратах.

– Мамуся будет счастлива узнать, какой ты меткий – сказала Лиза. – А вдруг он ослепнет?

– Ничего ему не сделается, я в больнице специально спрашивал. Врачиха объяснила, что глаз цел, но фонарь здоровенный. Походит немного забинтованным и снова будет видеть, как молодой беркут.

Тимофей вздохнул.

– Тут нам теперь не пройти. Придется вернуться.

Предложение поступило вовремя. Крики «Держи рыжего!» слышались уже очень отчетливо.

Хорошо бы «домомучительница» еще не ушла, думал Макс, продираясь сквозь ветки к спасительной лазейке. Я прямо умру от счастья, если она снова в нас вцепится и заговорит о геометрии.

Математичка, никуда не исчезнувшая и явно скучающая в одиночестве, сильно оживилась, вновь увидев подростков перед собой.

– Лиза, я вот что хочу еще сказать…, – сердито начала она, но остановилась в недоумении. – А это еще кто?

Зареченские уже пробрались через лаз, вылезли из ку-

старника, но, увидев МариВанну, не осмеливались двинуться дальше. Посовещавшись и, видимо, решив, что в больничном парке рыжего не достать, они исчезли тем же путем, каким появились.

– Я вот что хочу сказать, – повторила МариВанна.

– Я помогу Лизе с геометрией, – перебил ее Макс и услышал, как девочка тихо ойкнула. – И с историей помогу, и с географией. И вообще со всем. А теперь, извините, мы очень спешим.

К стройке они возвращались молча. Макс бежал сзади Галкиных и ругал себя за глупое обещание. Если он не найдет Катю, то не доживет даже до завтра, не то что до сентября. И причем тут история с географией? Кто тянул его за язык! Они наверняка сейчас над ним смеются…

– Ты же знаешь, Тимоша, что я боюсь собак, – дрожащим голосом произнесла Лиза, когда они снова очутились перед квадратной дырой в железном заборе.

– Все боятся, – выпалил Тимофей. – Но это как на войне – снаряд два раза в одну воронку не падает. Эта тварь точно спит сейчас где-нибудь в тенечке. А через стройку мы выскочим прямо к автобусной остановке. Прыгнем в маршрутку и через пять минут будем на месте. Деньги на билеты у тебя есть?

То ли тенечка на стройке не нашлось, то ли ротвейлер страдал бессонницей, только едва сыщики обогнули бетонные плиты, как услышали яростный собачий лай. Он быстро

приближался.

– Лезем наверх, – скомандовал Макс и протянул руку Лизе. – Давай помогу.

Плиты были сложены неровно и образовывали ступеньки, по которым можно было вскарабкаться на вершину, как на пирамиду Хеопса. Сверху площадка была видна как на ладони. Внизу бесновался ротвейлер. И хотя злобная тварь уже охрипла от лая, дверь бытовки не открывалась, и сторож не показывался. Видимо, в отличие от собаки, он от бессонницы не мучился и кемарил в своем вагончике, переваривая обед.

Никогда, никогда больше не поведусь на предложение пойти короткой дорогой, клялся себе Макс. Не пойду, даже если совсем нечего будет делать и захочется необыкновенных приключений. Лучше мирно и спокойно сдохну на диване от скуки.

– Нужно швырнуть в вагончик кирпич, – перебил его сердитые мысли Тимофей. – Если попадем в окно, сторож проснется.

– Отсюда не добросить, – справедливо заметила Лиза. – А если добросишь и попадешь, окно разобьется. Опять же, где взять кирпич?

Макс пошел по плите, глядя под ноги. Ни кирпича, ни булыжника, ни мелких камешков на ее поверхности не было. Один песок, как в пустыне. В метре от «пирамиды Хеопса» стояла вторая бетонная «высотка», за ней виднелась третья.

Разбегаясь и перепрыгивая через расщелины, Макс добрался до конца плиточного ряда. До бытовки со спящим сторожем было рукой подать. Но бросить в нее по-прежнему было нечем. Макс набрал в горсть песка – он развеялся, не пролетев и половины.

– Смотри, может, это подойдет? – послышался за спиной голос Лизы. Она протягивала ему детский носок в зеленую и красную полоску. – Если насыпать в него песок и завязать, получится отличный метательный снаряд.

– И много у тебя еще носков? – съехидничал стоявший рядом с сестрой Тимофей. – Что будем бросать, если с первого раза не попадем?

– Носков больше нет. Но можно привязать этот к веревке, втянуть обратно и бросить еще раз.

Лиза порылась в рюкзаке и вытащила на свет новенький моток бумажного синего шнура. Болтавшаяся на нем бирка предлагала использовать его для творческих работ. Макс посмотрел на владелицу рюкзака с уважением. Похоже, если им понадобится вертолет, эта девчонка пошарит в своей розовой сокровищнице и вынет оттуда летающий аппарат с уже запущенным пропеллером.

Попасть в окно вагончика удалось лишь с четвертого раза. Стекло громко звякнуло, и через пару минут на пороге появился взъерошенный сторож. «Дяденька, спасите нас! – запрыгала по плите Лиза. – Пожалуйста, пожалуйста, уберите собаку».

Еще через пару минут сторож выпроводил их за ворота. К автобусной остановке как раз подкатила маршрутка.

Глава одиннадцатая. Засадный полк

Через несколько минут троица выбежала на Виноградную. «Вон ее дом, – показал Тимофей, – тот, что с белыми ставнями. А в том жасмине я прятался. Мы легко в нем поместимся».

Виноградная считалась одной из самых уютных и зеленых улиц города. С одной ее стороны росли старые платаны с толстыми, пятнистыми, как кожа питона, стволами. Другая была густо засажена кустами сирени, жасмина и рододендрона. Жасмин и рододендрон сейчас вовсю цвели, и все вокруг окутывал густой сладкий аромат. За стволами платанов, за цветочными облаками прятались небольшие одноэтажные коттеджи.

Платаны и кустарники заменяли жителям Виноградной заборы, которыми обычно отгораживаются от тротуара частные владения. Была у улицы и еще одна особенность, объясняющая ее название. Почти перед каждым коттеджем на газоне стояла беседка или короткая шпалера, оплетенная лозами черного винограда. В конце лета, когда ягоды начинали созревать, на лозы совершала набеги малышня, тогда несколько недель Виноградная шумела от их возни и недовольных возгласов взрослых. Но в середине июня до спело-

сти было еще далеко, и улочка предстала перед Максом такой, как в большинство своих дней, – тихой и безлюдной.

На Виноградной к Тимофею вернулся командирский тон. В маршрутке-то он молчал, что было на него совсем не похоже. Макс даже подумал, что приключения на стройке сбили с великого сыщика излишнюю самоуверенность. Как оказалось, он все еще плохо знал Галкина.

– Мы перебежим дорогу и спрячемся в жасмине, – объявил Тимофей. – Понаблюдаем за объектом, заодно прикинем, как действовать дальше.

Макс не понимал, зачем лезть в пыльный куст, вместо того чтобы сразу двигать к старухе. Но решил, Тимофей лучше знает, что делать. Все-таки он единственный из них, кто сталкивался с бабкой лицом к лицу и испытал на себе действие волшебной кнопки. Ни Макса, ни Лизу в кукол не превращали.

Лиза, само собой, была другого мнения. Макс ничуть не удивился, когда она яростно воспротивилась планам брата. Не для того она скакала по бетонным плитам, спасаясь от клыков ротвейлера, чтобы потом изображать цветочный горшок на клумбе.

Сравнение с горшком великого сыщика возмутило. К его большому сожалению, сообщил он звенящим голосом, не все понимают важность слежки за подозреваемым. И тем, кто не понимает, лучше отправиться домой и заняться вышиванием котиков.

Дальше произошла невероятная вещь – в ответ на ультиматум брата Лиза промолчала. Даже полслова не произнесла. Бунт, таким образом, был подавлен в зародыше. Под команды Тимофея они продрались сквозь ветви в середину жасминового куста. Неожиданно для Макса, жасмин оказался отличным укрытием. Собственно, это был не один куст, а несколько. Они росли так близко друг к другу, что переплелись вершинами и образовали что-то вроде большого шалаша. Земля в шалаше была утоптана, похоже, Тимофей побывал здесь не раз.

Чтобы лучше видеть «объект», им пришлось проковырять амбразуры в плотных стенках шалаша. Потолкавшись, потому что каждый хотел занять самую удобную для наблюдения позицию, они затихли, не сводя глаз с входной двери.

Минуты потянулись со скоростью улитки. Ничего не происходило. Было жарко. Цветы одуряюще пахли, мухи, пчелы, шмели монотонно жужжали. От этого, от напряженного ожидания неизвестно каких событий в голове у Макса затикало, будто там завелся будильник.

Макс вытащил сотовый и уставился на цифры, показывающие время. Ни фига себе! Из-за приключений на короткой дороге он давно не смотрел на часы. Оказывается, почти двенадцать. Три часа, как Катя пропала.

Эта мысль стряхнула с него оцепенение. Будильник в черепе замолотил так, будто понесся наперегонки с Бэтменом.

Некогда ему рассиживаться в жасмине! Если Тимофей

прав, то Катя очень близко – в одной из комнат этого маленького домика. Она там плачет, а он здесь цветочки нюхает. А вдруг старуха и в самом деле превратила ее в куклу? Макс чуть не взвыл от ужаса.

– Сколько еще мы будем прятаться? – толкнул он Галкина в бок. – Чего дожидаемся? Время только зря теряем. Ты меня сюда привел – говори, что дальше?

– Надо сначала кому-то сходить на разведку, – ответил Тимофей. – Я никак не решу – кому. Если пойду я, то она меня узнает и тут же снова превратит в куклу. Если Лизка, она может так бабке понравиться, что нам придется выручать уже двух девчонок. Тебе вообще соваться нельзя, потому что у тебя сестра пропала. Если еще и ты исчезнешь…

– Раз никому из нас нельзя, будем тянуть жребий, – заявила Лиза. – Я выломаю три палки, положу в рюкзак. Кто вытянет короткую, тот выиграл. Чур, я тяну первой.

– Не торопись, – сказал Тимофей. – Я думаю, если поодиночке не получается, лучше идти всем вместе.

– Это опасно, – возразил Макс. – Нельзя подставляться всем сразу. Если мы явимся втроем, а твоя бабка взбесится, то превратит нас в кукол одним щелчком. Даже если ей придется три раза на кнопку нажимать, она все равно всех перещелкает. Поэтому кто-то на всякий случай должен остаться в засаде с ОЖИВЛЯТЕЛЕМ.

– Ладно, – немедленно согласилась Лиза. – Тогда на разведку отправятся двое. Тот, кто вытянет короткую палку,

потопает первым. Вытянувший среднюю будет держаться за первым на некотором расстоянии, для страховки. Вытянувший длинную останется в жасмине.

Пока Лиза выламывала из засохших веток палочки разной длины, Макс думал о том, что ему придется сейчас поссориться с Галкиными. Вовсе ни к чему тянуть жребий и брести на непонятную разведку. Что на этой разведке разведывать? Нужно просто выйти из укрытия, постучать в дверь и спросить у старухи, где Катя. Только не ходить втроем или вдвоем. Он пойдет один. Катя его сестра, ему и рисковать жизнью.

Макс вздохнул, представив, что начнется, когда он сообщит об этом Галкиным. Они поднимут такой шум! Тимофей уже побывал в куклах и нового превращения не боится. Лиза в рассказ брата до конца не верит. К тому же ее не переспоришь. Ну, у него все-таки есть шанс вытащить короткую палочку. А если не повезет, он от Галкиных сбежит. Выскочит из куста и понесется к крыльцу.

Лиза встряхнула рюкзак и запустила внутрь руку, чтобы найти палку в куче предметов. Длились поиски подозрительно долго. Когда на свет появился короткий обломок, Макс заподозрил, что рыжая заноза смухлевала. Тимофей, видимо, тоже решил, что сестру не мешает проверить. Переглянувшись, мальчишки вцепились в рюкзак и потянули к себе. Но Лиза без боя не сдалась. Внутри куста завязалась потасовка. Никто не хотел уступать. Все сопели, толкались, топта-

лись вокруг рюкзака, ветки жасмина тряслись, будто на него налетел ураган, на головы сыщиков дождем сыпались белые лепестки. Макс уже не сомневался, что победа останется за ним с Галкиным, как тут произошло нечто, заставившее их о жребии забыть.

Дверь домика с грохотом распахнулась, и на крыльце показались ноги в кедах и коричневых клетчатых штанах. Ноги располагались почти горизонтально, кеды отчаянно упирались в ступеньку. Судя по всему, владелец ног, кед и штанов отчаянно противился своему выдворению из жилища старухи. Однако сопротивление было быстро сломлено. Округу огласил недовольный вопль, и вниз кубарем слетел какой-то мужик.

Сила, запустившая его в полет, придала ему рекордную для подобного типа передвижения скорость. Мужик стремительно заскользил на пятой точке по газону и, наверное, достиг бы мостовой, если бы не вмазался в одну из шпалер. Шпалера дрогнула, но устояла.

Нежеланный гость старухи лежал под виноградным кустом, не шевелясь. Издали трудно было определить, что с ним не так. «А вдруг он сломал шею и больше не встанет? – испугался Макс. – Что делать: вызывать полицию и «скорую»? А как же Катя?»

К радости Макса, выброшенный недолго пребывал в неподвижности. Подергав ногами и руками, он встал сначала на четвереньки, потом в полный рост. Теперь Макс смог

его рассмотреть. Ничего примечательного, кроме клетчатых штанов, в нем не было. Обычный парень, лет на десять старше Макса, светлые волосы, белая футболка с мордой Микки Мауса на груди. Отряхнув со штанов мусор, загадочный незнакомец сунул руки в карманы и вразвалочку вернулся к входу. «Кепку верни!» – проорал он и тут же отступил на безопасное расстояние.

Дверь распахнулась во второй раз. Серая кепка замелькала в воздухе, как тарелочка для игры в фрисби, и приземлилась на виноградный куст.

Нацепив кепку, парень отщипнул от грозди зеленую виноградину и закинул в рот. Он определенно не хотел признавать поражения и всем своим видом демонстрировал гордую непокорность. За одной виноградиной последовала целая горсть. Лицо незнакомца перекосило от кислоты. Он сплюнул, погрозил дому кулаком, перебежал дорогу и исчез за платанами.

Сыщики замерли. Несколько минут они не сводили с двери глаз, но больше ничего не происходило.

– Мне немножко страшно, – прошептала Лиза. – Это какая же сила у твоей бабки, если она так людей расшвыривает?

– Это не она, – убежденно сказал Тимофей. – Это кто-то другой. Она, вообще-то, хилая старушенция. Высокая, но тощая, как бездомная кошка. Несет с рынка пакет с покупками и кряхтит, будто грузовик за собой тянет. Хотя, кто зна-

ет, может, она на самом деле жилистая, но притворяется. И еще, смотри, дверь осталась открытой. Старуха всегда ее запирает.

У Макса дрогнули пальцы. Он сунул руки в карманы, чтобы не заметили Галкины, и посчитал про себя до десяти. Надо успокоиться. Встреча со старухой, превращающей детей в кукол, и раньше не казалась легким делом. С тех пор мало что изменилось. Ну, подумаешь, в доме появился злобный тип, разбрасывающий людей направо и налево. Не убьет же он Макса ни с того, ни с сего. Главное, Катю найти.

Досчитаю до двадцати – и пошагаю, решил он. Никаких Галкиных. Он не должен подвергать их опасности. Тимофею приключений хватит, ему еще со своей мамусей объясняться. Лиза вообще девчонка. Он один виноват, что Катя пропала. Ему и расхлебывать. Все, начинаю отсчет. Раз…

– Драться придется, – задумчиво произнес Тимофей. – Без драки, точно, не обойтись.

– Драться?

О таком варианте развития событий Макс не подумал. Он приготовился к вежливым переговорам, к спору, ругани, крикам, к вышвыриванию на улицу, наконец. Ради Кати он смирился бы даже со своим превращением в куклу. Но к драке он был не готов.

– С кем драться – с бабкой?

– С превосходящим по силе противником. Если это она спустила мужика с крыльца, то с ней.

В ошарашенном мозгу Макса с бешеной скоростью завращалась единственная мысль: ему предстоит бойцовский поединок с совсем ему неизвестной, тощей, как бездомная кошка, старухой.

– Апперкот, – сурово сообщил ему в ухо кто-то невидимый. – Хук справа. Хук слева. Теперь под дых.

Макс тяжело задышал, будто из него реально вышибли воздух.

Тимофей обвел его оценивающим взглядом.

– Ты дерешься-то как?

– Не знаю, – Макс перевел дух. – Ни разу не пробовал.

– Я могу тебе прием показать – на всякий случай. Действует классно. Главное – разогнаться и хорошо прицелиться головой.

– Где он будет в домике разгоняться? – перебила брата Лиза. – И вообще, с чего ты взял, что драться придется именно Максу. Забыл, что короткую палочку вытянула я?

– Одну я тебя не пущу.

– И не мечтай, – прибавил Макс.

Лиза хихикнула.

– Успокойтесь, это шутка. Я уверена: никто на нас с кулаками не полезет. Взрослым детей бить нельзя, это все знают.

– Превращать детей в кукол взрослым тоже нельзя. Но меня вот превратили.

– Значит, идти нужно всем. И, если на нас нападут, драться будем вместе. Спина к спине. Как мушкетеры. Один за

всех, все за одного.

Макс представил, как Лиза лупит розовым рюкзаком превосходящего по силе противника, и повеселел. Впервые с той минуты, как обнаружилось исчезновение Кати, он не чувствовал себя абсолютно беспомощным и одиноким. Может, ему удастся вернуть сестренку без хуков и апперкотов?

– Я пойду сам, – твердо объявил он Галкиным. – И не спорьте. Сидите здесь и наблюдайте. Если через полчаса не вернусь, вызывайте полицию. И ОЖИВЛЯТЕЛЬ держите наготове.

– Мы будем как Засадный полк в Куликовской битве, – оживился Тимофей. – Нам на истории рассказывали. Полк прятался в лесу, а потом выскочил и помог Дмитрию Донскому разбить Мамая.

– Как Засадный полк, – улыбнулся Тимофею Макс. Потом кивнул Лизе. – Или как два мушкетера.

Он глубоко, как перед прыжком в воду, втянул в себя воздух, вылез из куста и медленно пошел к дому.

Глава двенадцатая. «Гости! Гости!»

Жасминовый шалаш и примыкавшие к нему заросли сирени и рододендрона могли служить отличным наблюдательным пунктом для троих и даже для пятерых сыщиков. Но у этого замечательного укрытия был один недостаток: из него, кроме входной двери, крыльца и газона перед ним, ничего больше не было видно. Когда Макс вылез из куста и на ватных ногах побрел на встречу со старухой, он с ужасом понял, что у дома есть еще и окна.

Конечно, он видел их раньше – когда троица выбежала на Виноградную и Тимофей показал на логово бабки пальцем. Да и странно было бы, если бы у жилого дома отсутствовали окна, такое встречается лишь в детских загадках. Но только сейчас Макс почувствовал, какая за ними таится опасность.

Ему казалось, что из каждого окна за ним кто-то следит. Он старался не сводить глаз с блестящей ручки двери, но когда терял над собой контроль, то боковым зрением замечал, как шевелятся на окнах белые занавески. Ощущение угрозы усиливалось с каждым пройденным метром. По спине, по затылку поползли мурашки. Когда до цели оставалось совсем немного, тревога стала настолько сильной, что Максу захотелось вернуться в жасминовое убежище. Развернуться на сто восемьдесят и рвануть, не оглядываясь. Наплевать, что подумают Галкины. Ему все равно. Он даже остановился, но

вспомнил о Кате.

Вообще-то он не забывал о ней ни на минуту, просто иногда его что-то отвлекало. Как тогда, например, когда на кухонном столе из куклы материализовался Тимофей. Или когда они удирали от ротвейлера. В такие моменты страх за пропавшую сестру и паника из-за того, что ее обязательно нужно найти до возвращения родителей, уступали место другим эмоциям. Вот и сейчас он больше думал о предстоящем разговоре со старухой. Хорошо бы, удалось избежать схватки, неизвестно, чем она закончится. И без всяких схваток с ним за последние три часа столько произошло – на целый год хватит.

Макс переступил с ноги на ногу.

Ну да, он боится. Но ведь не больше, чем Катя, если, конечно, ее не превратили в куклу и она вообще ничего не чувствует. Не больше, чем перепугается мама, если Катя не найдется. Бояться не стыдно, стыдно терять голову от страха, вспомнил он.

Пересилив себя, он сделал несколько последних шагов и поднялся на крыльцо.

Дверь дома была приоткрыта на узкую щель. Он топтался перед ней, набираясь храбрости. А вдруг старуха еще не пришла в себя после стычки со своим предыдущим гостем? Постучишь, и она решит, что тип в кепке вернулся. Захочет наподдать ему еще раз и выскочит, разъяренная, как боевой слон. Макс вздохнул. Даже думать не хотелось о том,

что произойдет дальше.

Может, в щель покашлять? С надрывом, как при воспалении легких. Старухе станет интересно, кто это тут загибается. Но сама она, наверное, не выйдет, чтобы не заразиться, пошлет тех, кто наблюдал за ним из окон. Например, злобного типа, выбрасывающего людей из домов. И что тогда ему говорить?

Макс пожалел, что ничего не придумал заранее, пока сидел в кусте с Тимофеем и Лизой. Теперь поздняк метаться. Придется выкручиваться на ходу. Правда, еще неизвестно, сколько пройдет времени, пока обитатели логова соберутся познакомиться с ним лично. Горло сорвешь, кашляя. Нет, нельзя медлить, когда за стеной Катя в опасности. Да и Галкины ждут от него немедленного бесстрашного подвига. Он прямо чувствует, как их взгляды жгут ему спину. Если не хочет перед ними опозориться, пора начинать действовать.

Задержав дыхание, Макс прильнул к щели глазом. Солнце высвечивало угол коврика у входа, дальше высилась плетеная подставка для зонтов, из нее торчали ручки двух зонтов и трости. Он покрутил головой, пытаясь рассмотреть еще что-нибудь, потом приложился ухом к косяку. Издалека донеслись голоса, следом зазвучала знакомая музыка. У старухи работал телевизор. По первому каналу пошли новости. В тот же момент часы на городской башне начали отбивать время. Макс посчитал удары. Двенадцать. Полдень.

Тянуть дальше было нельзя. Он выпрямился. Прямо пе-

ред его глазами торчал старинный дверной молоток. Лохматый лев с тупым взглядом зажимал в пасти тяжелое кольцо, отливающее золотом там, где за него брались рукой. Макс поднял кольцо повыше, чтобы стукнуть посильнее, и тут у него за спиной раздался шорох. Макс похолодел – сообщники бабки вылезли из дома через окна и подкрадывались сзади.

В голове заметались мысли, перебивая друг друга.

Не буду оборачиваться, решил он, вцепившись в кольцо. Притворюсь, будто ничего не происходит. Я всего-навсего стучу в дверь. Не нападут же они на улице. Галкины так заорут – мало не покажется. А почему, кстати, Галкины молчат?

Снова раздался шорох, потом что-то дважды стукнуло и громко засопело. От неожиданности он чуть не слетел вниз, прямо в лапы к страшным звукам. Пальцы разжались, кольцо лязгнуло по пластине под челюстью льва. Сердце подпрыгнуло к горлу и заколотилось так, словно хотело вырваться наружу через рот.

– Испугался? – послышался насмешливый голос Лизы. – Подвинься, я тоже хочу посмотреть.

Макс глубоко вдохнул и поискал ответ поязвительнее. Руки все еще тряслись, и в голову ни одна удачная мысль не лезла. Он посторонился. Рыжая заноза хочет удовлетворить свое любопытство? Зонты рвется посчитать? Да пожалуйста. Все равно, если старуха появится, говорить с ней будет он.

Лиза заглянула в щель сначала одним глазом, потом другим.

– Ничего же не видно, – недовольно пробормотала она. – И подозрительно тихо. Как будто там никого нет. Давай войдем.

Он растерялся, не зная, что ответить. Нельзя входить без разрешения в чужой дом. С другой стороны, если Катя здесь, а старуха открывать не хочет, у него нет выбора. Он должен войти, чтобы спасти сестру.

Лиза оправдывала незаконное вторжение по-своему:

– Ты стучал? Стучал. Кто-нибудь вышел? Нет. Мы просто обязаны посмотреть, что тут случилось. Вдруг старухе плохо.

– Хорошо, – решился Макс. – Но я пойду один. Сам разберусь. Ты оставайся здесь. А то приглянешься бабке, – он через силу ухмыльнулся, – и она превратит тебя в куклу.

Ухмылка мгновенно сползла с лица, как только Макс повернулся к Лизе спиной. Но едва он переступил через порог, сзади снова послышался шорох. Лиза следовала за ним как приклеенная. От этой девчонки не отделаешься, подумалось в десятый, наверное, раз за день. И в первый раз за день эта мысль его не разозлила.

В длинный коридор выходило несколько дверей, все были плотно закрыты. Макс вспомнил рассказ Тимофея: справа идут друг за другом кладовка, ванная и туалет, слева – кухня и большая комната с телевизором, Галкин называл ее гостиной. В конце коридора за стеной, противоположной входу,

находилась спальня старухи.

Дверь кухни была почти полностью стеклянной. Подкравшись к ней, Макс заглянул внутрь. Старуха не сидела у стола, попивая чай, не стояла у плиты с половником наперевес, не выглядывала из окна. Кухня была пуста. «Чисто», – шепнул Макс Лизе и почувствовал себя героем боевика. Пусть у него не было бронежилета, автомата и шлема с прибором ночного видения, зато слово «чисто» он произнес как настоящий боец спецназа, обшаривающий помещение в поисках террористов.

Впрочем, к гостиной его смелость опять улетучилась. Не будь рядом Лизы, он замер бы здесь надолго. Но девочка дышала в затылок, и ему не хотелось казаться трусом.

Эта дверь была без стекла, и ему пришлось ее открыть. От кухни гостиная отличалась страшным беспорядком. По комнате точно пронесся смерч. Стихийное бедствие пощадило телевизор, зато распахнуло дверцы шкафа и тумбочки, смело на пол кучу газет, опрокинуло на столе чашку с чаем. Вокруг чашки по белой скатерти растеклось коричневое пятно, в нем мок журнал с глянцевыми картинками. Перед столом, ближе к входу, на боку лежал стул с высокой спинкой.

В первый момент показалось, что в комнате никого нет. Однако, присмотревшись, Макс понял, что одно живое существо здесь все-таки имелось. На столе неподалеку от чайной лужи стояла вазочка с печеньем, по ее краю кругами вышагивал маленький зеленый попугай. Иногда он останавли-

вался, склевывал крошку и вновь пускался в путь.

– Какой важный, – тихо засмеялась Лиза.

Макс дернул ее за руку, но было поздно. Попугайчик притормозил, склонил голову набок и впился одним глазом в Макса.

– Отступаем, – шепнул Макс Лизе и попробовал потихоньку прикрыть дверь. Но опоздал. Попугай встрепенулся, перелетел с вазочки на хрустальную люстру и взъерошил перья на голове.

Макс понял, что сейчас произойдет. О волнистых попугайчиках он знал, наверное, все. У его школьного друга Серого со второго класса жил Кеша, в котором семья души не чаяла. За шесть лет Кеша выучил много слов и превратился в жутко болтливое создание, которое всюду совало свой крючковатый нос. Серый выгонял его из комнаты, когда хотел посекретничать с Максом, – иначе Кеша все выбалтывал родителям.

Может, этот не такой разговорчивый? В ту же секунду надежды Макса развеялись.

– Гости! Гости! – заорал попугай хриплым голосом. – Волнительно! Волнительно!

И замолчал.

Выдохся, обрадовался Макс. Или больше слов не знает.

Он прислушался. Вокруг по-прежнему было тихо. Похоже, «Кешу» никто не услышал. Только бы не заорал снова…

Не тут-то было. Зеленая птичка взмахнула крыльями и пе-

релетела на ножку опрокинутого стула.

– Гости! Гости! – снова заверещала она и наклонила голову. Теперь ее черный круглый глаз смотрел на Лизу. – Почеши Черуше уши!

– Он сейчас вылетит в коридор, – встревожилась Лиза. – Тогда нам крышка.

Плюнув на осторожность, Макс рывком закрыл дверь и замер.

– Р-р-разбойничьи р-р-рожи! – раздалось из гостиной, но уже без прежнего энтузиазма. – Нехор-р-рошо! Нехор-р-рошо!

Попугай умолк. Ну, кажется, все, решил Макс.

И вздрогнул.

– Куда? Куда? – проорала птичка с прежней силой. – Почеши Черуше уши!

Лиза согнулась пополам от беззвучного хохота. Глядя на нее, Макс тоже заулыбался. Однако веселье быстро иссякло. Нужно было двигаться дальше.

К последней комнате Макс подошел, не чувствуя под собой ног. Раз в доме есть люди – одна старуха или целая банда злобных качков – они должны находиться за этой дверью. Конечно, они могут скрываться и в кладовке, ванной или туалете, куда он не заглядывал. Но Макс был уверен: если бы и заглянул, никого не обнаружил. Слишком уж тихо было за всеми теми дверьми, мимо которых они с Лизой проходили. Пока они крались по коридору, он вслушивался во все звуки

– даже легкого дыхания ниоткуда не доносилось. Дом будто вымер. Казалось, в нем нет ни одной живой души, не считая, конечно, вздорного попугая.

Кто же все-таки вышвырнул из дома мужика? Тимофей сказал, старуха не справилась бы – не Геракл, ей такой подвиг не совершить. Значит, кроме нее, здесь есть кто-то еще. Почему тогда так тихо? А вдруг, тот, кто расправился с мужиком, убил бабку и теперь прячется в спальне? Стоит прямо сейчас с другой стороны двери и тоже насторожил уши.

Макс перестал дышать, шагнул назад и чуть не упал, наткнувшись на Лизу. Девочка тут же крепко вцепилась в его руку. Да она боится больше меня, понял он. Эта заноза считает меня храбрым. Он повеселел и постарался улыбнуться. Думал, что получилось не ахти, но Лиза обрадованно улыбнулась в ответ.

– Там спальня, – зашептала она почти беззвучно. – Тимоша говорил, старуха его застукала и превратила в куклу в спальне.

– Ну и что? – Макс надеялся, что его шепот звучит бесстрашно и даже беззаботно. – Твой брат был один. А нас двое.

– Ты сам говорил, она легко может перещелкать целую толпу.

– Если хочешь, вернись к брату. ОЖИВЛЯТЕЛЬ у него?

Лиза затрясла головой сразу во всех направлениях. Макс не понял, на какой вопрос она отвечает «да», а на какой

«нет». Догадался, лишь когда Лиза крепче сжала его руку.

– Идем дальше? – спросил Макс, уже зная ответ. – Не бойся. Двоих отважных мушкетеров ей сразу не одолеть. А если одолеет, твой брат нас спасет.

Он снова улыбнулся и, не выпуская Лизину руку, резко толкнул дверь.

Глава тринадцатая. Душитель в белом балахоне

За дверью никто не стоял.

Не встретив сопротивления, она легко, без скрипа открылась, и Макс ослеп от яркого света.

После темного коридора зрение возвращалось медленно. Опасаясь нападения, он напряженно всматривался в белесую пелену. Сначала из тумана выплыла мебель. Справа – высокий комод с выпуклыми ящиками, два шкафа, овальный стол со стульями. Слева – широкая кровать, прикроватный столик. «Ма-а-а-кс», – вдруг прошептала Лиза дрожащим голосом и дернула его за руку. Прямо напротив них шевелилось что-то неясное. Макс замер. Мутное пятно, отливающее голубым, зеленым и розовым, тоже застыло, будто почувствовало, что за ним наблюдают. Макс прищурился. В искрящейся дымке прорезались детали, пятно обрело форму, и он чуть не засмеялся. На противоположной стене меж двух раскрытых окон, сквозь которые в комнату били солнечные лучи, висело огромное, от пола до потолка, зеркало в деревянной раме. Он помахал отражению Лизы и, когда отражение ответило ему тем же, облегченно вздохнул. Похоже, кроме них, здесь никого нет. Старуха и тот, второй, загадочным образом исчезли.

Он осмотрелся. Таких больших комнат он никогда не видел. Несмотря на старинную, внушительных размеров мебель, спальня выглядела полупустой. Казалось, в ней поместится еще куча разных предметов, и все равно останется свободное место.

Побывавший в гостиной смерч прошелся и по спальне. Ящики комода были выдвинуты, украшенные резными завитушками створки платяного шкафа открыты, стулья стояли вкривь и вкось. Но больше всего досталось высокой железной кровати с круглыми шарами на спинке. Ее покрывало было сбито и свисало до самого пола, подушки слетели вниз, а саму кровать сдвинули так, что она перегородила комнату, закрыв от посторонних взоров левый дальний угол.

От погрома уцелел лишь прикроватный столик.

На этом столике и овальном столе, на комоде и на полках за стеклянными дверцами второго шкафа – старинного буфета стояли, сидели и лежали куклы.

Макс похолодел. Катя среди них? Он сейчас ее найдет? Но тут Лиза снова сдавила его пальцы так, что стало больно. Приоткрыв рот, девочка уставилась на платяной шкаф, и на ее лице отчетливо читался ужас. Несколько мгновений он не мог понять, что напугало бесстрашную Галкину. Но потом испугался и сам. На внутренней стороне открытой дверцы шкафа висело зеркало, в котором отражался тот угол спальни, что скрывался за развороченной кроватью. Зеркалу, как и шкафу, было, наверное, лет сто. Его поверхность отлива-

ла бурыми пятнами, покрытие кое-где вовсе отслоилось, поэтому отражение расплывалось, дальнюю часть угла вообще невозможно было рассмотреть. Но Максу хватило и того, что было видно.

В углу на полу неподвижно лежали чьи-то ноги в светлых брюках.

Макс выпустил Лизину руку, шагнул вперед и заглянул за кровать.

Жуткая картина открылась его глазам. На полу, на пушистом желтом коврике вытянулось во весь рост тело женщины с растрепанными седыми волосами. Над телом, не подававшим признаков жизни, стояла на коленях фигура в белом балахоне. Ее длинные, прикрытые одеждой пальцы шевелились у старухи под подбородком.

– Ой! – взвизгнула Лиза. – Он ее душит!

Неизвестный повернул к подросткам голову и рывком вскочил на ноги. Макс вздрогнул. На темном, почти черном лице душителя ярко блестели белки глаз. Максу захотелось зажмуриться, и он вцепился в шар на спинке кровати. Несколько мгновений подростки и тип в балахоне, не шевелясь, смотрели друг на друга. Потом злодей взмахнул рукой, скакнул к открытому окну и с ловкостью циркового акробата выпрыгнул на улицу.

– А-а-а! – раздался снаружи крик Тимофея.

Макс бросился к окну. Виноградная была пуста: ни Тимофея, ни душителя, ни мирных, ни о чем не подозревающих

прохожих. Лишь вдали шевелился, будто под сильным ветром, жасминовый куст.

Мы вспугнули маньяка, догадался Макс. Настоящего маньячного маньяка, который не успокоится, пока кого-нибудь не убьет. Ему не удалось придушить старуху, поэтому он утащил Галкина.

Макс смел в сторону цветочные горшки и вспрыгнул на подоконник.

– Тимоша! – раздался испуганный крик Лизы. – Макс, он напал на Тимошу?

Девочка стояла рядом, выискивая глазами брата.

Макс согнул ноги, чтобы сильнее оттолкнуться и перемахнуть росший прямо у стены большой куст.

– Тимоша! – опять закричала Лиза, толкая Макса в бок. – Пусти меня, я хочу вылезти.

Макс нагнулся к Лизе, чтобы помочь взобраться наверх, и в этот момент кто-то цапнул его за щиколотку.

Он дернул ногой. Щиколотка освободилась.

– А-а-а! – снова раздалось снаружи. – Ты чего лягаешься! Я и так на этих кирпичах еле стою.

Над подоконником выросло рассерженное лицо Тимофея.

– Что происходит? ОЖИВЛЯТЕЛЬ нужен?

Увидев, что сестра и друг в порядке, Галкин расплылся в улыбке.

– На кукол вы не похожи, значит, не нужен. А кто на меня упал? Он сам вывалился, или вы его выкинули?

– Сам выскочил, – мрачно заявил Макс, спускаясь обратно в комнату. – Ловкий, гад, как кошка, ни одного горшка не сшиб. Ты его рассмотрел?

– Не успел. Он меня свалил и сразу за кусты метнулся. Странный какой-то. В платье. Спортсменка, наверно. Чемпионка мира по прыжкам на людей… Эй, Лизка, ты что делаешь?

Макс обернулся. Убедившись, что с братом ничего не случилось, Лиза мгновенно успокоилась. Куда больше, чем брат, ее интересовала сейчас лежащая на полу женщина. Склонившись над ней, девочка прижала к ее шее два пальца, потом на цыпочках вернулась к окну.

– Пульс есть, – деловито сообщила она. – Дыхание ровное. По-моему, она в обмороке.

– Старуха лежит на полу в обмороке? – изумился Тимофей. – Что вы с ней сделали?

– Да ничего мы с ней не делали, – рассердился Макс. – Тип, который тебя сбил, чуть ее не задушил. Мы помешали.

– Как у вас тут интересно, – с завистью произнес Тимофей. – Я кирпичи приволок, чтобы узнать: живы вы или уже нет. А вам моя помощь, оказывается, и не нужна. Вы бабку спасаете. Могли бы мне и позвонить.

– Да не успели мы позвонить, – отрезал Макс. – Ты когда в первый раз заорал, мы решили, что душитель напал теперь на тебя. Из комнаты же не видно, что ты у стены под кустом валяешься.

Тимофей засопел.

– А лягался зачем?

– Откуда я знал, что это ты. А ты зачем меня схватил? Попугать решил?

– Кончайте трепаться, – оборвала их Лиза, доставая сотовый. – У нас тут, можно сказать, почти труп. Куда мне звонить сначала? В «скорую» или в полицию?

– Какой труп?! Где труп?! – раздался сзади сиплый голос.

Макс и Лиза оглянулись. Тимофей, пыхтя и извиваясь всем телом, вскарабкался коленями на подоконник.

Старуха сидела на полу, опираясь сзади на руки, и вид у нее был абсолютно здоровый и даже воинственный. Она с подозрением осмотрела подростков, помолчала немного, будто что-то соображая, а потом открыла рот и закричала.

– Грабят! Убивают! Помогите! – вопила она, тряся головой. – Стыд потеряли! Теперь и в окна лезут! Бандиты! Милиция! Милиция!

Макс растерялся. Тимофей, с которого старуха не спускала глаз, начал медленно сползать обратно на улицу. Ему до жасминового куста ближе, чем нам, позавидовал Макс.

Положение спасла Лиза.

– Мы не грабители, бабушка, – затараторила она, опустившись на пол рядом с женщиной. – У вас входная дверь была открыта, мы и зашли водички попросить. Жарко, очень пить захотелось. А вы тут в обмороке. Мы подумали, вам помощь нужна.

Старуха медленно обвела девочку взглядом.

– Хорошенькая, – вздохнула она, ткнув в ее сторону пальцем, – Мне нравишься. Только великовата. А твоя физиономия мне почему-то знакома, – она вновь повернулась к Тимофею. – Какой-то ты подозрительный. Это ты зачем на окно залез?

– Давайте мы поможем вам встать, – быстро произнес Макс, решив, что бабку нужно от друзей отвлечь. – Вы как себя чувствуете?

– Как я могу себя чувствовать, когда меня каждый день грабят и убивают! – возмутилась старуха. – Убивают и грабят! Ничего не осталось, ничего. Сегодня зачем-то последнее унес. И других еще подослал. Рожи разбойничьи, и все чего-то хотят, хотят…

С помощью Макса и Лизы женщина поднялась на ноги. Тимофей, видимо, сообразив, что пока им ничто не угрожает и что удирать вообще-то стрёмно, слез в спальню, но на всякий случай держался у старухи за спиной, старательно избегая ее взоров. Но она уже не обращала на него внимания. Кряхтя и поправляя встрепанную прическу, жертва душителя расхаживала по комнате. Макс наблюдал за ней и думал, что она совсем не похожа на ту сгорбленную бабку с клюкой, какую описывал Галкин. Может, в этом доме живут две бабки-близняшки? Только одна сильно напоминает Шапокляк из мультика, а вторая – вот эта, в розовой блузке с развязанным бантом и светлых полосатых брюках – вполне симпа-

тичная современная старушка. Лица у них одинаковые, Тимофей и спутал одну с другой.

Высокая, прямая как жердь, женщина смотрелась, конечно, странно, но совершенно безобидно. Опасности от нее исходило не больше, чем от одуванчика. Макс уже сомневался, что она вообще способна кому-нибудь навредить. Лиза, глядя на «одуванчика», тоже расслабилась. И лишь Тимофей сохранял прежнюю настороженность. Он зорко следил за старухой и, кажется, был готов прыгнуть на нее сразу же, как только она сунет руку в карман.

Но «одуванчику» было не до них.

– Ноги моей в этом городе не останется, – бормотала она, грозя неведомому врагу сморщенным кулачком. – Уеду прямо сейчас. Соберусь и уеду, пусть потом меня ищет. Пускай поволнуется – сам виноват.

Пользуясь тем, что старуха не могла устоять на месте, Макс поворачивал за ней голову и всматривался в кукол. После темпераментного рассказа Тимофея он ожидал увидеть чуть ли не штабеля несчастных, злодейски обращенных в куклы девочек. Правда, в городе они с весны не пропадали, лишь Катя сегодня. Но ведь старуха могла орудовать ПРЕВРАЩАТЕЛЕМ и в других местах.

Кукол было много. Самых разных. Маленьких и не очень. Изящных фарфоровых статуэток и примитивных тряпичных оберегов. В нарядах из позапрошлого века, в джинсах и бомберах, в национальных костюмах, с ангельскими крылышка-

ми, в шляпах и плащах волшебников из «Гарри Поттера». Ни одной, похожей на Катю, среди них не было.

Не будь поблизости бабки, он бы понажимал ОЖИВЛЯТЕЛЬ – вдруг все-таки найдутся превращенные. Но это вряд ли. У Тимофея всего-навсего зашкаливает воображение. Старуха превратила его в куклу с перепугу. Вернулась домой, а в спальне рыжий пацан шарится. Кнопка для нее – как перцовый баллончик против грабителя. Да и зачем ей похищать маленькую девочку? У нее и так кукол завались. Не знает она, где Катя.

– А еще клялся, что никогда не даст меня в обиду, – продолжала ворчать старуха. – И, пожалуйста! Ко мне лезут и лезут все, кому не лень.

– С вами все в порядке? – громко перебил ее Макс. – Если наша помощь вам больше не нужна, мы пойдем.

Старуха немедленно остановилась, развернулась и впилась в него глазами. Ее маневр ему не понравился. Она определенно что-то задумывала. Он кивнул Галкиным и пошел к двери.

– Подожди, – прошипел Тимофей, – мы же с ней не поговорили.

– «В ясный день желанный пройдет и наше горе», – внезапно громко пропела старуха и ухватила Макса за локоть. – Ах, на сцене меня просто заваливали цветами. В арии Чио-Чио-Сан от моего сопрано лопались хрустальные бокалы… Зовите меня мадам Баттерфляй.

– Попандос, – пробормотал Тимофей.

Глава четырнадцатая. Старуха смывается

Отцепившись от Макса, мадам Баттерфляй подошла к окну, отломила от кустика герани красный цветок и воткнула себе в волосы. «Я еще и Кармен пела, – кокетливо объявила она. – Вы хорошо учитесь в школе? Знаете, кто такая Кармен?»

Макс утвердительно покивал головой. Он готов был подтвердить что угодно, лишь бы побыстрее отделаться от старухи и выбраться из ее дома. У него не осталось сомнений, что у бабки от потрясений снесло крышу.

Зря он уступил уговорам Тимофея и притащился на Виноградную. Здесь ловить нечего. Галкин, конечно, не врал, когда рассказывал о своем приключении. Мадам Баттерфляй, может, и была той злодейкой, что превратила его в куклу. Но из этого вовсе не следует, что она виновата и в исчезновении Кати. И вообще, нет никаких доказательств, что именно старуха похищала девочек весной. Тимофей просто заигрался в сыщика. Наткнулся на странную тетку, стал за ней следить и нафантазировал себе преступление, которого не было. А потом приплел к своей фантазии Катю.

Тимофей так горячо доказывал правильность своей гипотезы, что Макс ему поверил. И совершенно напрасно. Если

бы не поверил, Катю уже, наверно, искал бы весь город. Может быть, ее даже уже нашли.

Он взглянул на друзей.

Брат и сестра, видно, еще не сообразили, что из-за мадам Баттерфляй теряется много драгоценного времени, и уходить не собирались, все еще надеясь что-нибудь у нее выведать. Правда, вид у Тимофея был напряженный. Пока старуха бродила взад-вперед по комнате, он старался не отходить далеко от раскрытого окна. Нетрудно было догадаться: Галкин так боится потерять ОЖИВЛЯТЕЛЬ, что при малейшей угрозе для кнопки повторит трюк душителя в балахоне. Лиза, наоборот, чувствовала себя как в супермаркете. Она переходила с места на место, надолго останавливаясь то тут, то там, чтобы рассмотреть какую-нибудь статуэтку, дотронуться до понравившейся куклы.

Что ж, пускай остаются. Макс уйдет один.

Но оказалось, у мадам Баттерфляй были на него свои планы.

Она глянула на себя в зеркало, завязала бант, поправила цветок и помахала перед лицом воображаемым веером. Потом, явно удовлетворенная увиденным, повернулась к Максу.

– Ты кажешься мне воспитанным и культурным мальчиком. И пришел как раз вовремя. Сейчас я на минуточку удалюсь, а потом ты поможешь мне донести чемоданы до автовокзала.

Пропев «У любви, как у пташки, крылья, ее нельзя никак поймать», она выскользнула из спальни.

– Что за бред? – удивился Тимофей.

– Разве не видишь? – хихикнула Лиза. – Мадам Баттерфляй считает, что твой воспитанный и культурный друг, в отличие от нас, не бандит. Поэтому она доверит ему дотащить ее чемоданы до межгорода. А туда, между прочим, шесть кварталов.

– Плевать мне на ее доверие, – разозлился Макс. – Пусть сама тащит. Кати здесь нет, и бабку спрашивать не о чем. Я пошел в полицию.

– Потерпи еще немного, – попросил Тимофей. – Мы столько сюда топали, жалко уходить, совсем ничего не узнав. Может, она прячет Катю в другом месте. Давай, Лизка попробует ее разговорить, у нее хорошо получается болтать с незнакомыми.

Позже, вспоминая приключения на Виноградной, друзья спрашивали Макса, почему он не ушел. Ответа у него не было. Если бы, махнув рукой на мадам Баттерфляй, он немедленно отправился в полицию, брат и сестра пошли бы с ним. Но тогда Тимофей не нашел бы сумку, Лиза не разгадала тайну желтой тряпки, и все события развивались совсем по-другому.

Минуточка старухи затягивалась. Макс подошел к шкафу со стеклянными дверцами. Всю среднюю полку занимали ведьмы. Старые и уродливые, молодые и красивые, в широ-

ких темных плащах, в остроконечных шляпах, в руках у каждой метла. С полей шляп свисали клочки паутины, за плащи цеплялись летучие мыши…

– Не понимаю, – унылым тоном сообщил Тимофей. Наклонившись над овальным столом, он рассматривал куклу с большими, заостренными, как у эльфов, ушами. – Почему старуха называет себя мадам Баттерфляй?

– Твоя бабка, похоже, лет сто назад была оперной певицей, – ответила Лиза. – «Кармен», «Чио-Чио-Сан» – это оперы, названные по имени главных героинь. У «Чио-Чио-Сан» есть еще другое название – «Мадам Баттерфляй».

– И о чем эти оперы?

– О несчастной любви. И Кармен, и Чио-Чио-Сан в конце умирают.

– Трындец, – Тимофей скорчил кислую гримасу. – Почему все оперы про несчастную любовь и смерть? Три часа поют, а потом главная героиня склеивает ласты. Кому нравится на такое смотреть? Будто на свете больше нет ничего интересного.

– Ну, там не только про любовь, – рассеянно возразил Макс. Он разглядывал хмурую кривозубую ведьму в фиолетовом одеянии и гадал, что произошло бы, если бы ее удалось оживить. – В «Кармен» еще про бой быков и тореадоров.

– Тебя никто не заставляет слушать оперы, – заметила Лиза. – Смотри балеты. Они заканчиваются хорошо.

– Гори, ведьма, гори, – пробормотал Макс.

– Знаешь что? – продолжила Лиза. – Давай уговорим мамусю свозить нас на зимние каникулы в Москву. Там по рассказу Конан Дойля поставили балет «Шерлок Холмс». «Мысли» Холмса изображаются шляпами на ногах танцоров. Тебе понравится. …Макс, ты хочешь сжечь куклу?

– Что? – переспросил Макс. – Да нет, я просто вспомнил одну книгу, недавно читал. Ее по-разному называют. Или «Гори, ведьма, гори». Или – зацени – «Дьявольские куклы мадам Мэндилип».

– Честно? – разинул рот Тимофей.

– Я ее читала, – воскликнула Лиза. – В ней много всего: и ужастик, и детектив, и мистика. Колдунья переселяет души живых людей в кукол, и те начинают всех убивать. Если хочешь, Тимоша, я дам почитать, она у меня на букридере.

– Мальчик! – раздался сзади голос старухи. Она стояла у двери и подзывала к себе Макса пальцем. – Мне нужна твоя помощь.

– Иди-иди, – шепнул Тимофей, – и попробуй ее минут на пять задержать. Мы на ОЖИВЛЯТЕЛЬ понажимаем.

Когда мадам Баттерфляй и Макс, тащивший за собой два чемодана на колесиках, вернулись в спальню, Тимофей и Лиза стояли у комода. Судя по тому, что в комнате, кроме Лизы, других девочек не было, ОЖИВЛЯТЕЛЬ, как и думал Макс, никого не оживил. Оставив груз у кровати, он подошел к друзьям. Половину комода занимало кукольное цар-

ство. На мягком диванчике, обитом тканью в синий цветочек, лежали голубые подушки. На круглом одноногом столике стоял чайный сервиз. В сахарнице виднелись кусочки настоящего сахара, в сливочник были налиты сливки, а на блюдцах рядом с чашками лежали крохотные ложки. Была в этом царстве и кровать под балдахином, державшимся на четырех резных столбиках. Простыня и подушка на ней были смяты, будто на них недавно кто-то лежал. Макс вспомнил куклу Тимофея: для этой кровати он был великоват. Но Катя была на голову ниже Галкина и, превращенная в куклу, здесь поместилась бы.

Тимофей прав. Нельзя уходить, не задав ни одного вопроса.

Лиза не заставила себя ждать.

– У вас так много кукол, мадам Баттерфляй, – восхищенно произнесла она. – Вы их коллекционируете или еще с ними играете? Тут на комоде настоящая кукольная комната.

– Люблю играть, – мечтательно улыбнулась женщина. – Безумно люблю. Не наигралась в детстве. Вот только братец ругает. Говорит, от моих забав одни проблемы.

– Здесь все ваши куклы? – продолжала допытываться Лиза. – Может, есть еще другие. Пожалуйста, покажите, мне так интересно!

Старуха открыла рот, собираясь что-то сказать, но тут же резко его захлопнула и плотно сжала челюсти. Лицо ее помрачнело. Когда она заговорила, от мечтательного тона не

осталось и следа.

– Нет у меня больше ничего, – отрезала она. – Все здесь. И не будем, деточка, тратить время на разговоры. Я уезжаю, мне нужно собраться.

Сборы были на удивление недолгими. Открыв один из ящиков комода, мадам Баттерфляй выгребла его содержимое в маленький чемодан, в большой пошвыряла платья, юбки, блузки и толстую кофту, взяла в руки огромную сумку, которую называла незнакомым словом «ридикюль», встала посередине комнаты и сообщила, что готова.

– Надо еще окна закрыть, – заметила Лиза.

– Закрой, – согласилась женщина. – И клетку с попугаем накрой шалью, она в гостиной на стуле висит. Черушу заберут завтра.

В этот момент в комнате раздался мелодичный перезвон. Звонил старинный будильник, стоявший на столике у кровати. Медный молоточек звонко бил по медным тарелкам, заглушая тиканье. Циферблат помещался в большом мяче, который держала в руках фарфоровая кукла. Макс, не обративший раньше на будильник внимания, обмер. Обнимавшая мяч голубоглазая девчушка в чепчике, с кудрявыми светлыми волосами как две капли воды походила на Катю. Он впился в статуэтку глазами. Нет, конечно, это не она.

Молоточек ударил по тарелкам в последний раз и застыл. Большая стрелка будильника показывала на двенадцать, маленькая стояла на единице. Если древний хронометр не врал,

до возвращения родителей оставалось девять часов.

Старуха на мгновение задумалась, затем схватила будильник и со словами «Марфушу заберу» сунула в ридикюль. Максу доверили большой чемодан, Лизе – маленький. Тимофею, который по-прежнему вызывал у хозяйки большие подозрения, не доверили ничего. «Присядем на дорожку», – приказала мадам Баттерфляй. Все уселись кто куда и немного помолчали. «Ну, с Богом!», – сказала женщина и в последний раз окинула спальню взглядом.

– А это еще что такое? – удивилась она, указывая пальцем под кровать.

Из-под пледа, которым была накрыта кровать и который свешивался почти до пола, выглядывал кончик какой-то желтой тряпки.

– Что за тряпка? Это не мое. Фу, какая гадость! Даже дотрагиваться не хочу. Заберите с собой, выбросите потом куда-нибудь.

Тимофей сунул по плед голову. «Здесь еще сумка какая-то, – сообщил он. – Черная».

– Сумка тоже не моя. Это все бандитское имущество. Все, все забирайте. И поскорей. Я опаздываю.

Она вышла из комнаты. За ней последовала Лиза, за Лизой – Макс. На пороге он оглянулся, чтобы поторопить Тимофея, и увидел странную картину. Галкин сидел на полу над раскрытой сумкой и застывшими глазами глядел на что-то внутри. «Ты что там нашел? – спросил Макс. – Пойдем,

позже разберемся». Тимофей очнулся, сунул в сумку желтую тряпку, застегнул молнию и поднялся на ноги.

Все шесть кварталов до автовокзала мадам Баттерфляй и подростки шли пешком. Старуха ни в какую не захотела брать такси: то ли жадничала, то ли считала всех таксистов грабителями и убийцами. Прижимая к груди ридикюль и обмахиваясь веером, она бодро шагала впереди, задавая шествию темп. Макс и Лиза держались сзади. Едва они вышли из дома, рыжая заноза налетела на Макса с вопросами. Заметив, как изменилось его лицо, когда зазвонил будильник, она хотела выяснить причину.

Добившись своего, Галкина пожелала увидеть Катину фотографию. Макс покорно достал телефон. На экране сестренка смеялась, высунув язык. В желудке у Макса что-то тяжело заворочалось.

– Да они и правда очень похожи, – Галкина удивленно потрясла головой. – Теперь я представляю, как Катя выглядит. Надо будет еще Тимоше рассказать. А то мы ее ищем, а какая она, знаешь только ты.

Она обернулась к брату. Тимофей опять от них отстал. Усердно о чем-то размышляя, он еле передвигал ноги и то и дело спотыкался на выбоинах в асфальте. Когда Макс или Лиза просили его не спать на ходу, он крепче брался за сумку и прибавлял шаг, но вскоре снова начинал тормозить.

На автовокзале мадам Баттерфляй купила билет на ближайший рейс в сторону побережья. Посадку уже объявили,

и старуха заторопилась.

– Я пойду попудрю носик, а вы пока постерегите вещи, – распорядилась она.

– Я с вами, – пискнула Лиза самым невинным своим голосом. – Не хочу оставлять вас одну, вдруг вам опять станет плохо.

Через несколько минут Макс и Тимофей сунули чемоданы мадам Баттерфляй в багажный отсек большого междугороднего автобуса. Она показала контролеру билет, поднялась по ступенькам и заняла место у открытого окна.

Двери закрылись. Взревел двигатель. И тут путешественница высунула в окно голову и поманила к себе Макса. В нем вспыхнула безумная надежда. Сейчас он узнает о Кате что-то очень важное. Он подскочил к окну и привстал на цыпочки, чтобы не упустить ни слова.

– У меня хорошая память на лица, – прошептала старуха, хитро улыбаясь. – Твоего дружка я сразу узнала. И кто ты, догадалась. Вы с сестренкой очень похожи. Ты ведь ее ищешь? Катеньку?

Автобус тронулся и стал набирать скорость.

– Вы знаете, где она? – закричал Макс. – Скажите мне, где Катя?

Автобус покатил быстрее. Ухватившись за окно, Макс бежал рядом.

– Пожалуйста, скажите, где она, – умолял он, чуть не плача.

– Забрали ее, – со злостью выпалила мадам Баттерфляй. – Явился ни свет, ни заря, наорал на меня и забрал. Все учит меня, учит…

– Кто, кто забрал? – крикнул Макс, начиная отставать.

Губы мадам Баттерфляй шевельнулись, но за ревом двигателя Макс не расслышал, что она сказала. В отчаянной попытке ее задержать, он ударил кулаком по железному боку. Водитель в ответ рассерженно бибикнул и нажал на газ. Впрочем, перед самым выездом с вокзала ему пришлось притормозить, чтобы пропустить несущиеся по улице машины. Макс и подбежавшие к нему Лиза с Тимофеем рванули вперед, но тут автобус вклинился в поток и исчез за поворотом.

Глава пятнадцатая. Сумка с сюрпризами

Повесив голову, Макс сидел на скамейке у автовокзала. Галкины стояли рядом и задумчиво смотрели, как он возит ногой по асфальту пустой спичечный коробок.

– Еще не вечер, – прервала молчание Лиза. – Мы что-нибудь обязательно придумаем.

Для убедительности она махнула пакетом, который держала в руках. В пакете что-то звякнуло.

– Что там у тебя? – вяло поинтересовался Макс.

– Ничего, – быстро ответил Тимофей.

– Ничего, – повторила Лиза.

– Странно звякает, – сказал Макс. – Будто разбилось что…

– Ерунда, – сказал брат.

– Ерунда, – повторила сестра.

Макс удивился. Галкины заодно?

– Покажи. Раньше у тебя пакета не было.

Лиза спрятала пакет за спину.

– Я тебе лучше на словах объясню, по-быстрому. Если очень-очень-очень коротко, в туалете произошел инцидент и они, часы то есть, разбились.

– Что произошло в туалете? – не понял Макс.

– Ин-ци-дент, неприятность, в общем. Они и разбились.

Макс опять ничего не понял. Его голова была занята другим. Он придумывал, как догнать автобус и вытряхнуть из мадам Баттерфляй, кто забрал Катю. Инцидент? Часы? Какие часы? Тут в памяти возникла голубоглазая фарфоровая кукла, прижимающая к себе мяч с циферблатом. Макс вспомнил, как звонко бил по медным тарелкам молоточек, как была похожа на Катю забавная статуэтка. Она разбилась?

– Их можно починить, – затараторила Лиза. – Я, когда уронила любимую мамусину чашку, сама ее склеила. Она стала как новая. Правда, протекает немного. Мамуся из нее не пьет. Только любуется. Но то – чашка. А это, – Лиза снова тряхнула пакетом, – часы. В них же не надо воду наливать.

Макс понял, что склеивать нечего.

– Выброси, – тихо произнес он. – Вон урна. Еще порежешься.

От автовокзала отошли один за другим два автобуса. Палящее солнце загнало в здание пассажиров, ожидающих следующего рейса, и перрон опустел. Жара не брала одних голубей. Они медленно прогуливались вдоль скамеек, то и дело наклоняя голову и склевывая что-то с асфальта. Часы на городской башне пробили два.

Макс задвинул под скамейку спичечный коробок и встал.

– Надо догнать автобус, – твердо произнес он. – Пойду в полицию, расскажу, что случилось. Если мне поверят, то помогут.

Он представил, как входит в старинное здание на фонтанной площади и просит отвести его к главному полицейскому начальнику. Седой генерал слушает его, ничему не удивляясь и не задавая вопросов. Ну, Макс, само собой, все выкладывать не будет. Про превращение Тимофея в куклу и обратно лучше промолчать. Он коротко объяснит, что у него пропала сестра, и единственный человек, который знает, где она, несколько минут назад уехал из города. Помрачнев, генерал прикажет подать ко входу машину. И вот уже они мчатся по трассе на автомобиле с мигалкой и включенной сиреной. Вот настигают автобус и идут с ним бок о бок. Мадам Баттерфляй высовывается в окно, Макс машет ей рукой. Генерал прибавляет скорость и ловко перегораживает автобусу дорогу. Тот останавливается, его двери открываются. Макс входит внутрь…

– Мы пойдем с тобой и тоже все расскажем, – произнесла Лиза не терпящим возражения тоном. – Если нас придет много и мы будем рассказывать одинаково, нам обязательно поверят.

– Не поверят, – вздохнул Тимофей, – заявят, что мы сговорились. Ты, вон, сколько не верила. И сейчас еще не до конца веришь. А ведь знаешь, что я никогда не вру.

– Не врешь, – согласилась Лиза. – Всего лишь сочиняешь разные фантастические истории. Помнишь, как убеждал мамусю, что выследил на пляже шпиона? И что было потом, помнишь?

– Не поверят, – упрямо повторил Тимофей.

– Поверят, поверят. Мы же Галкины.

– Кончайте спорить, – потребовал Макс, – времени нет. Поверят, не поверят. Чего заранее гадать. Хотите, пойдем вместе. Не хотите – я пойду сам.

– Подожди, – произнес Тимофей загадочным тоном и улыбнулся непонятно чему. – Сначала посмотри, что я нашел.

Он поставил на скамейку черную сумку, которую от самого дома на Виноградной не выпускал из рук, и расстегнул молнию. Внутри лежал большой тряпичный ком, тот, что валялся у старухи под кроватью.

– О, как интересно, – насмешливо протянула Лиза. – Желтая тряпка. Что бы это значило?

– На, держи, если интересно, – буркнул Тимофей и сунул ком сестре. – Макс, смотри сюда. Нет, лучше закройте глаза. Закрыли? А теперь … сюрприз!

Макс открыл глаза и замер. Он, конечно, знал, что люди любят носить с собой странные вещи. Его мама, например, не расставалась с плоским, как лист, стеклянным крокодилом, похожим на зубастую сороконожку. В портфеле у папы хранился старый билет в Политехнический музей Москвы. Иванов-старший утверждал, что он помогает решать сложные инженерные задачи, если приложить его ко лбу. А лучший друг Макса Серый вообще таскал в школу маленький чугунный утюг, найденный у бабушки в деревне. На пере-

менах он качал мышцы, размахивая находкой вверх-вниз, вправо-влево. И на вопрос, чем хуже простая гантель, отвечал, что утюг прикольнее.

Иными словами, Макс был готов ко всему. Но то, что Галкин держал в руках, превзошло любые ожидания. Что за день такой, огорчился Макс. Ищу Катю, а натыкаюсь на это. И чему Тимофей радуется? Скалится, как Чеширский кот. Как оно нам поможет?

Лизу, в отличие от Макса, сюрприз брата совсем не удивил.

– Подумаешь, одна из кукол мадам Баттерфляй, – лениво протянула она и зачем-то понюхала тряпичный ком. – Немного странная, но сейчас каких только не делают. Всех прямо поразила куклоделательная эпидемия. Как грипп осенью.

– Обычная? – Тимофей аж затрясся от негодования. – Ты всмотрись получше.

Макс всмотрелся. Кукла изображала пожилого упитанного мужика в джинсах и синей спортивной рубашке. У него были густые черные брови, такие же усы и настороженное выражение лица. Правую руку он держал в кармане, левой придерживал на плече рюкзак. Мужик выглядел так, будто ожидал внезапного нападения.

Эта кукла что-то мне напоминает, встревожился Макс. То, что я видел совсем недавно.

Вспомнить он не успел.

– Вижу, вы не догоняете, – довольно засмеялся Тимофей. – Ладно, у меня есть еще сюрприз. Покруче.

Он вытянул вперед руку со сжатым кулаком и медленно, один за другим разогнул пальцы. На его ладони лежал черный кубик с кнопкой. Он был в точности такой, как ОЖИВЛЯТЕЛЬ, но вместо «О» на кнопке был нарисован знак «П».

Макс потерял дар речи. Вытаращив глаза, он не отрывал от кубика глаз. Способность говорить вернулась внезапно, когда рядом с кнопкой возник Лизин указательный палец.

– Ты что, – заорал он, отдергивая палец от кнопки, – хочешь нас всех в кукол превратить? Это же наверняка ПРЕВРАЩАТЕЛЬ.

– Да, ПРЕ-ВРА-ЩА-ТЕЛЬ, – Тимофей подпрыгнул от возбуждения. – Теперь! – он снова подпрыгнул. – У нас есть! Обе кнопки! Нам теперь никто не страшен. Никто никого больше не сможет превратить в куклу – только мы. Захотим – превратим, захотим – оживим обратно. Здорово, да?

Макс рассвирепел. Он и без того все время представлял себе Катю в виде куклы. Видение приводило его в ужас. Ему так захотелось двинуть Тимофея в глаз, что руки сами собой сжались в кулаки.

– По-твоему, превращать людей в кукол здорово? – прошипел он. – Веселая игра? Как танчики.

– Ты что, Тимоша, с дуба рухнул? – поддержала Макса Лиза.

Тимофей стал красным, как перезревший помидор.

– Ладно, проехали. Я и не собирался никого превращать. Так просто сказал. Мы другое сделаем. Оживим усатого и спросим о Кате. Он стопудово что-то знает.

– Опять фантазируешь, – завелась Лиза. – Может, это настоящая кукла и она не оживет. А если оживет, откуда такому хмырю что-то о Кате знать?

– Ну, это же элементарно, – заважничал Тимофей. – Простая дедукция. Сама признала: кукла странная. Таких не бывает. Потому что это не кукла вовсе, а превращенный мужик. Я, как его увидел, сразу догадался.

Макс закивал головой. Точно. Вот почему кукла показалась ему знакомой. Она напомнила превращенного Тимофея. И кукла Тимофей, и кукла Усатый Мужик выглядели как живые люди, только маленькие и застывшие. Обычные куклы на людей совсем не похожи.

– Хорошо, – согласилась Лиза, – дедукция так дедукция. Мы тоже Конан Дойля читали и кино про Шерлока Холмса смотрели. Предположим, с мужиком ты прав. И что?

– А то, что ты не даешь мне договорить. Где мы нашли сумку? У старухи. У кого с самого начала были кнопки? У нее. Она и превращала всех направо и налево. Тех девчонок, меня, Катю. Усатого тоже она заквасила. Наверное, они с ним что-то не поделили.

– Но она уверяла, что сумка чужая. Бандитское имущество.

– Заметала следы. Решила нашими руками от улики из-

бавиться. Что ей с ним делать, если у нее ОЖИВЛЯТЕЛЯ больше нет? И тут мы притащились. Прямо как фирма добрых услуг «Уносим улики с места преступления». Она живо сообразила, что делать, спихнула нам сумку и смылась из города.

– Подожди, – прервал Тимофея Макс. – Старуха отдала не только куклу, но и ПРЕВРАЩАТЕЛЬ. Он-то какая улика?

– Оживим сейчас усатого и узнаем. От счастья, что мы ему жизнь вернули, он все нам выложит.

– Твой план мне не нравится, – заявила Лиза. – Стремный какой-то. У твоего мужика больно рожа бандитская. Вдруг это опасный преступник? Мы его оживим, а он на нас набросится. Или убежит. Как мы его удержим?

– Мы его свяжем, – выпалил Тимофей и тряхнул куклу за ноги. – Обмотаем всего твоим шнуром, как мумию. Спеленаем так, что он и пошевелиться не сможет.

– Не выйдет, – возразил Макс. – Сам подумай: при оживлении увеличивается лишь то, что было у человека при его превращении в куклу. Ну, как у тебя, мобила в кармане. Нашей обмотки на нем не было, значит, когда усатый вырастет, она просто порвется.

– Даже если не порвется, он вряд ли сообщит нам что-нибудь полезное, – задумчиво произнесла Лиза и опять понюхала желтую тряпку. – Не знает он про Катю. Видно же, он в сумке давно валяется. День или два. А Катя пропала сегодня утром.

– С чего ты взяла, что он в сумке давно? – удивился Макс.

– Женская интуиция, – отрезала Лиза. – Знаешь, что это такое?

О женской интуиции Макс знал мало, поэтому предпочел в спор не ввязываться. Но, вообще-то, ему показалось, что упрямая девчонка без всякого стеснения вешает им лапшу на уши. Тимофей, видимо, заподозрил то же самое.

– У тебя есть другой план? – задиристо спросил он сестру.

– Есть, – ответила Лиза. – Еще какой! Великий сыщик Тимофей Галкин обзавидуется.

И улыбнулась так, будто выиграла миллион долларов.

Глава шестнадцатая. Загадка желтой тряпки

До вечера я не доживу, обреченно думал Макс. Шизанусь и задушу Галкиных. Перед его мысленным взором тут же возникла картина, как он с криком «Достали меня ваши идеи!» надвигается на Лизу. Картина ему не понравилась. И чего это он поднял руки со скрюченными пальцами? Бред какой-то. Утренник в детском саду. «Я кровожадный серый волк, я в поросятах знаю толк. Р-р-р-р!». Да и злиться на Галкиных неправильно. Они помочь хотят и не виноваты, что у них буйное воображение. Кого угодно выведут из себя своими фантазиями. Доведут до нервного срыва или до сердечного приступа.

Интересно, в его возрасте может быть сердечный приступ? Он может от него умереть? Если ему не светит найти Катю, лучше умереть прямо сейчас.

Макс представил, как прижимает руку к левой стороне груди и с тихим стоном опускается на землю. Он посмотрел вниз. Прямо у его ног нагло расхаживал голубь, поклевывая рассыпанные кем-то хлебные крошки. Вперемешку с ними валялись обгорелые спички и белели пятнышки высохшего голубиного помета. Если упасть на спину – еще ничего. А если лицом…

– Макс, а-у-у! – раздалось у его уха. – Ты меня слышишь?

Рядом стояла Лиза и протягивала ему желтый тряпичный ком.

– Понюхай, чем пахнет?

– Ничем эта тряпка не пахнет, – проворчал Тимофей. – Пылью из-под старухиной кровати.

– Не слушай его, он ревнует, – сказала Лиза. – Злится, что у него нет идеи, а у меня есть. Ну, нюхай же!

Макс повертел ком в руках. Он был каким-то странным. Скрученный из легкой, мягкой ткани, с углублением с одной стороны, он походил на кокон, из которого уже вылупилась бабочка. Здоровенная такая бабочка – с детский футбольный мяч.

Макс приблизил к «кокону» нос. От материи пахло сухим и жарким летним днем, как от прокаленной на солнце подушки. И еще от нее исходил едва уловимый запах чего-то знакомого. Он втянул в себя побольше воздуха и внезапно чихнул.

– Вот! – довольно засмеялась Лиза. – Ты тоже почувствовал. Я же говорю: он пахнет черным перцем.

– Скажи еще – кока-колой, – буркнул Тимофей. – Да если и пахнет, что нам с этого?

– Эх ты, сыщик, – насмешливо произнесла сестра. – Если бы догадался, что это такое, не спрашивал бы.

Максу захотелось ее стукнуть. Нет, нельзя, все-таки девчонка, хоть и заноза. Надо вести себя по-взрослому. А это

значит, как говорит папа, надо сначала спокойно выслушать, что тебе хотят сказать. Но ведь, если стукнуть, она расскажет быстрее…

Лиза, видимо, поняла по его лицу, что дальше тянуть с объяснениями опасно. Она выхватила из рук Макса «кокон» и с возгласом «наглядное пособие!» опустила брату на голову. Голова Тимофея исчезла. Вместо нее над туловищем высилось круглое желтое нечто, из-под которого раздавались невнятные звуки. Туловище помахало руками, будто отпугивало ворон, пошатнулось и завалилось бы на скамейку, если бы Макс не ухватил его за футболку.

Вцепившись в нечто, Лиза дернула его вверх. Оно не поддалось, похоже, зацепилось за уши. Тимофей замычал. Макс поморщился, представив себя на его месте. Лиза дернула сильнее. Когда голова Тимофея высвободилась из плена, его лицо было злым, как у Angry Birds.

– Прости-прости-прости-прости, – сестра попыталась пригладить брату взлохмаченные волосы, но тот сердито оттолкнул ее руку. – Я не ожидала, что ты в него провалишься. Думала, так вы быстрее поймете.

Мальчишки уставились на «кокон». В битве за свободу Тимофеевой головы он полностью утратил свою форму, превратившись в большую тряпичную кучу. Из нее свисал до земли мятый конец.

Макс уже понял, что это за куча. Непонятно было, чему радуется Лиза. Он снова пожалел, что повелся на выдумки

Галкиных. Ни усатая кукла, ни наперченный «кокон» в поисках не помогут. Возиться с ними – только время терять. Хотя интересно, что у рыжей занозы за идея?

Он посмотрел на друзей. Лиза нетерпеливо ждала, когда мальчишки додумаются. Тимофей же изо всех сил изображал сложную мыслительную деятельность. Макс заподозрил, что он придуривается. Обиделся из-за «наглядного пособия» и нарочно Лизу поддразнивает. Делает вид, что никак не въедет.

Предположение Макса тут же подтвердилось.

– Ну-у-у, – протянул Тимофей, глупо таращась на сестру, – прямо не знаю. Может, это специальный поваренный шарф? Когда повара готовят блюда с перцем, то обматываются им, чтоб не закашляться. Кхе-кхе.

– Ладно, – сказала Лиза. – Сейчас ты увидишь, какой это шарф. Хватайся за него и иди назад. А я буду его разматывать.

Зажав конец «кокона» в кулаке, Тимофей долго пятился вдоль скамеек, а когда остановился, желтая куча превратилась в очень длинную узкую полосу полупрозрачной ткани.

– Бывают шарфы такой длины?

Тимофей молчал.

– Я могу точно сказать, сколько в нем метров, – вызвался Макс. – Меня папа научил измерять расстояние шагами.

Иванов-старший обучил сына этому нехитрому приему, как только Макс освоил четыре действия арифметики. Он

предложил мальчику походить по комнате и замерил расстояние между его пятками. Когда Макс подрастал, измерение проводили по новой. Последнее сделали в начале лета, и Макс точно знал, что длина его шага равна сорока девяти сантиметрам.

Он встал рядом с Лизой, выровнял ноги и сделал первый шаг. Потом второй, третий, четвертый…

– Это что вы здесь устроили?! – раздался сзади визгливый женский голос. – Стали и стоят. Люд***Я***м ни пройти, ни проехать.

Макс вздрогнул и сбился со счета.

Между скамейками, по ту сторону растянутой ткани высилась рассерженная тетка в ярком цветастом платье. В одной руке она держала большой клетчатый баул, за другую цеплялся толстый мальчишка в панамке. Позади тетки толпились люди. «Кокон» перегородил им проход к автобусу, подъехавшему к дальней стоянке.

– Ну что ты расшумелась, – вступился за сыщиков улыбающийся мужчина. – Посадка еще не началась. А тут, видишь, люди делом заняты.

– Извините, тетенька, – заторопилась Лиза. – Мы быстро. Давай, Макс!

Макс вернулся на исходную позицию и снова зашагал вдоль полупрозрачной полосы. Один, два, три, четыре… Сделав девятый шаг, он остановился почти вровень с Тимофеем. Еще сантиметров двадцать, прикинул он. Значит, все-

го… он быстро подсчитал в уме … четыре метра шестьдесят один сантиметр. Если это и шарф, то для жирафа.

– Догадались? – спросила Лиза, когда троица освободила пассажирам проход.

– Подумаешь, загадка, – сдался Тимофей. – Это чулма. Женщины такие штуки носят на голове. Я у мамуси в журнале видел.

– Чалма, – поправил друга Макс.

И добавил ядовито:

– Волшебная чалма мадам Баттерфляй. В ней хранятся бабкины мысли. Как на флэшке. Жаль, мы не знаем пароля. А то бы она поведала нам, где Катя.

Тимофей заржал.

– Зря смеетесь, – рассердилась Лиза. – Лучше подумайте, кому ваша «волшебная чулма» принадлежит на самом деле. Мадам Баттерфляй от нее отказалась. У выкинутого из дома мужика была кепка. Остается один человек. Тот, кто расправился с мужиком и душил старуху.

– Тетка в балахонистом платье?

– Нет, Тимоша. Старуху душил мужчина. Вот доказательство.

Лиза потрясла желтым комом.

– Женская чалма доказывает, что душитель – мужик? – удивился Макс. – С логикой у тебя как-то не здорово.

– Да не чалма это, а тюрбан, мужской головной убор индийцев. Знаешь, в чем разница? Тюрбан делают из очень-

очень длинного куска ткани. Ты сам посчитал – почти пять метров. А твое «балахонистое платье», – Лиза повернулась к брату, – вовсе не платье, а длинная рубашка, традиционная индийская мужская одежда.

Макс вспомнил, как поразило его темное лицо незнакомца, и подумал, что Лиза, может быть, права.

– По-твоему, старуху пытался задушить какой-то индийский мужик?

– Да, – кивнула девочка. – Он потерял тюрбан, когда дрался с типом в кепке или когда убивал старуху.

– И он знает, где Катя?

– Он точно входит в их банду. Иначе на кой ему мочить бабку? Свидетеля убирал.

– Свидетеля чего?

– Откуда я знаю. По-любому он пока наша единственная зацепка.

– Тогда все просто, – вскипел Макс. – Нужно найти в нашем городе настоящего индийца и спросить о Кате. Он, конечно, нас поубивает, мы же застукали его за преступлением. Зато перед самым нашим концом все нам выложит. Как в кино.

– Что, струсил?

– Нет, – отрезал Макс. – Откуда начнем поиски?

– А чего его искать, – засмеялась Лиза. – У него на рынке свой магазин. «Лавка пряностей» называется. Тюрбан не просто так перцем пахнет.

***

Прыщ жутко чесался. Кепарь скосил на нос сначала левый глаз, потом правый. Левым прыщ было видно лучше. Страшно хотелось впиться в болячку ногтями и чесать, чесать, чесать… Нельзя. Шеф сегодня злой, как росомаха, увидит – окончательно взбеленится. Будешь чесать, сказал, вспухнет еще больше. Ненужная примета, тебя с таким фонарем всякий запомнит.

Кепарь осторожно повернулся к мужчине сзади. Тот стоял, засунув руки в карманы, и остановившимся взглядом смотрел на троицу внизу. Чистая росомаха, подумал Кепарь. По телику недавно показывали – самое злобное животное в мире. Не очень здоровое, всего килограмм двадцать, но даже медведя сможет загрызть, если захочет.

Он потер ухо, потом не утерпел и капельку почесал нос. Шеф тоже маленький и на вид безобидный, но если разозлится – держись. Чуть ухо не оторвал, когда узнал о сумке. Ухо ноет до сих пор. Но я ж не виноват, что к старухе вдруг заявился какой-то тип. И как раз тогда, когда я с ней толковал о кнопке. Ну да, тряс ее немного, так с нее не убудет.

Кепарь поежился и подошел к стеклянной стене ближе. Со второго этажа автовокзала весь перрон был виден как на ладони.

Да этой старушенции каждый день надо пендель выписы-

вать, чтоб не вредничала, возмущался он. Шеф с ней все церемонится, все носится с ее капризами. Ну, и что вышло? Ни старухи, ни кнопок, ни Кольки. А типа того я даже не рассмотрел. Вцепился, гад, в меня сзади, проволок, как мешок с капустой, по всему дому и с крыльца спустил. Не до сумки было. А теперь, вот, с Колькой… тьфу… с Усатым какие-то мальцы носятся. Откуда у них моя сумка?

Троица на перроне, видно, до чего-то договорилась и перестала махать руками. Рыжий застегнул сумку и повесил ее на плечо. Длинный прижимал к груди желтую тряпку. Девчонка опустила в мусорную урну какой-то пакет и рылась в своем рюкзаке.

– Они сейчас уйдут, – сказал Кепарь.

– Сам вижу, – огрызнулся шеф.

– Они Кольку… пардон, Усатого унесут. Пойти за ними? Здесь сумку не отнять – слишком народу много.

– Заткнись, – прошипел шеф. – Как уйдут, сгоняй вниз, забери пакет из урны. Посмотрим, что внутри.

Когда детишки отошли на приличное расстояние, Кепарь поволокся на грязное дело. Выброшенный девчонкой пакет уже успели завалить банановой кожурой и обертками от мороженого. Ему пришлось тащиться в туалет и туалетной бумагой оттирать с пакета липкие потеки.

«Я, что, ему бомж – рыться в мусорных баках, – злился Кепарь, отдирая сначала от полиэтилена, потом от пальцев розовую жвачку. – Опять же, бомжи для себя стараются, а

я для чужого дяди. Зря все-таки с ним связался. Развесил, дурак, уши – и где обещанное?»

Решив, что с пакета достаточно, он не удержался и заглянул внутрь. На дне валялись разноцветные фарфоровые осколки, непонятные медные штуки и циферблат от часов. Что-то разбилось по-крупному. Он не стал гадать, на фига сдался шефу этот мусор, но, отдав пакет, на всякий случай отошел в сторону.

Шеф долго мрачно глазел на осколки, покусывая нижнюю губу. Кепарь было подумал, что добром это не кончится. Но тут лицо шефа разгладилось, и он весело двинул кулаком Кепаря в плечо.

– Усатого, говоришь, унесли? Ничего, еще не вечер. Никуда они не денутся…

Глава семнадцатая. Сокровища Индии

Перед тем как отправиться в логово врага, сыщики поделили между собой свои находки.

– Нельзя кубики, мужика и тюрбан класть в одно место, – заявил Тимофей. – Мало ли что случится. В одиночку индиец с нами не справится. Но вдруг у него есть сообщники. Навалятся кучей, отнимут сумку, и у нас не останется ни одного вещественного доказательства. Кто тогда поверит, что мы не сочинили историю с куклами?

Макс не знал, с какой радости придется кому-то рассказывать про превращения, мадам Баттерфляй и душителя-индуса. Но «Шерлок Холмс», в общем-то, был прав. Дело им предстояло опасное. Надо быть готовыми ко всему.

Самое ценное – ПРЕВРАЩАТЕЛЬ и ОЖИВЛЯТЕЛЬ – решили отдать Лизе.

– Если бандиты нас схватят, сразу начинай рыдать, – наставлял сестру брат. – Это у тебя хорошо получается. Даже мамуся не выдерживает. Вид у тебя безвредный, и, как только ты заревешь, от тебя отвяжутся. Тогда вытащишь ПРЕВРАЩАТЕЛЬ и превратишь всю банду в кукол.

– А вдруг я случайно и вас превращу? – спросила Лиза.

– Аккуратно отнесешь в сторонку и нажмешь на ОЖИВ-

ЛЯТЕЛЬ, – сказал Макс. – Но меня за ноги не хватай – сотовый вывалится.

– Тебя это не пугает? – удивилась Лиза. – Ну, в смысле, куклой стать не страшно?

– Ни капельки, – презрительно фыркнул Макс. На самом деле он, конечно, побаивался и предстоящей схватки с индийцем, и того, что может превратиться в куклу, но не показывать же это девчонке. – Чего бояться, раз обе кнопки у нас.

При выборе места для хранения кнопок разгорелся спор. Тимофей предложил рассовать их по разным карманам Лизиных шорт: ПРЕВРАЩАТЕЛЬ – в правый карман, ОЖИВЛЯТЕЛЬ – в левый. Из карманов кнопки могут выпасть, возразил Макс. Особенно, если Лизу попытаются схватить и она начнет пихаться. Прозрачная баночка с закручивающейся крышкой, в которой до сего момента хранился ОЖИВЛЯТЕЛЬ, Максу тоже не понравилась. Он считал, что в схватке оружие должно быть под рукой, чтобы им легко можно было воспользоваться. А пока Лиза достанет банку, пока открутит крышку, пока разберется, какая из кнопок со знаком «П», много всего произойдет. Например, бандиты заинтересуются, чем она занимается.

В итоге ОЖИВЛЯТЕЛЬ, завернутый в детский носок, и ПРЕВРАЩАТЕЛЬ сам по себе отправились в рюкзак Лизы, в наружный карман, закрывающийся на молнию. Карман предварительно проверили: он расстегивался очень быстро. Лиза поклялась, что кнопки не спутает и выхватит ПРЕВРА-

ЩАТЕЛЬ быстрее, чем Джеймс Бонд выхватывает свой пистолет. В рюкзаке нашелся и пакет, в который уложили тюрбан. Пакет вручили Максу, так как Тимофей ни в какую не хотел расставаться с усатым мужиком. Так и пошли: впереди Лиза с розовым рюкзаком и волшебными кнопками, за ней Тимофей с куклой в черной сумке, замыкал шествие Макс с тюрбаном в бумажном пакете.

Весь пакет был изрисован пушистыми белыми котиками. Это еще можно было бы стерпеть. Но художнику одних котиков показалось мало. Шею каждого пухлого четвероногого украшал розовый бант в горошек, а свободное место вокруг заполняли малюсенькие, тоже розовые сердечки. От горошка и сердечек рябило в глазах.

Не пакет, а какой-то бело-розовый зефир, ядовито размышлял Макс, стараясь отвлечься от мыслей о «Лавке пряностей». Девчачья раскраска. Мне-то лично без разницы, как я с ним выгляжу. Но если меня увидит кто-нибудь из одноклассников, школа будет смеяться целый год. Еще и прозвище кошачье придумают. Мурзик, например, или хуже – Вискас.

Макс переложил пакет в другую руку.

И вообще, чего мы с этой тряпкой носимся? Какое это теперь вещественное доказательство? Попробуй, скажи кому, что этот мятый кусок ткани был тюрбаном, который свалился с головы индийца, когда тот душил мадам Баттерфляй. Да я первый умер бы со смеху, если б такое услышал.

Он прибавил шаг, чтобы догнать Тимофея.

Этот бывший тюрбан годится лишь на то, чтобы кого-нибудь связать. Индийца. А лучше сразу всех: индийца, старуху и того – в кепке. Макс живо представил, как преступники сидят на полу, примотанные друг к другу желтой тряпкой, и наперебой рассказывают, где Катя. Видение было таким чудесным, что Макс даже улыбнулся. Но тут же вспомнил, как ловко душитель старухи выскочил в окно. Свяжешь такого… По телу поползли холодные букашки. Зря Тимофей думает, что индийца можно не бояться. Да Лиза ойкнуть не успеет, как он нас прикончит.

– А вы знаете, что в Средние века в Европе за кражу одного-единственного мускатного ореха вору отрубали руку? – внезапно раздался Лизин голос. – А тех, кто подделывал шафран, сжигали или живьем закапывали в землю вместе с подделкой.

– Не сочиняй, – не выдержал Макс. – Из-за какого-то несчастного ореха – целую руку?

– Он, наверное, здоровенный, как дыня, – предположил Тимофей.

– Ничего не дыня. Меньше грецкого. Да вы что, ничего не знаете? Ну, как, по-вашему, были совершены самые великие географические открытия?

Макс пожал плечами.

– Мы это в шестом классе проходили, на уроках истории. Колумб искал новый путь в Индию и открыл Америку.

– Они все искали путь в Индию. И Колумб, и Васко де Гама, и Магеллан. Колумб поплыл на запад, а Васко де Гама – на юг и впервые в истории мореплавания обогнул Африку. Магеллан – тот вообще совершил первое в мире кругосветное путешествие. Знаешь, зачем это было нужно?

– Она тебя сейчас заговорит, – заржал Тимофей и дернул Лизу за косичку. – Моя сестра мечтает стать великой путешественницей. Посмотрела «Алису в Стране Чудес» и решила, что тоже поплывет по морям в дальние страны. Теперь выносит всем мозг своими рассказами.

– Если бы ты поменьше играл в великого сыщика и больше читал, тоже много бы всего знал, – рассердилась Лиза. – Незнайка!

– Кончайте ссориться, – сказал Макс. – Рассказывай дальше.

– В Европе в Средние века пряности ценились дороже золота. Из Индии их везли сначала на малюсеньких корабликах до Аравии, потом через пустыню на верблюдах до устья Нила. А там их забирал флот Венецианской республики. В католической Европе только Венеции было разрешено торговать с арабами-мусульманами. Другим странам приходилось покупать у нее специи по бешеным ценам. Вот все и начали искать путь в Индию в обход Венеции и мусульман.

– Ну да, сплавать в Индию вокруг Африки, конечно, дешевле, – ухмыльнулся Макс.

– Ты просто не знаешь, как все потом сложилось. В кру-

госветку отправились пять кораблей и двести шестьдесят человек. Домой на единственном корабле вернулись восемнадцать, да еще без Магеллана, он погиб в стычке с туземцами. Зато уцелевшие моряки привезли полный трюм пряностей. И это окупило все расходы.

– А куда делись остальные четыре корабля?

– По-разному. Один утонул, на другом произошел бунт, и он вернулся домой, два так потрепали бури, что они не смогли плыть дальше. В те времена из-за штормов и пиратов плавать по Индийскому океану было жутко опасно.

– Какие еще индийские пираты? – возмутился Тимофей. – Настоящие пираты были только в Карибском море.

– Ты еще скажи, что главный среди всех пиратов мира – Джек Воробей на «Черной жемчужине», – съехидничала Лиза. – Ах, ах, «перестаньте дырявить мой корабль». Да чтоб ты знал, пираты Индийского океана считаются самыми удачливыми в истории пиратства.

– Гонишь, – не поверил Макс. – Я о них даже не слышал.

– А вот и не гоню. Когда они делили добычу, каждый получал раз в десять больше, чем карибские любимчики моего братца. Индийский океан ими просто кишел. Они нападали на корабли и не брали золото – только мешки со специями. Поэтому торговые караваны охранялись боевыми эскадрами с вооруженными до зубов солдатами. Но это не очень помогало.

– Пиратка! – заорал Тимофей. – Пиастры, пиастры!

– Незнайка! Я бы тебя на свой корабль не взяла. Или нет, взяла бы – палубу драить.

Тимофей засопел и отвернулся. Макс понял, что надо переводить разговор на более мирную тему.

– Ты не сказала, что такое шафран, из-за которого закапывали живьем.

– Подожди, – отмахнулась от него Лиза, пристально глядя на брата. Потом виновато дотронулась до его руки.

– Ну не дуйся, Тимоша. Давай помиримся. Хочешь, расскажу, почему на флаге «Черной жемчужины» под черепом две скрещенные сабли?

– Все пиратские флаги такие.

– А вот и нет. Сначала каждый корабль ходил под своим флагом. Чаще под красным, и рисовали на нем что в голову взбредет. Скелет, руку с саблей, песочные часы. Потом появился черный флаг с черепом и скрещенными костями. Сабли придумал капитан Джек Рэкхем. В его команде были две женщины.

– Пиратки?

– Самые настоящие. Над Рэкхемом стали смеяться. Мол, на его флаге череп означает капитана, а кости – пираток. Рэкхем заменил кости саблями, и смеяться перестали. А через триста лет его флаг стал образцом для флага «Черной жемчужины».

– Честно?

– Чтоб мне сдохнуть! Сам в Инете посмотри. Друзьям по-

том расскажешь. Потрясешь эрудицией. Ну что, мир?

Лиза протянула Тимофею кулак с оттопыренным мизинцем. Тимофей проделал то же самое. Сцепившись мизинцами, брат и сестра заулыбались.

Макс обрадовался. Дружные Галкины нравились ему больше. Не удержавшись, он дернул Лизу за косичку.

– Давай теперь о шафране.

– О, – воскликнула девочка, почему-то покраснев, – это самая дорогая специя в мире! В Средние века за щепотку отдавали арабского скакуна. Готовится она из рыльцев цветков шафрана. В цветке всего три рыльца – представляешь, как трудно собрать хотя бы один грамм?

– Ну не собирали бы, и проблем не было.

– Ты ел когда-нибудь еду без соли? Она же совсем невкусная. Когда в Европе открыли соль, все были на седьмом небе от счастья. А потом пошли пряности. Представь: одного грамма шафрана хватает, чтобы приготовить несколько котлов плова с обалденным запахом. Тут уже европейцы просто сошли с ума и пустились в географические открытия.

– А откуда взялась лавка пряностей в нашем городе?

– Это загадка для Шерлока Холмса, – рассмеялась Лиза и шлепнула брата по спине. – Все удивились, когда она открылась. У нас же южный город, специй продают много. И вдруг месяц назад появился целый магазин. Настоящий, индийский. Там так красиво! Заходишь и будто попадаешь в Индию. Сейчас сам увидишь.

Слово «сейчас» вышибло из Макса мысли о шафране и карибских головорезах. Сейчас, то есть через считанные минуты, он встретится с душителем старухи. Настоящим жестоким преступником. По сравнению с ним мадам Баттерфляй со своими кнопками – безобидная овечка, мирно щиплющая на лугу зеленую травку.

Войдя в крытый рынок, Лиза повернула налево и пошла по узкому проходу. С одной его стороны вкусно пахло копченым мясом, с другой женщины с узкими глазами продавали корейские салаты и любимые Максом маринованные креветки. Он сглотнул и замедлил шаг. Хотя после фотосессии с блинчиками прошло уже немало времени, раньше голод почему-то не чувствовался. А теперь есть хотелось зверски. Схватил бы вон ту колбасную палку и грыз, грыз, пока не отнимут. Так всегда бывает, когда Макс чего-нибудь боится или сильно нервничает. Мама однажды сказала, что он зажевывает стресс и что бояться не стыдно, стыдно терять от страха голову.

Тот случай забыть трудно. В четвертом классе на конкурсе чтецов Макс хорошо прочувствовал, как это – потерять голову с перепугу. Выступать ему было нескоро, и он мрачно шатался по дворцу культуры, засовывая голову во все двери. В одной из комнат на столе стояли вазы с пирожными, приготовленными к чаепитию. Когда Макса нашли, он доедал седьмое. Потом ему промывали желудок, и мама гладила его по спине. На сцену он так и не попал.

Макс заставил себя отвести глаза от прилавка. Он справится. Галкиным наверняка тоже страшно, просто со стороны не видно.

Лиза дошла до конца прохода, повернула направо и остановилась перед деревянной дверью, украшенной резьбой. Над дверью висела небольшая вывеска, на которой вверху было написано «ЛАВКА ПРЯНОСТЕЙ», а внизу по-английски – «INDIA SPICES». «Специи Индии», перевел Макс.

Глава восемнадцатая. В ловушке

Едва Лиза приоткрыла дверь в «Лавку пряностей», как раздалось оглушительное звяканье. Над дверью висела целая гроздь колокольчиков, и каждый заливался на свой лад.

Макс похолодел. Перед сыщиками замаячила угроза катастрофы. Он-то думал, им удастся проникнуть в логово врага бесшумно и незаметно, лучше всего за спиной какой-нибудь толстой тетки. Затеряются среди покупателей, осмотрятся, а уж потом… Макс не знал, что они сделают потом. Там видно будет. Главное – не привлечь к себе внимание индийца с первой же секунды. Но проклятые колокольчики трезвонили, казалось, на весь рынок. Появляться в лавке под такой перезвон – все равно что идти по улице, лупя по барабану.

Он оглянулся. По рынку туда-сюда ходили люди с сосредоточенными лицами и увесистыми пакетами. Но ни один не спешил в «Лавку пряностей», чтобы прикрыть сыщиков своей спиной. Да если бы и спешил, было поздно. Лиза уже стояла внутри и придерживала дверь для Макса и брата. Ничего не оставалось, как шагнуть следом.

Людей в лавке было немного: четыре женщины и один мужчина. Макс впился в него взглядом. Нет, этого человека он никогда не видел. Это точно не индиец. Мужчина явно страдал от жары и острого запаха специй. Мельком взглянув на вошедших подростков, он вытащил из кармана носо-

вой платок, помахал перед лицом, потом промокнул затылок. Видно было, что индийские сокровища ему до лампочки и он здесь не по своей воле, иначе давно бы ушел.

Макс даже слегка обиделся.

Их троица ввалилась в лавку с таким шумом, что он ожидал прямо с порога встретить злобный взгляд душителя старухи. К этому Макс, пока переступал порог, успел подготовиться. Успел себя убедить, что взглядом не задушишь. И что? И ничего. Врага на месте не оказалось. Даже бряканье колокольчиков не заставило хозяина магазина появиться перед новыми посетителями. Вместо него тут разгуливает какой-то потный дядька, издыхающий от скуки. Женщины, наверно, счастливы – никто не мешает им ковыряться в товаре.

Может быть, индийца сейчас в магазине вовсе нет? Ушел по своим делам, оставив кого-то вместо себя. Приказчика, как в старину. Где в таком случае приказчик?

Перед внутренним взором Макса тут же нарисовался человек в жилете и полосатых брюках, с тонкими черными усиками и прилизанными волосами. На его согнутой руке висело полотенце. Человек поклонился и угодливо спросил: «Чего изволите?»

Макс помотал головой. При чем тут полотенце? Они же не в трактире.

А может быть, Лиза ошиблась по-крупному? Может, она не знает, что в городе живет еще один настоящий индиец, и они сейчас притопали не к тому. Где тогда искать того, что

был на Виноградной?

Мужчина с платком чихнул. Одна из женщин оторвалась от залежей приправ и махнула ему рукой: сейчас пойдем. Мужчина чихнул еще раз, потом еще. У Макса тоже защекотало в носу.

Да ну на фиг! Рыжая заноза не ошиблась. От тюрбана в самом деле сильно пахло перцем. Нужно подождать. Рано или поздно душитель старухи появится.

Макс осторожно огляделся. Галкина не преувеличила. Казалось, он попал в сказочный мир Востока, такой, каким его рисуют в мультиках.

Стены магазина украшали темные деревянные решетки, к потолку были прибиты крест-накрест толстые балки, с которых свисали связки высохших растений. Вдоль правой стены располагались прилавки со специями. Белые, оранжевые, желтые, зеленые, коричневые, красные порошки заполняли с горкой круглые керамические миски и сплетенные из белой соломы маленькие бочонки. Левая стена была увешана яркими длинными и короткими бусами, гребнями, ножными и ручными браслетами. Между ними на узких полках стояли бронзовые статуэтки.

Индиец все не показывался, и Макс чуть-чуть расслабился. Он пошел вдоль стены со статуэтками, медленно рассматривая каждую. Фигурки, видимо, изображали индийских богов. Одни из них сидели в неудобной позе, скрестив ноги и подняв руки с вывернутыми кверху ладонями. Другие стоя-

ли на правой или левой ноге, поджав вторую, а растопыренных в разные стороны рук было шесть, восемь или десять. У третьих вместо человеческой головы была голова слона размером в полтуловища. Встречались на полках и обычные слоники, все почему-то синего цвета.

Забыв об опасности, Макс потихоньку дошел до стены, противоположной входу в лавку. Медленно осмотрев последнего божка, он перевел глаза на предмет в углу. И замер.

В углу, у двери с надписями «KEEP OUT» и «НЕ ВХОДИТЬ!» стоял одноногий круглый столик. Столешница была выложена мозаикой из перламутра, толстую стойку на трех опорах украшала ажурная резьба.

Столик служил подставкой для стеклянной витрины, по размерам и форме похожей на десятилитровую бутыль, в которой бабушка Макса делала летом наливку из вишен. От остальной части магазина угол отделялся красным шелковым шнуром. Он не давал приблизиться к витрине, но и не мешал разглядывать то, что находилось за тонким стеклом. Куклу, изображавшую очень красивую девушку в национальной индийской одежде.

Макс не верил своим глазам. Сегодня он видел такое дважды. Утром это была кукла, в которую мадам Баттерфляй обратила Тимофея. На автовокзале в сумке – превращенный усатый мужик. Те куклы и эту объединяло одно – они казались живыми. Легко было представить, что стоит повернуться к индианке спиной, как она тут же пошевелится.

Макс подлез под шнур. И одежда, и украшения индианки выглядели настоящими, только очень маленькими. Он рассмотрел красную точку над переносицей, тонкую золотую цепочку на шее, синее сари, браслеты на запястьях и щиколотках. Но на этом удивительное не закончилось. Он прилип носом к витрине, и от его дыхания на стекле появилось пятнышко тумана. Кукла держала в руках электрический чайник.

Точнее, чайник она держала в правой руке. А с левой к серебристому орнаменту, украшавшему низ сари, свисало нечто, очень напоминавшее электрический шнур с вилкой на конце.

Макс прищурился. Сбоку на чайнике было что-то написано. С лупой легко было бы разобрать каждую букву. Впрочем, он и без лупы готов был поклясться, что там написано слово TEFAL. То есть «ТЕФАЛЬ», название любимой маминой фирмы бытовых приборов.

На витрину легла тень. Голова Макса была так занята куклой, что он не обратил на это внимания. Пригнувшись, он старался рассмотреть электрическую вилку. За спиной кто-то громко поцокал языком. Макс медленно повернулся. Перед ним стоял хозяин лавки – высокий крепкий индиец в оранжевой чалме, широких белых штанах и длинной белой куртке. Это его темное лицо поразило Макса в доме на Виноградной. Именно он пытался пару часов назад задушить мадам Баттерфляй.

Смуглая рука с длинными шевелящимися пальцами выползла из кармана штанов и потянулась к шее Макса. В другой руке покачивался красный шелковый шнур, который индиец, видимо, снял с крючков, пока мальчик рассматривал куклу. Шнуром душить будет, понял Макс.

– Макс, берегись! – раздался откуда-то издалека крик Лизы.

– Беги, Макс! – заорал Тимофей.

Но Макс не мог шевельнуться, словно его загипнотизировали. Он скосил глаза на Галкиных. Лиза уже лезла за кнопкой. Тимофей, подняв над головой какую-то палку, надвигался на индийца сбоку. На друзей начали оборачиваться покупатели. «Что происходит?» – удивлялись они.

Индиец придвинулся ближе. В его глазах нарастала злость. Казалось, он вознамерился передушить незваных гостей одного за другим, как лиса кур. И первой жертвой должен был стать Макс.

Макс попятился. К несчастью, долго пятиться не пришлось: за спиной была стена с бусами и статуэтками. На последнем шаге он зацепился за одну из опор столика. Раздался громкий хруст, стол начал заваливаться, витрина с противным скрипом заскользила к краю.

Забыв об индийце, Макс обхватил ее руками, но не удержался на ногах. Прижимая «бутыль» к животу, он съехал по стене на пол и, будто в замедленной съемке, увидел, как сверху на него тихо сыплются разноцветные бусины и падает тя-

желая столешница.

Но хрупкого стекла она не коснулась. На последних сантиметрах какая-то сила отбросила ее в сторону, потом в сосуд вцепились две смуглые руки.

– Ты цел? – рассерженно спросил индиец и потянул витрину к себе.

Руки Макса не разжимались. «Бутыль» к животу словно приклеилась.

– Если хочешь лежать на полу, лежи сколько влезет, – сказал индиец. – Но это отдай. Да отцепись же, наконец!

Он вырвал витрину и скрылся за дверью, ведущей в глубины магазина. К другу подскочили Тимофей и Лиза. Покупатели, забыв о специях, уставились на сыщиков круглыми глазами.

– Что будем делать? – спросила Лиза. – Ты тут такой погром устроил, он наверняка озвереет.

– Плевать, – ответил Макс, поднимаясь. Сняв с плеча нитку бус, он вернул ее на стержень, с которого она свалилась. – Никуда не уйдем, пока все не выясним. Он точно что-то знает.

Страх его исчез. Испарился. Улетучился. Макс не смог бы объяснить Галкиным, как это случилось. Но чувствовал, что сейчас его решимости во всем разобраться хватит на троих.

Внезапно любители пряностей потеряли к троице интерес и все, как один, повернулись к входной двери. Там стоял хозяин лавки. На локте у него висела плоская корзинка,

наполненная блестящими пакетиками. Похоже, он незаметно проскользнул мимо подростков, пока те обсуждали происшествие.

Индиец сложил ладони вместе и поклонился.

– Леди! И джентльмен! Прошу извинить нас за маленькую неприятность. Мои молодые друзья немного неуклюжи. Больше такого не повторится, и надеюсь, вы еще не раз посетите мой скромный магазин. К сожалению, сейчас мне придется его закрыть. А в качестве моей благодарности за ваше понимание примите от меня небольшие подарки.

– Во чешет! – прошептал Тимофей Максу на ухо. – Прям как моя училка литературы. Принесет книжку писателя, который сто лет назад умер, и давай вслух читать. Учитесь, говорит, как нужно выражаться. Это вам не эсэмэски одним пальцем строчить.

Индиец снял с локтя корзинку и отдал на растерзание обрадованным женщинам. Те разбирали пакетики, менялись друг с другом, благодарили хозяина лавки, называя его Деваншем. Наконец корзинка опустела, и последняя покупательница покинула магазин. Индиец запер за ней дверь, сунул ключ в карман и повернулся к сыщикам, сложив руки на груди.

Попались, подумал Макс. Если даже прорвемся к двери, без ключа не выйти. Хорошо бы его как-то обезвредить. Но так, чтоб мог говорить. Может, превратить в куклу и связать, а потом оживить?

Индиец шагнул вперед.

Нет, со связыванием ничего не выйдет. Тимофей уже предлагал проделать это с усатым мужиком. Хорошо, не попробовали. Сообразили, что при оживлении веревки порвутся. И с индийцем будет то же самое.

Противник продвинулся еще на шаг. Он был практически на расстоянии броска. Ладно, решил Макс. Превратим в куклу, потом придумаем, что делать дальше.

Он посмотрел на Лизу. Та и сама все поняла и переместилась вправо, чтобы не зацепить ПРЕВРАЩАТЕЛЕМ мальчишек. «Я подам знак», – шепнул Макс. Девочка кивнула и стащила рюкзак с плеча. Тимофей отодвинулся влево. Он опять сжимал в руках увесистую палку. Где он их берет, удивился Макс, я так ни одной не вижу. Он пошарил взглядом по ближайшему прилавку в надежде тоже разжиться каким-нибудь оружием. Но рядом стоял лишь бочонок с вонючим красным порошком.

Тимофей занес палку над головой, будто готовился отбить бейсбольный мяч. Лиза, согнув колени для большей устойчивости, целилась в неприятеля кнопкой. Макс почувствовал себя полководцем перед решающим сражением. За фланги он был спокоен, а сам, раз оружия нет, пойдет врукопашную. Сейчас взмахнет платком, войска двинутся в наступление и…

Тут индиец снова заговорил, причем от его изысканных выражений не осталось и следа.

– Нашли меня, значит, – просипел он и издал непонятный всхлипывающий звук. – Знакомые все лица. Детективов изображаете? Особенно ты, рыжий, – кивнул он Тимофею. – Ну, и зачем я вам понадобился?

Глава девятнадцатая. При чем тут чайник?

Макс растерялся. Противник хочет вступить в переговоры? Или это хитрый маневр: заговорить зубы, подобраться поближе и наброситься из более удобной позиции.

– Ты, длинный, не вздумай швырнуть бочонок, – темные глаза индийца смотрели прямо на Макса. – Слышал о кайенском перце? Рассыплешь – всех отсюда понесут на носилках.

Индиец перевел взгляд на Тимофея, потом на Лизу. Голос его зазвучал насмешливо.

– А ты, рыжий, поставь трость на место. Сломаешь – новую будешь вырезать сам. И ты, девочка, стой спокойно. Не представляю, что там у тебя за оружие, но выглядишь ты грозно. Лучше отдай это мне.

С последними словами душитель старухи быстро продвинулся вперед и очутился в двух шагах от Лизы. Макс сорвался с места и закрыл ее собой. С другой стороны к сестре подскочил Тимофей. Индиец снова издал сдавленный звук, поднял руки, показывая, что сдается, и отступил назад.

– Хорошо, хорошо. Не хотите разоружаться – не надо. Но давайте договоримся не развязывать войну. Вы же, наверно, пришли ко мне не драться, а поговорить. Так давайте поговорим.

Макс не верил своим глазам и ушам. Душитель старухи улыбался. Больше того: он едва сдерживался, чтобы не заржать во весь голос. Странные звуки доказывали, что борьба давалась ему с трудом.

– Не слушай его, – горячо зашептала Лиза. – Он хочет запудрить нам мозги.

Макс и сам подумал, что за ржаньем противника скрывается ловушка. Как-то очень уж быстро он повеселел.

– Вы, как я вижу, большие фантазеры, – индиец больше не скрывал смех. – Не знаю, что вы себе напридумывали, только я не собираюсь на вас нападать. Зачем мне с вами воевать, если вижу вас второй раз в жизни.

– Одного раза было достаточно, – сообщил Тимофей.

–У нас к вам много вопросов, – сказал Макс сердито, глядя в смеющееся лицо. – Очень важных вопросов, на которые мы хотим получить ответы.

– Вот-вот, – высунулась из-за спины Макса Лиза. – Зачем вы душили старуху?

– Лизка, осторожнее, – попытался остановить девочку брат.

– Не дергайся, – поддержал Тимофея Макс. У него мелькнула мысль, что индиец вроде бы в самом деле настроен мирно. – Не будем никого злить и поговорим спокойно.

– Ничего он с нами не сделает, – отмахнулась Лиза. – У нас куча свидетелей, что мы были в лавке. Как только мы закричим, весь рынок бросится нас спасать.

– От кого спасать? От меня? – удивился индиец.

– От кого же еще?! – возмутилась Лиза. – Мы видели, как вы душили мадам Баттерфляй. Почему бы теперь и нас не поубивать.

– Всемогущий Шива! – воскликнул индиец. – С чего вы решили, что я хотел задушить какую-то оперную героиню?

– Душили, душили, – категорично заявила Лиза, – не отпирайтесь. Вы стояли над ней на коленях и держали за шею. Если б не мы, вы бы ее прикончили.

– Вы о той пожилой женщине? – наконец догадался индиец и непонимающе развел руками. – Когда я ее нашел, она была в обмороке. Я развязал бант на блузке, чтобы ей легче было дышать.

– Лиза, хватит, – Макс ухватил девочку за рюкзак. – Можно я тоже спрошу?

Галкина дернула плечом, но замолчала.

– Если вы ее не душили, почему тогда так нас испугались? Могли бы все объяснить и выйти в дверь, как нормальные люди. Но вы почему-то предпочли выскочить в окно.

– Прямо мне на голову, – прокомментировал Тимофей.

– Вот-вот, – добавила Лиза, которая никак не могла успокоиться.

– Ладно, – уступил индиец, – чувствую, мне придется объясниться, вы же не отстанете. Вашу мадам Баттерфляй – почему, кстати, вы ее так называете? – я не мог душить по той причине, что мне от нее нужна была информация. Нужно

было кое-что у нее узнать.

– Узнали? – спросил Макс.

– Не успел, – ответил индиец, нахмурившись.

Что-то с ним было не так. Макс вспомнил стеклянную витрину с индианкой. Жаль, не с кем посоветоваться. Когда Галкины к нему подбежали, индиец уже унес куклу, так что они не видели, что было у нее в руках. Почему она держала чайник? И что индийцу понадобилось от старухи, если в городе он живет всего месяц?

Тайны нарастали, как снежный ком. Макс вздохнул. Еще бы разгадок было столько же. Наверняка бытовой прибор фирмы «Тефаль» и визит индийца к старухе как-то связаны. Надо попытаться все выяснить, может, и Катя быстрее найдется.

– Расскажите все по порядку, – попросил Макс. – Для нас это действительно важно.

– Хорошо, – согласился индиец. – Расскажу, если важно.

По-русски он изъяснялся быстро и чисто, будто изучал язык с детства. Лишь иногда, при сильном волнении, в его речи появлялся акцент и было заметно, что он с трудом подбирает слова.

Индиец пришел к мадам Баттерфляй примерно в половине двенадцатого, то есть до того, как на Виноградной появились сыщики. Он не хотел прямо с порога забрасывать ее вопросами. Опасался, что она разозлится и его прогонит. Поэтому сообщил, что обходит дома с рекламой «Лавки пря-

ностей». Показал буклет и пакетики со специями, которые специально прихватил с собой, пригласил за покупками. И все не решался приступить к главному.

Они сидели на кухне, когда в дверь постучали. Женщина приложила к губам палец. «Сидите тихо, – приказала она. – Я сейчас разберусь».

Открылась входная дверь, послышался мужской голос. Мимо кухни прошли двое: впереди высокий парень, сзади хозяйка.

– Парень в кепке и с сумкой? – прервал рассказ Тимофей.

– Не разглядел – они прошли быстро.

– Меня парень не заметил, – продолжил индиец. – Он шел уверенно, будто бывал в доме раньше. Кухня, определенно, его не интересовала.

Из соседней комнаты донеслись голоса. Мужской требовал отдать ему «эту штуку». Женщина довольно спокойно объясняла, что сама ее ищет и не может найти. Многие слова звучали неразборчиво. Вообще-то я не вслушивался, пока они не расшумелись. Разговор пошел на повышенных тонах, что-то упало.

Я вскочил, не зная, что делать. Готов был броситься на помощь, но в голосе вашей мадам Баттерфляй не было ни капли страха. Мне не хотелось вмешиваться в чужие ссоры, и я остался на месте.

Хлопнула дверь. «Где ты ее прячешь? – разъяренно проорал парень. – Там ведь еще одна комната?» Голоса переме-

стились в глубину дома. Опять хлопнула дверь, и стало тихо.

У нас в Индии не принято вламываться в жизни незнакомых людей, но то, что происходило, мне не нравилось. Я вышел из кухни, пошел по коридору. Вдруг из-за самой дальней двери послышались странные звуки, будто двигали тяжелую мебель. Потом вскрикнула женщина, и я ворвался в комнату.

– В спальню, где мы вас застукали, – уточнила Лиза.

– Наверное, это была спальня, поскольку там стояла кровать. Но мне в тот момент некогда было рассматривать обстановку. Когда я туда вбежал, гость держал хозяйку дома за плечи и тряс так, что у нее дергалась голова.

Я еле его оторвал. Он крепко в нее вцепился, брыкался, даже меня задел. Пришлось спустить его с крыльца. И да, я вспомнил – у него действительно была кепка. Признаюсь, я тогда здорово разозлился: разве можно так обращаться с женщиной! Когда вернулся, она лежала в обмороке. Мне показалось, что бант слишком туго сдавливает ее шею, ей трудно дышать. Перед вашим появлением я как раз его развязывал.

– И прыгнули прямо на меня, – обиженно произнес Тимофей.

– Ну, брат, извини. Не думал, что ты рядом стоишь. Решил, вы ее внуки. – Индиец почему-то замялся. – Ну, может, не все. В общем, объясняться мне не хотелось. Ситуация была сложная: в комнате погром, ваша бабушка в обмороке, я – иностранец. Самым простым выходом было уйти через окно.

– Ловко получилось, – заметила Лиза.

– Приятно слышать. Со школы люблю гимнастику.

– Струсили, значит, – с удовлетворением констатировал Тимофей.

– Струсил, – признал индиец без тени смущения.

– Вы ничего от нас не утаили? – строго спросила Лиза.

– Ничего. Могу лишь добавить, что никак не ожидал увидеть вас в своем магазине. Как вы меня нашли? И чем обязан вашему визиту?

Индиец снова улыбнулся. На этот раз не насмешливо, а совершенно дружелюбно. Сейчас он совсем не напоминал того злодея, с которым еще несколько минут назад Макс собирался биться насмерть. Неожиданно для себя Макс сунул руку в пакет с котиками.

– Мы принесли ваш тюрбан, – сказал он, вытаскивая желтый ком. – Вы, похоже, потеряли его, когда оттаскивали парня от старухи. По тюрбану мы вас и нашли.

– Спасибо, – поклонился индиец. – Вы настоящие сыщики. С вашими логическими выводами не поспоришь. Во время драки тюрбаны плохо держатся на голове. А потом мне было уже не до него.

Он обвел лавку взглядом.

– Этот тюрбан – мой любимый. Мне хочется вас отблагодарить. Ваши мамы любят специи?

– Не нужны нам ваши порошки, – заявил Тимофей, выступив вперед. – Мы не за ними пришли.

– Подожди, – придержал друга Макс. – Я сам.

От волнения у него подкашивались ноги. Сейчас, прямо через минуту, он узнает, где Катя.

Или не узнает?

Индиец был его последней надеждой.

А вдруг он не при делах? Вдруг не врет, что парня даже не рассмотрел и со старухой едва знаком.

– Мы пришли потому, что ищем Катю, – Макс старался не мигать, чтобы не пропустить реакцию хозяина лавки. – Мою младшую сестру. Она сегодня пропала. Думали, вам известно, где она.

– Почему вы решили, что я могу об этом знать? – удивился индиец так искренне, что Макс тут же ему поверил.

– Мы думали, вы с мадам Баттерфляй и парнем в кепке – сообщники, – не выдержала Лиза. – Просто рассорились. Что-то не поделили. А раз вы сообщники, то должны знать и о Кате.

– Постой-постой, – остановил индиец Лизу. – Хорошо, пусть мы, по-вашему, злодеи и разбойники. Занимаемся всякими грязными делишками, деремся из-за добычи. Но при чем тут маленькая девочка? Катя, да? Я никогда о ней не слышал.

– Маленькая девочка тут при том, что мадам Баттерфляй два дня назад превратила в куклу моего друга, – стремительно теряя надежду, Макс рассерженно ткнул Тимофея в бок. – А сегодня похитила и превратила в куклу мою сестру.

– Что она сделала? – медленно переспросил индиец, побледнев. – Повтори, пожалуйста.

Макс не подозревал, что смуглое лицо может в считанные секунды стать таким белым. Интересно, негры тоже могут бледнеть? Да плевать ему на негров! И на индийца плевать. «Game over». Игра, в смысле, их никчемушная бродилка по городу, закончена. Зачем терять время, рассказывая индийцу о Кате, если он впервые о ней слышит. Чего они притащились в эту «Лавку пряностей»?

– Повтори, пожалуйста, что она сделала, – глухим голосом снова попросил индиец и дотронулся до Макса. Как-то очень робко дотронулся, словно от ответа зависела его жизнь.

Что с ним происходит, удивился Макс. Неуравновешенный какой-то. Сначала готов был нас растерзать, потом смеялся и шутил с Лизой, сейчас умоляет.

Лиза, видимо, сообразила, что Максу не до объяснений.

– Мой брат в четверг пропал и нашелся только сегодня в виде куклы, – произнесла она, отчетливо выговаривая каждое слово. Наверно, решила, что индиец говорит по-русски хорошо, а понимает не очень. – В куклу его превратила мадам Баттерфляй. Тимоша уверен, что Катю тоже она похитила. У старухи мы ничего не вызнали, зато нашли ваш тюрбан и пришли к вам.

Индиец стал бледнее своих белых бочонков со специями. Казалось, еще чуть-чуть и он грохнется в обморок, подобно оперной певице. Но внезапно он взял себя в руки, твердым

шагом прошел к двери с надписями «KEEP OUT» и «НЕ ВХОДИТЬ!» и открыл ее настежь.

– Поговорим у меня в офисе. Там есть удобный диван. Выпьем чая, и вы мне все расскажете.

Он вошел в комнату, оставив дверь распахнутой.

Макс лихорадочно размышлял, как поступить. Владелец лавки пряностей вел себя странно. Может, для них готовится новая ловушка?

Он взглянул на друзей. Галкины тоже заподозрили нехорошее.

– На всякий случай держись от него подальше, – зашептал Тимофей сестре. – Чтобы он не мог до тебя быстро дотянуться. И ПРЕВРАЩАТЕЛЬ держи наготове. А я, если что, двину его сумкой, она тяжелая.

Лиза успокаивающе покивала головой, мол, я начеку. Макс хотел спросить, какую роль Тимофей отвел ему, но не успел.

Индиец выглянул в дверь.

– Что ж вы не заходите? Все еще меня боитесь? Пойдемте, я кое-что вам покажу.

И тут Макс прозрел. В голове с сумасшедшей скоростью понеслись мысли. Ни одна не успевала оформиться до конца, и каждая новая была невероятней предыдущей. Он растерянно посмотрел по сторонам, будто надеялся найти подтверждение своей догадке. Может, он сходит с ума, раз ему такое мерещится? Рядом висела полка со статуэтками. Ма-

ленький синий слон сочувственно покивал ему головой: от тайн всегда одни неприятности. Макс погладил его по длинному хоботу и повернулся к индийцу.

– Извините, что опрокинул стол и чуть не разбил витрину. Мне хотелось как следует рассмотреть вашу куклу. Жаль, я сразу не сообразил. Хотя сегодня видел еще две такие куклы и научился их отличать. Не сердитесь, но, кажется, я разгадал ваш секрет.

– Входите, – сурово повторил индиец.

Лицо его из бледного стало черным, как грозовое облако.

Большая комната была ярко освещена. Максу сразу бросились в глаза компьютерные столы. Один был занят двумя процессорными блоками и принтером, на другом размещались огромный монитор и клавиатура. По полу между столами вились кабели.

Еще несколько кабелей тянулись к журнальному столику у дивана с креслами. На столике лежал включенный ноутбук и стояла витрина с индианкой.

– Это моя жена, – сказал индиец, впиваясь в подростков взглядом. Он положил руку на стеклянный колпак, и Макс заметил, что его пальцы дрожат. – Год назад ее превратил в куклу один негодяй. С тех пор я его ищу. Он единственный, кто может вернуть ее к жизни.

– Это ваша жена? – воскликнула Лиза. – И она целый год в таком виде? Как же вы, бедный, измучились! Можно, я посмотрю поближе?

Не дожидаясь разрешения, Лиза попыталась снять колпак с подставки. Он оказался для нее слишком тяжелым, и индиец пришел ей на помощь. Лиза взяла индианку и, не рассматривая, поставила на пол.

– Осторожнее! – крикнул индиец.

Лиза вытянула руку. Макс понял, что сейчас произойдет, и крепко закрыл глаза.

Глава двадцатая. Рассказ индийского программиста

Макс почувствовал, что на этот раз вспышка света была ярче, чем при оживлении Тимофея. Незамедлительно последовали вопли Галкиных. «Я ослепла!» – кричала Лиза. «Ни фига себе!» – удивлялся брат.

Открыв глаза, Макс уставился на то место на полу, куда Лиза поставила куклу. Кукла исчезла. Вместо нее у кресла стояла девушка в синем сари. В одной руке она крепко держала чайник «Тефаль», в другой раскачивался электрический шнур с вилкой на конце.

– Алиша! – хрипло вскрикнул индиец.

– Деванш? – ответил мелодичный женский голос. Индианка озиралась по сторонам и слегка покачивалась. – Что происходит?

Первой пришла в себя Лиза. Макс давно завидовал скорости, с какой рыжая заноза реагировала на изменения в окружающей обстановке. Что бы ни происходило, она не теряла головы. Вот и сейчас подскочила к индианке и аккуратно отобрала у нее чайник со шнуром. Не успела Лиза отодвинуться в сторону, как к ожившей жене бросился индиец.

Он прижал ее к себе с такой силой, будто был жертвой кораблекрушения, а она – единственным обломком мачты

в бушующем море. От потрясения он разучился говорить. Лишь мычал, зарываясь лицом в густые женские волосы.

Поведение мужа Алишу встревожило. Она мягко отодвинула его и погладила по лицу.

– Милый, с тобой все в порядке? Ничего не случилось?

– Все хорошо, – ответил индиец, – все просто замечательно. Как ты себя чувствуешь?

Он шагнул назад, чтобы одним взглядом охватить жену целиком, с макушки до ног.

Алиша засмеялась, подняла руки с развернутыми кверху ладонями и медленно покружилась.

– Прекрасно чувствую. Но со мной, видимо, что-то не так, раз ты нервничаешь, а я не понимаю, где мы находимся. Ты снял новую квартиру, усыпил меня снотворным и перевез, пока я спала?

– Я все сейчас расскажу, – ответил Деванш и оглянулся на сыщиков. – Вам тоже будет интересно послушать. Устраивайтесь поудобнее.

Лиза выбрала для себя стул-вертушку на ножках с колесиками. Когда в рассказе Деванша что-то ее напрягало, она начинала вертеться или ездила взад-вперед, отталкиваясь от пола ногами. Тимофей и Макс уселись в глубокие кресла у журнального столика. Алиша и Деванш расположились на диване. Обложив жену подушками, индиец взял ее за руку и не отпускал до конца разговора.

…Деванш и Алиша приехали в Россию из Индии два года назад. Вообще говоря, эта поездка была их свадебным путешествием. Но путешествие затянулось. Деванш, хотя и был продвинутым программистом, мечтал поучиться в аспирантуре одного из московских университетов. Русским языком индийцы владели в совершенстве, об этом позаботились их отцы, дружившие много лет. Алиша нашла квартиру. Деванш стал аспирантом и засел за написание диссертации.

Молодожены не хотели брать у родителей деньги на повседневные расходы. До отъезда в Москву индиец работал на фирму, разрабатывающую программное обеспечение для заказчиков со всего света, в том числе из России. Он покопался в своей телефонной книге, сделал несколько звонков и снова начал выполнять небольшие заказы. Довольно скоро по университету поползли слухи, что индиец – крутой программист, и к нему потянулись новые заказчики. Часть из них уходила ни с чем: Деванш не брался за работу, цель которой казалась ему сомнительной.

Год назад поздно вечером в дверь индийцев постучали. На лестничной площадке стоял невысокий немолодой мужчина в темных очках, старомодной фетровой шляпе и сером плаще, хотя на дворе было лето. На круглом лице сияла улыбка. «Друзья убедили меня в том, что вы – ас, – сказал мужчина. – Я буду счастлив, если вы согласитесь на меня поработать».

Незнакомым людям Деванш отказывал сразу, ссылаясь на занятость. Однако мужчина излучал такое дружелюбие, что

программист пригласил его войти.

Алиша предложила гостю чай и, выслушав витиеватую благодарность, ушла на кухню. Говорил незнакомец быстро и напористо, легко перескакивая с одной темы на другую. Он долго тряс руку Деванша, нахваливая его успехи, потом пошел по комнате. Деванша раздражала бесцеремонность, с какой гость разглядывал обстановку, трогал книги, совал нос в монитор. Индиец, конечно, выключил экран, но рядом на столе лежали записи. Деваншу не нравилось, что незнакомец их видит.

Позже, в сотый раз перебирая в памяти каждую мелочь, программист осознал, что гость так ему и не представился. Не назвал ни своего имени, ни имени того, кто дал ему адрес индийцев. И по комнате разгуливал в очках и шляпе.

– У вас ко мне дело? – наконец спросил Деванш, уже жалея, что впустил в дом незнакомого человека.

– Да-да-да, – быстро произнес гость. – Дело-дело. Не буду долго ходить кругами.

И предложил Деваншу стать его личным хакером.

– У меня есть несколько идей, – пояснил гость, мило улыбаясь. – Я долго искал того, кто поможет мне их осуществить. Вы – один из лучших. Хотите разбогатеть?

Будь гость помоложе, Деванш бы его ударил. Но мужчина по возрасту годился ему в отцы. Поэтому индиец просто распахнул входную дверь и указал на нее незнакомцу.

– Молодой человек, – сказал гость, – я предлагаю вам

быстрый и легкий заработок. Вы будете сидеть под бочком у вашей красавицы жены и стучать по клавиатуре. Все остальное я возьму на себя.

Откинув вежливость, Деванш схватил гостя за шиворот и поволок к выходу. В этот момент в комнату вошла Алиша. В одной руке она держала чайник, в другой – шнур к нему. «Милый, – сказала она, – посмотри, что со шнуром. Чайник не включается».

Не желая пугать жену, Деванш сделал вид, что поправляет на госте плащ. Но незнакомец вывернулся, подскочил к Алише и поцеловал ей руку. Ту, что держала шнур.

– Вы прелестны, – почти пропел он. – Ваш муж, должно быть, очень вас любит.

– Уходите немедленно, – потребовал Деванш.

– Ладно-ладно, уйду, – с лица гостя сползла улыбка, а в голосе прорезались стальные нотки. – Но сначала кое-что продемонстрирую. Надеюсь, это вас переубедит.

Он полез во внутренний карман плаща и вытащил что-то маленькое, что полностью скрывалось в сжатой ладони. Потом вытянул руку по направлению к Алише.

В следующий миг Деванш ослеп от вспышки белого света. Прозрев, он с ужасом увидел на ковре вместо Алиши ее точную кукольную копию.

Деванш пронесся на кухню в надежде, что жена там. А когда вернулся, глаза блестели от слез. Он не верил в волшебство, мистику и потусторонние силы. Но сейчас сомнений не

было: негодяй превратил Алишу в куклу.

– Захочешь увидеть жену живой, сам меня найдешь, – холодно произнес гость. – Нужно было соглашаться на мое предложение.

Слезы Деванша высохли. Одним прыжком он настиг негодяя и схватил за горло.

– Верни Алишу, или я тебя убью!

– Попробуй, – просипел гость.

Деванш догадался, что означает эта угроза, и отступил. Мужчина сжимал в пальцах черный кубик с кнопкой посередине.

– Все ясно? – ухмыльнулся негодяй. – Шевельнись, и отправишься в компанию к своей красавице жене. Ах, нет, извини, неправильно выразился… К своей ненаглядной кукле.

Деванш поднял руки вверх, показывая, что признает поражение.

– Я сделаю все, что ты хочешь, – глухо сказал он. – Только верни жену.

– Не могу, – осклабился гость. – Не ношу с собой ОЖИВЛЯТЕЛЬ – боюсь потерять. Он в надежном месте, тебе не найти. А пойдешь за мной – превращу в куклу.

Гость кашлянул и потер шею там, где ее сдавили сильные пальцы индийца.

– Желаю здравствовать.

Он приподнял шляпу, слегка поклонился и вышел из квартиры.

Деванш выскочил следом.

– Живи и оглядывайся, потому что я тебя поймаю. Выслежу, как тигр в джунглях выслеживает добычу. Подкрадусь, и никакой кубик тебя не спасет.

…Деванш умолк.

– А что было со мной? – дрожащим голосом спросила Алиша.

– Милая, – Деванш крепко прижал ее к себе. – Ты была рядом днем и ночью.

– Ничего не понимаю! – воскликнул Тимофей. – Получается, мадам Баттерфляй не превращала вашу жену в куклу.

– Может, существует несколько черных кубиков, – предположил Макс. – Одни – у вашего гостя, другие – у нашей старухи.

– Все возможно. Хотя, думаю, подобных штук на свете немного.

Деванш снова замолчал и молчал так долго, что нетерпеливая Лиза начала ерзать на стуле. Стул скрипел. Индиец взглянул на сыщиков и грустно усмехнулся.

– Хотите знать, что было дальше?

Все дружно закивали головами.

– Я разорвал все договоры, взял в аспирантуре академический отпуск и засел за составление программы-ищейки.

– Ищейки? – удивился Макс. – Я о такой никогда не слышал.

– Интересуешься программированием?

– Очень.

– Ну, ищейка – это мое название. Как бы вам объяснить? Есть программы анализа данных из открытых интернет-источников. То есть источников, доступных всем. Таких, как форумы, социальные сети, сайты газет и телевидения. Программы ищут в них определенную информацию и ее анализируют. У человека это получается гораздо медленнее, если вообще получается. Интернет-то большой.

Лиза крутанулась на стуле.

– Ежу понятно, что программа справится быстрее. Но кому это нужно?

– Мебельной компании, например. Предположим, она делает и продает шкафы. Тогда программа проанализирует для нее цены на шкафы, конкурентов, мебельные технологии, какие шкафы выходят из моды, а за какими стоят очереди. И даст совет, что лучше всего будет продаваться через два года.

– Ваша ищейка тоже шкафы анализировала?

Деванш рассмеялся.

– Нет, конечно. Она искала для меня информацию о странных, необъяснимых, но при этом реальных событиях. Правда, к таким многое можно отнести. Поэтому при разработке программы самым сложным было задать критерии поиска.

– Что тут сложного, – фыркнул Тимофей. – Искали бы по

словам «старик», «кубики», «превращение», «кукла».

– И получил бы кучу детских стишков и сказок. Нет, я решил, что мой гость, во-первых, нечасто превращает людей в кукол. Не маньяк же он, в конце концов. Был бы маньяком, его давно бы вычислили. А во-вторых, если и превращает, то, добившись своего, быстро возвращает к жизни. И сразу забивается в какую-нибудь нору, чтоб не отмутузили.

– Мутузить-то зачем? – заскрипела стулом Лиза. – Он же преступник. Его надо арестовать и судить по закону.

– В его роль в преступлении никто не поверит – слишком она фантастическая. «Вы стали хакером, потому что кто-то превратил вашу жену в куклу? Что за бред вы несете! Что вы скрываете?» Нет, без кубиков-кнопок ничего не докажешь, а их он наверняка очень хорошо прячет. Ему даже не наваляешь от души – все-таки человек пожилой.

– Хорошо устроился, – восхитился Тимофей.

– Неплохо, – согласился Деванш. – В общем, я натаскал ищейку на анализ случаев внезапной и необъяснимой пропажи людей и такого же внезапного и необъяснимого их возвращения. И чтобы истории эти носили немного мистический характер.

– Мистический? – переспросила Лиза. – Ну да, превращение людей в кукол нормальным не назовешь.

– Художественную литературу ищейка не анализировала. Зато знаешь, что нашла? Сейчас принесу.

Поцеловав жену в макушку, Деванш прошел к столу с мо-

нитором и вернулся с листком бумаги, на котором было что-то напечатано.

– Один из жителей маленького города на юге России ведет в Инстаграме прикольный блог. Советую всем на него подписаться. Ник блогера – Коза-дереза.

Лиза покраснела так, будто перед ней взорвалась банка с красной краской.

Тимофей заржал.

«Рыжая заноза, значит, еще и блогер, – понял Макс. – Если найду Катю – подпишусь».

– Среди постов Козы-дерезы ищейка обнаружила что-то типа комикса о приключениях маленькой девочки, за которой охотится ведьма. Лиза, ты хорошо рисуешь и фотографируешь. Название комикса – «Ведьмины забавы». Ищейка связала комикс с теми странными вещами, что происходили в вашем городе прошлой осенью. Девочки сначала пропали, потом благополучно нашлись, но осталась куча загадок. Другой зацепки у меня не было. К этому времени я готов был на все, лишь бы вернуть Алишу.

– Даже стать хакером?

– Главным для меня было найти негодяя с кнопками. Я назвал его Кукловодом. А с хакерством я бы разобрался.

Деванш сморщил нос. Макс догадался, что хакерство Деванша Кукловоду бы не понравилось.

– Я не был уверен, что Кукловод живет в вашем городе. Но программа за несколько месяцев работы больше ничего

не выдала. Мне не из чего было выбирать. Поэтому я решил перебраться сюда и постараться, чтобы обо мне узнали все. Внушить Кукловоду, если он здесь, что он меня сломал. Показать ему, что не скрываюсь, что приехал договариваться. Друзья помогли мне открыть «Лавку пряностей».

Деванш на секунду задумался, потом взглянул на Лизу.

– И еще. Я должен был проверить источник информации, за которую зацепилась ищейка. Надежный это источник, или программа взяла след какой-то графоманши с тараканами в голове.

Лиза крутанулась на стуле:

– То есть вы еще до переезда знали, кто такая Коза-дереза?

– И кто такие Лиза и Тимофей Галкины, как и чем живут. Извините, что покопался в ваших персональных данных, но иначе не мог.

– Выходит, увидев нас у старухи, вы сразу поняли, кто мы, – сказал Тимофей.

– Я не знал только Макса. Предположил, что он внук мадам Баттерфляй. А на Виноградную меня привел сыщик по имени Тимофей Галкин.

«Ничего себе повороты», – поразился Макс и посмотрел на друга. Тот смущенно заерзал в кресле.

– За месяц, что я в городе, Кукловод так и не объявился. Зато недавно я увидел, что Тимофей следит за пожилой женщиной. Мои друзья на рынке рассказали: она – бывшая

актриса, которая ведет себя так, будто играет на сцене разные роли. Например, старухи с клюкой. Чем не ведьма из комикса Лизы? Лиза – автор «Ведьминых забав» и сестра Тимофея. Тимофей следит за старухой, похожей на ведьму. Тут кто угодно заподозрил бы тайну. В общем, я узнал, где живет эта женщина, и в четверг пришел к ее дому.

– Во сколько пришли? – прервал индийца Тимофей.

– Около одиннадцати часов.

– Значит, знаете, что было потом.

– Я видел, как она ушла, как ты нашел ключ и открыл дверь. Выглядело это подозрительно, вы ведь не родственники. Подумал, ты просто заигрался в сыщика. Но сегодня выяснилось, что ты в четверг пропал. В совпадения я не верю. Не поверил и в то, как объяснили твое отсутствие. Поэтому снова отправился на Виноградную с вопросами.

– У меня тоже есть вопросы, – сказала Алиша. – Кто такая мадам Баттерфляй? На какую Виноградную вы ходили? И объясните же, наконец, как я ожила.

– Тебя спасли эти подростки, – ответил Деванш. – Лиза, Тимофей и Макс. Они каким-то образом нашли кубик, превращающий кукол обратно в людей. И когда узнали, что с тобой случилось, вернули тебя мне.

– Мы называем эту кнопку ОЖИВЛЯТЕЛЕМ, – сообщил Тимофей.

И гордо добавил:

– ПРЕВРАЩАТЕЛЬ тоже у нас.

– Оба кубика у вас?! Где все-таки вы их взяли?

Макс понимал, что индийцу очень хочется узнать, откуда у них кубики. Но времени на дальнейшие разговоры не было. Индиец ничего не слышал о Кате. Ее поиски опять зашли в тупик. А до вечера оставались считанные часы.

– Это длинная история, – ответил Макс. – Долго рассказывать. Может, как-нибудь потом. Главное, с вашей женой сейчас все в порядке. А мне, извините, некогда. Мне нужно найти сестру Катю. Я говорил вам, что она пропала.

Он встал. Галкины тоже вскочили, собираясь идти за ним, куда бы он ни отправился.

– Подожди, не уходи, – попросила Алиша. – Деванш, я пока не во всем разобралась, но, по-моему, нашим спасителям нужна помощь. После того, что они для нас сделали, мы у них до конца жизни в долгу.

– Садись и рассказывай, – скомандовал Деванш. – Ты, наверное, сам уже догадываешься: история моей жены и исчезновение Кати как-то связаны. Мы обязательно найдем твою сестру. Но для этого должны знать все.

Глава двадцатая первая. На живца

Если честно, Макс не представлял, что будет делать после «Лавки пряностей». Где искать Катю, к кому обращаться за помощью. Догадавшись о его сомнениях, индиец мягко подтолкнул его к креслу. И Макс подчинился.

– Рассказывай с самого начала, – повторил Деванш, когда все снова расселись вокруг журнального столика. – Чтобы помочь, мы с женой должны знать столько же, сколько вы.

– Катя – моя младшая сестра, ей шесть лет, – начал Макс. – Мы живем через дорогу от парка Космонавтов. Катя очень любит там гулять. Два дня назад, в четверг, она нашла в парке рыжую куклу.

Взглянув на Тимофея, он не стал описывать, как мама помогла Кате вытряхнуть из волос куклы песок и как они придумали ему имя – Рыжий. Сказал лишь, что поиски хозяйки Рыжего отложили до понедельника. Поэтому начиная с четверга кукла проводила время в компании любимых Катиных игрушек.

Дальше индийцы внимательно выслушали то, что уже было известно Галкиным. С унылым видом Макс сообщил, что сегодня утром, после отъезда родителей, оставил сестру дома одну, а сам отправился к другу за улиткой. А когда вернулся, Кати дома не оказалось. Решив, что она в парке, он обшарил там все уголки, потом еще полгорода. Катя исчезла.

– Я виноват в том, что она меня не дождалась, – говорил Макс. – Обещал вернуться через полчаса, а получилось – через час. Но Катя никогда бы сама далеко не ушла. Она трусишка. Через нашу дорогу перейдет, до детской площадки доберется, но дальше без взрослых – ни шагу. Поэтому я и поверил Тимофею, что ее похитила мадам Баттерфляй.

– Стоп-стоп-стоп, – прервал Макса Деванш. – Откуда взялся Тимофей?

Макс объяснил, что случайно, уже после поисков Кати, услышал по телевизору объявление о пропаже Тимофея Галкина и увидел его фотографию. Сходство Рыжего и Галкина было просто потрясным.

– Верю, – согласился Деванш. – Меня это сходство живого человека и куклы год сводило с ума. Извини, Макс, что перебил.

Макс рассказал, как притащил куклу на кухню, чтобы сравнить с фото, как вывалилась у нее из кармана кнопка со знаком «О» и как, нажав на кнопку, он обнаружил на кухонном столе незнакомого мальчишку.

Описание своих попыток выставить Галкина за дверь, допроса от мамуси и подробности фотосессии с блинчиками Макс опустил. Сразу перешел к зажигательной речи Тимофея о старухе и его уверенности, что Катю тоже похитила она. Макс также решил, что индийцам неинтересно слушать, как сыщики убегали от ротвейлера и зареченских пацанов и сидели в засаде в жасмине. Щадя Алишу, не сказал и о том,

что Деванш выкинул из дома парня в кепке, а сам выпрыгнул в окно.

– В доме у старухи мы встретили вашего мужа, но поговорить не успели, он… э-э-э… очень быстро ушел. Катю мы не нашли. У мадам Баттерфляй, как называет себя старуха, кукол много, но моей сестры среди них не было.

Оставалось рассказать совсем чуть-чуть: о находке ПРЕВРАЩАТЕЛЯ и о том, что старуха увезла с собой тайну, где сейчас Катя. Остальное Деванш уже знал. Однако специально для Алиши Макс объяснил, как найденный в сумке тюрбан привел их в «Лавку пряностей».

– Покажите мне кубики, – попросил Деванш, когда Макс умолк.

Лиза уже успела уложить ПРЕВРАЩАТЕЛЬ и ОЖИВЛЯТЕЛЬ в свою прозрачную банку. Индиец не стал отворачивать крышку. Нахмурившись, он осмотрел кубики через прозрачное стекло и вернул Лизе.

– Спрячь подальше. Это настоящее оружие.

– В сумке лежал еще Усатый, – сообщила Лиза будничным голосом, засовывая банку в рюкзак. В отличие от брата, она по-прежнему не придавала этой находке большого значения. – И чего его превратили в куклу?

– Лиза, ты меня пугаешь, – воскликнул Деванш. – Что еще за Усатый? У вас есть еще одна кукла?

Он побледнел.

– Не умеешь ты, Лизка, объяснять, – махнул рукой Тимо-

фей. – Мы нашли в сумке не только превращательскую кнопку. Там была еще кукла. Усатый мужик. Стопудово превращенный.

Лицо Деванша стало таким белым, будто вампир высосал у него всю кровь.

– Сумка эта? – резко спросил индиец. И, не дожидаясь ответа, расстегнул молнию.

На лице его проступило разочарование. Усатый мужик – не Кукловод, догадался Макс.

Деванш потер пальцами переносицу.

– Давай напоим наших друзей чаем, – предложил он жене. – Они наверняка проголодались. У меня есть булочки, сыр и колбаса. Вы попьете чай, а я подумаю.

Уплетая бутерброды за обе щеки, Макс не сводил глаз с индийца. Тот стоял у компьютерного стола, водя пальцем по краю монитора, и о чем-то напряженно размышлял. Едва чаепитие закончилось, Деванш сел напротив Макса.

– Что, по-твоему, в твоем рассказе самое важное?

Макс задумался. Потом начал рассуждать вслух:

– Мадам Баттерфляй призналась, что моя сестра у нее была, но ее кто-то унес. Пришел рано утром, раскричался и забрал Катю.

– Она еще говорила, он ругает ее за игры с куклами, – добавила Лиза.

– Ну да, – подтвердил Макс. – Сказала: «Все учит меня, учит». Похоже, он – ее хороший знакомый или родственник.

– Братец! – заорал Тимофей. – Она один раз назвала его братцем.

Деванш вздрогнул. Но не от Тимофеевского крика.

– Дьявол, как всегда, скрывается в деталях, – пробормотал он непонятную фразу. – Стоило вам вспомнить детали, как многое прояснилось. У мадам Баттерфляй, оказывается, есть брат.

– Который забрал Катю, – произнес Макс.

– Что ты о нем еще можешь сказать?

– Ну, он, наверное, такой же старый, как его сестра. И раз они близкие родственники, тоже, возможно, пользуется волшебными кнопками. А еще он корешится с Усатым и парнем в кепке. Кнопки их как-то связывают.

– Не уходи в сторону от сути, – сказал индиец.

Макс припомнил все, что только что сказал, и у него в голове будто шаровая молния взорвалась. Он впился глазами в Деванша.

– Это ваш Кукловод? Тот, кто превратил в куклу Алишу?

– Почти уверен, это он. Неясно, что за игры он тут затеял и зачем ему нужна Катя. Но ничего, разберемся, когда его найдем.

– У нас нет ни одной зацепки, – огорчился Макс. – Ни одной ниточки.

– Одна есть, – возразила Лиза. – Давай, Тимоша, выкладывай свою теорию.

Уговаривать Тимофея не пришлось. Усатого поставили в

центр журнального столика, чтобы был виден всем. Пока индийцы его рассматривали, Галкин с выражением поведал, как нашел куклу и что думает по этому поводу.

Его прежняя идея оживить мужика, чтобы вытряхнуть из него информацию, обогатилась новыми мыслями. Галкин больше не собирался возвращать Усатого к жизни, чтобы узнать у него, где Катя. Видно, «Шерлок Холмс» все-таки сообразил, что мужик здесь не при делах. Живой Усатый теперь был нужен, чтобы выяснить, где скрывается его шеф.

Индийцы слушали молча. Тимофей очень старался удержать их внимание подольше, но в конце концов был вынужден сказать: «Вот и все». Алиша тут же признала, что он абсолютно прав и кукла – превращенный мужик, даже спорить не о чем. Галкин просиял. Но Деванш покачал головой.

– Сейчас мы не будем его оживлять. Он может отказаться говорить и просто уйдет. А мы не имеем права его задерживать. Так что пусть пока полежит в сумке, тем более что вид у него подозрительный. Тимофей, ты за ним приглядишь?

Тимофей кивнул.

– Парень в кепке нам тоже не нужен. У него, скорее всего, роль маленькая – принести, отнести. Да и где его найдешь. Нам нужен тот, кто стоит за этими двумя. Брат мадам Баттерфляй. Мой Кукловод. Он настоящий хищник, которого нужно выманить из норы.

– Хищников ловят на живца, – заметил Тимофей.

– Это правда, – подтвердил индиец. – Но Кукловод – хищ-

ник очень осторожный. За месяц, что я в городе, он так себя и не обнаружил. Приманка для него должна быть особенной. Яркой и необычной.

– Что значит «на живца»? – спросила Лиза.

– Да, – заржал Тимофей, – сразу видно – девчонка. Ни фига в рыбалке не смыслишь. На живца ловят хищную рыбу, ту, что другими рыбами питается. Насаживают мелкую рыбку на крючок, забрасывают в воду, и если мимо плывет какая-нибудь здоровенная щука, она не может удержаться, чтобы не слопать легкую добычу. Подплывает – ам! и сама уже на крючке.

– Фу, какая гадость, – передернула плечами Лиза. – Прямо ужастик какой-то. Маленькая рыбка, получается, умирает ни за что. Мученической смертью…

– Тьфу, – разозлился Тимофей. – С тобой всегда так, вечно все выворачиваешь. А как еще хищника поймать? На дохлого червяка он не поведется.

– Ладно, не кипятись, – сказала Лиза. – Я поняла. И кто у нас будет наживкой?

В наступившей тишине было слышно, как шелестит вентилятор ноутбука. Макс взглянул на Галкиных, потом на Алишу и Деванша. Тимофей, беззвучно шевеля губами, высматривал что-то на потолке. Лиза расплетала и снова заплетала косичку. Индийцы, как и раньше, держались за руки, но уже не смотрели друг на друга. Все искали ответ на Лизин

вопрос.

Деванш протянул к ноутбуку руку и пошевелил мышкой. Темный экран ожил, по нему поползли цифры, показывающие время. Уже почти вечер, подумал Макс. Мы ничего не успеем сделать.

Чтобы не видеть часы, он отошел к столу, на котором стояли процессорные блоки и цветной принтер. Над ними висела полка с книгами на английском и похожем на арабский, наверное, индийском языке. Макс медленно провел пальцем по корешкам книг, по бамбуку, из которого была сделана полка, и в его голове зазвучал голос отца.

…В четвертом классе Макс увлекся задачками на сообразительность. Уже тогда он был уверен, что после школы станет программистом и будет придумывать компьютерные игры. А чтобы стать классным программистом, надо развивать у себя логическое мышление. Из всех головоломок, которые он находил в Интернете, ему особенно нравились такие: «У Саши трехэтажный игрушечный гараж с тремя машинками – белой, красной и синей. Машинки на первом и третьем этажах – не синие. Белая машинка находится не на первом этаже. На каком этаже какая машина?»

Одна задача ему совершенно не давалась, и он пришел за помощью к папе.

– Сын, – сказал папа, прочитав условие, – тебе эта задача пока не по зубам.

Макс насупился.

– Ладно, – сказал папа, – давай разберемся, как вообще решаются такие задачи. Фишка в том, чтобы сначала выудить из условия все, что известно точно, и разложить по полочкам. А потом сравнивать это с другими данными и делать правильные выводы.

Вот твоя задача.

Пятеро охотников с собаками пошли на охоту. Андрей промочил ноги в болоте. Гуся убил не Коновалов. Фокстерьер не приносил утки, перепела и фазана. У Пчелкина – гончая. Колобков подстрелил куропатку. Такса принесла гуся. Хозяин сеттера Тарас не убивал перепелки. У Серафима – спаниэль. Иван убил утку. Макар Капитонов был самым метким. Ефимову собака принесла фазана. Назовите имя, фамилию охотника, его собаку и дичь, которую он подстрелил.

Для удобства я запишу в строчку породы собак и остальное.

Собаки: фокстерьер, гончая, такса, сеттер, спаниэль.

Фамилии охотников: Коновалов, Пчелкин, Колобков, Капитонов, Ефимов.

Имена: Андрей, Тарас, Серафим, Иван, Макар.

Дичь: гусь, утка, перепел, фазан, куропатка.

Теперь подскажу первый ход. Нам точно известна порода

каждой собаки и то, что такса принесла гуся, у Пчелкина – гончая, у Серафима – спаниэль, а хозяина сеттера зовут Тарас.

Макс еще раз внимательно обчитал условие задачи и с папой согласился.

Тогда папа нарисовал вот такую таблицу:

собака	фамилия охотника	имя	дичь
фокстерьер			
гончая	Пчелкин		
такса			гусь
сеттер		Тарас	
спаниэль		Серафим	

Дальше папа спросил сына, что еще известно о собаках.

– То, что фокстерьер не приносил утки, перепела и фазана, – ответил Макс.

– Отлично, – обрадовался папа. – А мог он принести гуся?

– Нет, гуся принесла такса.

– Кого тогда принес фокстерьер?

Макс прочитал строчку с дичью.

– Куропатку!

– А что тебе известно о куропатке?

– Что ее подстрелил Колобков!

– Замечательно, – еще больше обрадовался папа и вписал выводы Макса в таблицу. Теперь она выглядела так:

собака	фамилия охотника	имя	дичь
фокстерьер	Колобков		куропатка
гончая	Пчелкин		
такса			гусь
сеттер		Тарас	
спаниэль		Серафим	

Заодно папа выбросил из строк те данные, что уже были использованы.

Остались фамилии охотников: Коновалов, Капитонов, Ефимов.

Имена: Андрей, Иван, Макар.

Дичь: утка, перепел, фазан.

– Смотри, папа! – воскликнул Макс. – У нас в таблице две фамилии и два имени на разных полочках. И есть пустое место. Я думаю, туда надо вписать Макара Капитонова.

– Умница, – восхитился папа. – Определи тогда еще имя Колобкова.

– Если он не Макар, не Тарас и не Серафим, то его зовут либо Андрей, либо Иван. Но по условиям задачи Иван убил утку. А мы точно знаем, что Колобков подстрелил куропатку. Значит его имя – Андрей.

Иванов-старший быстро перерисовал таблицу. Теперь она выглядела так:

собака	фамилия охотника	имя	дичь
фокстерьер	Колобков	Андрей	куропатка
гончая	Пчелкин		
такса	Капитонов	Макар	гусь
сеттер		Тарас	
спаниэль		Серафим	

– Спасибо, папа, – закричал Макс, схватив лист с таблицами. – Я все понял. Дальше я сам.

…Стоя у бамбуковой полки, Макс мысленно перебрал все, что сегодня узнал сам и услышал от Тимофея и Деванша.

Что нам известно точно? Во-первых, что сумка с усатой куклой принадлежит либо парню в кепке, которого Деванш выбросил из домика старухи, либо самому Кукловоду. Во-вторых, что парень искал у мадам Баттерфляй какую-то «штуку». Эта «штука» наверняка ОЖИВЛЯТЕЛЬ. Им позарез нужен ОЖИВЛЯТЕЛЬ, чтобы вернуть к жизни Усатого. Он, наверное, их сообщник в каком-то темном деле.

Макс вздохнул.

Еще одна тайна. Прямо для Тимофея. Кукловод, тип в кепке и Усатый явно провернули что-то нехорошее. Иначе, зачем превращать взрослого мужика в куклу. Чтобы поприкалываться? Ладно, сейчас не до новых загадок.

Он сунул руки в карманы.

Теперь и Усатый, и обе кнопки у нас. Знает об этом Кук-

ловод? Нет, иначе бы они не трясли старуху. А когда узнает, придет к нам? Еще как придет. Прибежит. Пулей примчится. Остается ему об этом сообщить.

Как сообщить что-то важное человеку, о котором тебе ничего не известно? Ни как его зовут, ни где живет, по каким улицам ходит. Может, он вообще не из этого города.

Дать объявление, что нашлась сумка с усатой куклой? На телевидение, на радио, в Интернете. А вдруг он не смотрит телевизор, не шарит в инете? Тут надо придумать что-то, о чем бы заговорил весь город, чтобы оно неслось из каждого утюга. Разве город заинтересуешь какой-то утерянной сумкой. А о чем заговорят сразу все? О чем-то необычном, невозможном, фантастическом. О… о… о превращении людей в кукол!

Макс перестал дышать.

Едва мы объявим, что умеем превращать людей в кукол, первой к нам придет полиция. И врачей с собой притащит. Родители вернутся – Катюшка пропала, я в психушке. Полный трындец. Надо найти другой способ.

Что сказал Деванш? Приманка должна быть яркой и необычной. Потрясной. Как фокус-покус.

Фокус-покус. Фокус. Фокусник. Представление.

Его осенило. Вау! Если Елена Анатольевна не откажет, все получится.

Только бы они согласились…

Макс отвернулся от полки.

– Я, кажется, придумал, – тихо произнес он.

Его не услышали. Тимофей доказывал что-то индийцам, Лиза, как всегда, ему возражала.

– Я придумал, – повторил Макс громче.

Четыре пары глаз уставились на него в напряженном ожидании.

– Вы знаете, что сегодня – праздник, День города, – заговорил Макс торопливо. – Вечером будет большой концерт, который проводит департамент культуры. Директор департамента – школьная подруга моей мамы, Елена Анатольевна. Я смогу ее уговорить.

Он сообразил, что несет бред и никак не доберется до сути.

– Если вы согласитесь, Елена Анатольевна включит нас в программу концерта.

Через двадцать минут роли в предстоящем фокус-покусе были распределены. Лиза с охапкой фломастеров ползала по листу белой бумаги и рассуждала вслух, как пишется слово «феерический». Между двумя «е» должна быть «й», бормотала Лиза, от слова «фейерверк». Алиша, скрывшись в спальне, что-то напевала на английском. Время от времени пение прерывалось недовольными возгласами «Нет, не то!», «Это не пойдет». Деванш тренировался вытаскивать монетки из уха синего слона – статуэтки, которую принес из магазина. Тимофей сидел за ноутбуком и, бешено стуча по кла-

виатуре, раскидывал объявления по городским сайтам. Макс говорил по телефону. Потом повернулся к Деваншу.

– Она согласна, но хочет сначала поговорить с вами и оценить фокус. Спрашивала, не опасно ли это?

– Мы скажем, это несложный трюк, который в Индии на каждом шагу показывают уличные факиры. Чистый обман зрения. Показывать придется на тебе. Не боишься?

Макс помотал головой.

– Уверен?

В животе шевельнулся холодный червячок. Серый, безглазый, похожий на червяков, выползающих на асфальт после сильного дождя. Макс увидел, как скользкая тварь становится в позу вопросительного знака и открывает беззубый рот.

– А вдруг в ОЖИВЛЯТЕЛЕ батарейка сдохла? – прошамкала загогулина. – Вы ж не знаете, как ее поменять. Поставят тебя за стекло, будут за деньги показывать. Или еще хуже…

Слушать дальше Макс не стал. Он провел ногой по полу, будто сталкивал червяка с дорожки на газон, посмотрел в глаза Деваншу и твердо произнес:

– Уверен.

Деванш улыбнулся и повернулся к Тимофею.

– Ты остаешься за главного. Вся связь – через тебя. И помоги сейчас Лизе размножить плакат. Принтер я включил, бумагой заправил.

– А вы куда?

– В департамент культуры, – ответил Макс. – Фокусы показывать.

Глава двадцать вторая. Нападение на «Лавку пряностей»

Кепарь дожевал последний финик, смял упаковку и метнул в стоявшую неподалеку урну. В полете целлофановый пакет развернулся и, вместо того чтобы присоединиться к другому мусору, спланировал под ноги какой-то старушенции. Крохотные глазки божьего одуванчика впились в Кепаря двумя иголками. Ладно, ладно, махнул он, подниму. Погрозив ему пальцем, старушенция попилила дальше. Пихнув пакет за урну ногой, Кепарь пересчитал валявшиеся рядом косточки фиников. Восемь. Выходит, четыре попадания из двенадцати. Негусто. Весь день непруха. Как на Виноградной началось, так и катится.

Он вздохнул. Финики кончились, больше развлечься нечем. Целый час дохнет тут со скуки. Утомился таращиться на эту «Лавку пряностей». Школяры, может, никогда оттуда не выйдут. Ну, досидит он до закрытия рынка, дальше что? И зачем они сюда притащились?

Пить хотелось зверски. Зря он не прихватил с финиками газировки. Кепарь обвел взглядом ближайшие прилавки. Ни один водой не торговал. А далеко отойти нельзя. Шеф приказал не спускать с магазина глаз и докладывать о любом перемещении троицы. Отойдешь, а они возьмут да исчезнут. О

том, что с ним потом сделает шеф, даже думать было страшно.

Он облизнул пересохшие губы. Если до воды не добраться, можно съесть яблоко. Или апельсин. Два апельсина. Он представил, как вгрызается в сочную мякоть, как в рот брызжет терпкий сок, ноздри щекочет чудесный аромат… У-у-убил бы за апельсин.

Сунув руку в карман, Кепарь позвенел монетами. Деньжат маловато. Все-таки надо было с шефа аванс стребовать. Если б заранее знать, что дело так повернется, можно было вообще слупить тыщу на непредвиденные расходы. Теперь-то поздняк метаться. Шеф заявил, что расплатится, только когда Кольку… тьфу… Усатого оживит. До вечера, уверял, все устроится. Хорошо бы.

Ух и заживет же он!

Жуть, сколько всего можно заполучить с такой прорвой наличности. Что он купит первым: навороченный айфон или лодку с мотором? Если перегнать лодку на озера, на все лето обеспечена классная рыбалка. Кепарь аж зажмурился от удовольствия. Перед закрытыми глазами закачался на волнах поплавок, заблестела на солнце рыбная чешуя, из бутылки полилась в горло холодная струя…

Тьфу! Он злобно уставился на ненавистную дверь. Они с шефом такое провернули! Чисто-гладко, комар носу не подточит. И на тебе: невесть откуда школяры вылезли. Все карты смешали, шефа из себя вывели, сумку уволокли. А с сум-

кой – и Усатого, и кнопку, превращающую людей в кукол. И ведь даже вообразить не смогут, что заимели. Оно им вообще без надобности.

Шеф сказал, что оживляющая кнопка тоже у них. Откуда он все знает? А вдруг мальцы ее потеряли. Сумку с Усатым вернуть нетрудно, но без второй кнопки от этого не будет никакого прока.

Кепарь сглотнул. Горло драло, будто кактус проглотил. Выудив из кармана несколько монет, он начал пятиться к прилавку с фруктами. У самого прилавка ему пришлось отвести глаза от «Лавки пряностей», чтобы выбрать яблоко посочнее. Но едва взял его в руки, со стороны магазина донесся звон колокольчика. От неожиданности Кепарь дернулся, сшиб поднос, яблоки посыпались на пол. «Ты что, гад, хулиганишь!» – закричала продавщица.

Собирая яблоки, он искоса наблюдал за дверью. Колокольчик зазвонил снова. Дверь открылась, из лавки вышли трое. На двоих – тощего подростка и рыжую девчонку с вздернутым носом – он сегодня уже насмотрелся. Сначала на автовокзале, где школяры трясли Кольку… тьфу… Усатого, за ноги и размахивали желтой тряпкой. Потом – по пути на рынок, когда следил за ними по приказу шефа. Человека, вышедшего из лавки последним, Кепарь не знал. Судя по виду, это был настоящий индиец.

«Чего он так вырядился? – удивлялся Кепарь. – Неужели в Индии нормальной одежды нет? И дела у него какие-то с

мелюзгой. Сплошные загадки».

Он разглядывал исподтишка необычную одежду, смуглое лицо, высокую плотную фигуру и чем дальше, тем больше незнакомец ему не нравился. Видел его Кепарь в первый раз, но казалось, что от индийца исходит непонятная опасность, нацеленная прямо на него, Кепаря.

Пацан с девчонкой пошли вперед, а индиец задержался, запирая дверь. Спрятав ключ в карман, он внимательными глазами пробежался по рынку.

Внутри Кепаря шевельнулась тревога. Почему-то было очень важно, чтобы индиец его не заметил.

Опустив голову, он сделал вид, что полностью занят рассыпавшимися яблоками. Ерзал на корточках по полу, стараясь достать закатившиеся под прилавок, а сам напряженно прислушивался к звукам за спиной.

Потом не удержался, обернулся и чуть не упал. Индийский здоровяк стоял над ним, сильно хмурясь. На смуглом лице явственно читалось недоумение. А взгляд был таким, что хотелось забиться под стол и прикрыться подносом. Еще страшнее стало, когда индиец, закусив нижнюю губу, протянул руку к его, Кепаря, кепке. И не просто протянул, а дотронулся и пощупал, будто хотел понять, из какой ткани сшита.

Кепарь забыл о сумке, кнопках, Кольке, шефе. В нем возникло неодолимое желание тяпнуть индийца за палец и рвануть прочь, как заяц под охотничьим обстрелом.

– Деванш! – донесся издали голос рыжей девчонки.

– Иду, – откликнулся индиец.

Словно кролик, загипнотизированный удавом, Кепарь смотрел, как к его лицу медленно приближается сердитое лицо незнакомца.

– Ты что здесь делаешь? – спросил индиец. – Как здесь оказался? Сейчас мне некогда, но имей в виду – я во всем разберусь.

Он натянул на Кепаря кепку чуть не до самого носа, резко выпрямился и пошел за подростками. Но, отойдя на несколько шагов, остановился и погрозил Кепарю пальцем.

– Ты очень мне не нравишься. Советую больше на глаза не попадаться.

Когда незнакомец скрылся из виду, Кепарь трясущимися руками вернул поднос с яблоками на место и тихо присел на стоявшую перед прилавком табуретку. «Ты что это Деванша испугался? – участливо спросила продавщица. – Да он мухи не обидит. У нас его все любят. Вежливый, всегда здоровается, о жизни расспрашивает. И цены у него божеские».

Кепарь сейчас сам не мог понять, почему индиец дико его напугал. Ну, смотрел так, будто Кепарь его злейший враг. Ну, кепку зачем-то щупал. Стращал. Как он сказал? Больше ему на глаза не попадаться? Это вообще странно было слышать от незнакомца. Какой смелый – набрасывается на людей, сидящих на корточках. Крыша, наверно, совсем съехала.

Когда спазмы в желудке утихли, Кепарь подумал, что нужно сообщить шефу о случившемся. Шеф строго сказал:

«Стой у лавки и жди, что они будут делать дальше. Что бы ни произошло, звони мне. Даже если они просто стакан семечек купят – звони и докладывай».

Кепарь уставился на сотовый. Если сообщить, что двое из троицы куда-то почесали, да не одни, а с бешеным индийцем, шеф точно отправит за ними следить. Его передернуло. В ушах снова раздался угрожающий шепот.

Кепарь шмыгнул носом. Не больно-то и хотелось попадаться тебе на глаза. Здоровьем рисковать. И вообще, свою часть работы он давно выполнил, а на беготню за мелюзгой и стычки с индийскими сумасшедшими не подписывался.

Дело перестало казаться таким простым, как целый месяц расписывал им с Колькой шеф. Так звонить или нет? Тут в голове мелькнула мысль, от которой он чуть не свалился с табуретки. Куда бы школяры с индийцем не пошли, сумку они с собой не взяли. Девчонка тащила свернутую в рулон бумагу, у остальных в руках ничего не было, это он собственными глазами видел. Значит, сумка осталась в лавке. И рыжий шкет там сейчас один-одинешенек. Сидит, сумку обнимает.

Кепарь ухмыльнулся. Со шкетом он мизинцем левой руки справится. Тряхнет разок – тот и Кольку… тьфу… Усатого, и кнопки живо отдаст. Воображение тут же нарисовало картину, как он появляется у шефа с сумкой через плечо. Думали, Кепарь ни на что не годится? А он – наше вам с кисточкой – все уладил. Получите, распишитесь. Под такой поворот можно и долю побольше потребовать. Так, чтобы сразу

и на айфон, и на лодку с мотором хватило.

Он подошел к двери лавки, подергал за ручку. Заперто. Это ничего. Малец откроет.

Сняв кепку, он пригладил волосы и стукнул в дверь раз, потом другой. Внутри было тихо. Он выстучал по резному косяку целую дробь. Раздался шорох, зазвенел колокольчик. На Кепаря снизу вверх смотрел рыжий мальчишка. «Я думал, Деванш вернулся», – неуверенно произнес он и впился в Кепаря глазами. На его лице была написана растерянность, которая быстро сменилась страхом. «Это вы?!» – непонятно чему удивился мальчишка и попытался закрыть дверь.

– Ты что, сынок, родного папу не узнаешь? – с расчетом на любопытных зрителей громко сказал Кепарь и подпер дверь ногой. – Впусти меня, я тебе подарок принес.

Он нажал на дверь, тесня мальчишку от входа. Если тот поднимет крик, сюда полбазара сбежится. Но пацан, видимо, потерял от ужаса голос. Не издавая ни звука, он отступал к прилавку, на котором стояли небольшие белые бочонки с разноцветными порошками. От порошков пахло перцем и какой-то незнакомой дрянью. Догадавшись, что шкет хочет швырнуть в него ядовитой гадостью, Кепарь подскочил к нему и схватил за шиворот.

– Где сумка? Отвечай, или я из тебя все кишки вытрясу.

Лицо мальчишки покраснело, видно, воротник слишком сильно сдавил горло. Похрипев, он качнул головой назад. Там в стене виднелась дверь. Кепарь открыл ее ногой и вво-

лок шкета в просторную светлую комнату. Горело несколько ламп. Откуда-то доносилась восточная музыка. Перед диваном на журнальном столике лежали сумка и открытый ноутбук.

– Пустите, – прохрипел шкет. – Вон ваше сокровище.

Кепарь швырнул мальчишку на диван и, дрожа от нетерпения, расстегнул молнию. Внутри как ни в чем не бывало валялся превращенный Колька. Сдвинув его в сторону, Кепарь запустил руку во внутренний карман. Кнопки не было. Вытряхнув Кольку на столик, он обшарил в сумке все закоулки, даже подкладку оторвал. Кнопка исчезла.

Бросив сумку на пол, он наклонился к мальчишке. Тот вжался в спинку дивана, подтянув к себе ноги.

– Ноги спусти, – прошипел Кепарь. – Думаешь меня своими хилыми ножками вырубить? Я тебе щас покажу, кто тут сильный. Говори быстро, где кнопки.

– Какие кнопки? – пискнул мальчишка. – Не знаю я ни о каких кнопках.

– Знаешь, знаешь. Шеф сказал, ты как раз больше всех о кнопках знаешь. Одна была в сумке, – Кепарь пнул ее ногой. – Вторую занырил кто-то из вас. Мне без разницы, где вы ее нашли. Но раз шеф говорит, что она у вас, значит, так оно и есть.

Он сжал кулак и занес над головой шкета.

– Ну-ка, выкладывай кнопки! И поживее.

Хрюп, раздался сзади непонятный звук.

– Не убивайте меня, дяденька! – заорал мальчишка, вцепляясь в кулак. – Не убивайте, я вам все скажу.

– Ну вот, совсем другой разговор, – ухмыльнулся Кепарь и попытался оторвать мальчишку от руки. Но пацан впился в нее, как клещ. Совсем голову потерял.

– Все расскажу, все, – верещал он, рыдая. – Ваш шеф правду говорит. И ПРЕВРАЩАТЕЛЬ, и ОЖИВЛЯТЕЛЬ у нас.

Хрюп, раздалось сзади во второй раз.

Что-то в этом звуке было неправильное.

Кепарь хотел посмотреть, в чем дело, но малец, ухватившись за футболку, не отпускал его от себя.

Стряхнув шкета, Кепарь повернулся. За спиной стояла жуткая бесформенная фигура в темном одеянии. Из-под синей накидки в него вонзались злющие темные глаза.

Фигура резко махнула рукой.

Хрюп, раздалось в третий раз, и Кепарь отключился.

Глава двадцать третья. Знакомьтесь – попугай!

Перед тем как скрыться за поворотом, Лиза обернулась и помахала им рукой.

– Хорошая девчонка, – сказал Деванш, махнув в ответ. – Ты с ней дружишь?

– Нет, – ответил Макс. – Я с ней только сегодня познакомился. Она, вообще-то, заноза.

– Понятно, – улыбнулся Деванш. – Значит, обязательно подружитесь. Из заноз отличные друзья получаются.

Помолчал и добавил:

– И жены.

Макс смутился. Чего это ему дружить с Галкиной? Ну, обещал он помочь ей с геометрией, так это не дружба, а деловые отношения. Он даже не знает, о чем с ней говорить. Хотя о пиратах она интересно рассказывала. И не трусиха. Не побоялась пойти за ним к мадам Баттерфляй. Он вспомнил, как в доме на Виноградной они с Лизой крались по коридору, и почувствовал, что у него загораются уши.

Пообещав себе больше о Галкиной не думать, Макс обнаружил, что их с Деваншем появление на улице вызвало неслабый интерес. Прохожие просто не сводили с них глаз. Еще вчера от такого внимания Макс постарался бы смыть-

ся в безлюдный двор. Но сейчас ему некогда было заморачиваться по пустякам. Он должен спасти Катю и ради этого готов стерпеть любые насмешки. Пусть таращатся. Пальцем не показывают, следом не бегут, и ладно. Как не глазеть, когда такое зрелище.

Перед самым выходом из «Лавки пряностей» Деванш решил, что для визита в департамент культуры ему как Великому Факиру необходима соответствующая экипировка. Он выставил жену из спальни и закрылся там на целых десять минут. А когда вернулся, Макс и Галкины утратили дар речи. Зато Алиша отреагировала бурно.

– Это ведь твой свадебный наряд! – воскликнула она, всплеснув руками. – Ты в нем такой красивый.

Свадебный наряд Деванша, в котором он сейчас шествовал по городу, состоял из длинного, почти до пят, серебристого сюртука, щедро расшитого темно-красными узорами. Того же цвета, что вышивка, были узкие атласные штаны, шелковый шарф с кистями, перекинутый через плечо, и бархатный тюрбан. Прямо над лбом из тюрбана торчало белое перо, которое покачивалось при каждом шаге индийца. Единственным предметом, не вписывавшимся в ансамбль, были черные кеды. Побродив по комнате в свадебных туфлях с загнутыми носами и несколько раз споткнувшись, Деванш заявил, что для ходьбы по городу они непригодны.

В отличие от Макса, индиец не замечал любопытных прохожих. Казалось даже, он совсем ничего вокруг не видит.

Деванш сосредоточенно шагал вперед, напряженно о чем-то размышляя.

Внезапно он схватил Макса за руку и потянул в укромный уголок за автобусной остановкой.

– Я думаю, нам нужно проверить кнопки.

– Зачем? – удивился Макс.

– Ты, конечно, молодец, что ради сестры готов превратиться в куклу. Но я не могу тобой рисковать. Хочу убедиться, что ПРЕВРАЩАТЕЛЬ и ОЖИВЛЯТЕЛЬ действуют так, как нам нужно.

– Вы же видели, как мы оживили вашу жену.

– Я видел, и как ее превратили в куклу. Но то было год назад. Тимофей стал куклой в четверг. А сегодня суббота.

– Боитесь, что в ПРЕВРАЩАТЕЛЕ за два дня разрядилась батарейка?

Деванщ поморщился.

– Вряд ли эти кнопки работают на батарейках. Думаю, мы вообще никогда не узнаем, как они действуют. Но прежде чем демонстрировать их силу на тебе, нужно испытать их на ком-то еще.

– На другом человеке?

– Нет, конечно. Мало ли что пойдет не так. На любом другом живом существе.

– На кошке? На голубе? Кошку придется поискать. А голубей в городе навалом.

– Зрителей тоже хватает. Представляешь, какая толпа со-

берется, если мы начнем гоняться за голубями?

Макс взглянул на наряд Деванша и согласился, что вариант с голубем не катит.

– Итак, нам нужна какая-нибудь живность и уединенное место. Зоопарк отпадает. Есть другие предложения?

– Тинтин, – сказал Макс. – У меня дома живет гигантская африканская улитка ахатина. И в квартире никого. Родители уехали, Катя…

У него дрогнул голос.

– Улитка? Можно попробовать на улитке. Хотя лучше бы объект эксперимента был пошустрее. С улиткой не разберешь, превратилась она или только задумалась.

– Черуша! – осенило Макса. – Попугай мадам Баттерфляй. Когда мы уходили, старуха сказала, что его заберут завтра. Ключ она оставила за дверным молотком. Сейчас в доме никого нет.

Деванш задумался.

– Лезть в чужой дом, хотя и пустой, конечно, нехорошо. Но, похоже, у нас нет выбора. И мы будем вести себя очень аккуратно. Решено, идем на Виноградную.

Макс обрадовался. Если честно, ему и самому хотелось убедиться, что кнопки работают.

– Я знаю короткую дорогу, – сказал он и едва удержался, чтобы не прихлопнуть рот рукой. – По-настоящему короткую. Не через стройку.

Они стояли в тени платана и смотрели на дом напротив. Как и четыре часа назад, когда Макс впервые увидел обиталище старухи, Виноградная была тихой и безлюдной. Ничто не мешало им перейти дорогу, открыть дверь и проверить на попугае кнопки. Однако Макс стоял как вкопанный, тоскливо осознавая, какую ошибку совершил.

– Что-то не так? – спросил Деванш.

Макс поежился.

– Не молчи. У нас проблемы? – переспросил Деванш. – Может, порешаем их вместе?

– У меня нет крючка, – уныло сообщил Макс. – Я о нем забыл.

– Чего нет? – не понял индиец.

– Тимофей говорил, пальцами ключ из-за молотка не достать – щель слишком узкая. Старуха орудовала специальным крючком. Тимофей перед своей «экспедицией», сделал себе такой из скрепки.

– А у нас скрепки нет.

Макс кивнул и уставился себе под ноги, будто надеялся найти там россыпи железных загогулин.

Деванш задумался.

Но ненадолго.

Сняв тюрбан, он вытащил из него перо и показал Максу. Перо было нанизано на тонкий стальной пруток.

– Без скрепки – никуда, – бормотал Деванш, изгибая ко-

нец прута. – Видел в Интернете списки вещей, которые нужно брать с собой, отправляясь на важное дело? Во всех списках примерно одно и то же: швейцарский нож, спички, лейкопластырь, фонарик, прочный шнур. Ну и как бы все это нам сейчас пригодилось?

Сталь поддавалась неохотно, и пальцы индийца побелели от напряжения.

– Не спорю, в путешествии спички и лейкопластырь – вещи первой необходимости. Но я бы в эти списки внес скрепку или проволоку. Крючки из них получаются просто замечательные. Робинзон Крузо ловил рыбу на крючок из проволоки. Моя жена вешает на скрепки елочные украшения. А ты бы что в список добавил?

– Носок, – не задумываясь, ответил Макс. – Обычный носок, хотя бы детский. Если в него насыпать песок и привязать к шнуру, получится метательный снаряд, которым можно, например, разбудить сторожа.

– Интересный у тебя жизненный опыт, – усмехнулся Деванш. – Вот, держи, готово.

Едва щелкнул замок, Деванш положил руку на плечо Макса и мягко отодвинул его от входа.

– Я пойду первым, – сказал он. И объяснил, улыбаясь: – Хочу убедиться, что, кроме меня, в доме не будет других душителей старушек.

От шутки Деванша напряжение, засевшее в Максе, когда

он выковыривал ключ из дверного молотка, немного ослабло. Гуськом они двинулись по коридору, открывая все двери. Деванш заглянул даже в кладовку и ванную. В кухне, кладовке, ванной было пусто. В гостиной на столе стояла большая клетка, накрытая черной шелковой шалью. Судя по тому, что из клетки не доносилось ни звука, попугай безмятежно спал там на жердочке, решив, что наступила ночь.

На пороге спальни они задержались.

– Как много здесь кукол, – удивился Деванш, качая головой. – Целая коллекция. В тот раз я их не заметил. Бросился спасать пожилую леди. Ну а потом меня едва не прикончили ее разъяренные внуки.

Макс понимал, что индиец старается отвлечь его от печальных мыслей, но не мог отвести от кукол глаз. Они его будто гипнотизировали. Зная, что Кати среди них нет, он все равно пристально всматривался в каждую, ища знакомые черты.

– Мы обязательно найдем твою сестру, – убежденно произнес Деванш. – Если потребуется, перетряхнем для этого весь город. Ты придумал отличный план. Нужно только выполнить его шаг за шагом.

Макс очнулся, и они вернулись к гостиной.

В клетке по-прежнему было тихо.

– Сейчас я его разбужу, – глядя на Деванша, Макс сдернул шаль с клетки. – Знакомьтесь – Черуша. Самый вредный волнистый попугай в мире.

С лица Деванша сползла улыбка.

Макс повернул голову. Черуша неподвижно лежал на полу клетки с закрытыми глазами. Его лапки торчали вверх, как высохшие растопыренные веточки.

– Он умер?! – вскрикнул Макс. – Он умер, да? Умер, потому что его бросили?

Голос Макса задрожал.

– Он был таким веселым. Таким забавным. Если б я знал, что он от тоски умрет, взял бы его с собой. Он подружился бы с Тинтином, с Катей…

Макс закрыл лицо руками. Гибель попугайчика его будто косой подкосила. Он внезапно разуверился в том, что сможет найти Катю, и понял, что его тоже ждет смерть. От позора и горя.

– Если эта птичка и умерла, то совсем недавно, – раздался неожиданно спокойный голос Деванша.

Макс всхлипнул и вытер слезы. Дверца клетки была открыта. Попугай по-прежнему лежал вверх лапками, но уже на столе, на шали, куда его переложил индиец.

– Совсем недавно умер, – повторил Деванш и слегка надавил указательным пальцем на зеленую грудку. – И не до конца. Сам почувствуй – сердце бьется.

Макс шмыгнул носом.

– В Индии я знал одного волнистого попугая. Большого артиста, – Деванш погладил Черушу по шейке. – Если на него наводили игрушечный пистолет и говорили «Бах!», он ва-

лился на бок и притворялся мертвым. Чтобы его оживить, нужно было хлопать в ладоши и кричать «Браво!».

– Вы шутите? – недоверчиво спросил Макс.

– Да ничуть. Твоему пернатому другу, видно, не понравилось сидеть взаперти. И он прикинулся мертвым, чтобы мы его вытащили. Сам видишь – сработало. Думаю, он не в первый раз такой трюк проделывает.

Деванш потрепал попугайчика за клюв.

– Оживай, Черуша. Мы очень спешим.

Глаза Черуши открылись, он встрепенулся и клюнул индийца в палец. Потом взлетел на клетку, и обрадованный Макс услышал знакомое:

– Гости! Гости! Разбойничьи рожи!

Испытания кнопок оказались непростым делом. Деванш снял тюрбан, закрыл дверь, на всякий случай отрезав Черуше бегство в коридор, и попытался поймать попугая лучом ПРЕВРАЩАТЕЛЯ. Однако в большой комнате шустрая птичка легко ускользала от преследователя. Она металась по гостиной, перелетая с телевизора на штору, с клетки на шкаф. «Развлекается», – бормотал Деванш, размахивая кнопкой. Пару раз экспериментаторы слепли от вспышек света, но когда к ним возвращалось зрение, они убеждались, что попугай опять спасся от превращения. Макс уже почти не сомневался, что кнопки действуют лишь на людей. Но тут Черуша присел на люстру прямо над головой Деванша, и ин-

диец сразил его снизу.

Еще до того, как экспериментаторы вновь стали различать предметы, они по звону хрустальных подвесок догадались, что опыт удался. Превращенный Черуша с шумом рухнул с люстры на стол, по пути задев клювом голову Деванша.

– Может быть, он снова притворяется? – спросил Макс.

Они стояли у стола, рассматривая неподвижную птицу.

– Сердце не бьется, – Деванш потер ушибленную макушку. – И потом, посмотри, он совсем иначе выглядит. Будто игрушка. Отлично сделанная игрушка, очень похожая на живого попугая.

Они помолчали, осознавая, что произошло. ПРЕВРАЩАТЕЛЬ действовал.

– Теперь ты, – Деванш протянул Максу ОЖИВЛЯТЕЛЬ.

Дрожащей рукой Макс нажал кнопку и зажмурил глаза. Не только из-за вспышки – еще из-за страха. Вдруг Черуша не оживет.

Но ОЖИВЛЯТЕЛЬ тоже не подвел.

Для чистоты эксперимента его повторили трижды. Деванш приноровился и с каждым новым разом тратил на превращение Черуши меньше времени. Кнопки работали как швейцарские часы. Превращенный Черуша не подавал признаков жизни. Оживший бодро клевал просо и пил воду из плошки, которую радостно подставлял ему счастливый Макс.

– Пора двигаться дальше, – заметил Деванш, взглянув на часы. – Нужно только вернуть его в клетку и накрыть шалью.

Оказалось, что попугаю их план не нравится. Как они ни бились, засунуть Черушу в клетку не удавалось. Он верещал, вырывался, цеплялся за дверцу лапками и так махал крыльями, что потерял перо. Спасительная идея пришла к обоим одновременно. Деванш снова вооружился ПРЕВРАЩАТЕЛЕМ, и через минуту игрушечный попугай был надежно заперт в своем проволочном доме. Оставалось вернуть его к жизни. Макс нажал на кнопку со знаком «О» и увидел, что попугай взлетел на жердочку. Дело было сделано. Пора было прощаться.

– Прощай, Черуша! Ты очень нам помог.

Макс вздохнул и развернул шаль, чтобы накрыть клетку. Попугай закрыл глаза и упал замертво.

Макс огорчился.

– Если мы уйдем, он престанет притворяться?

Деванш не ответил.

– В клетке есть вода и корм. Он спокойно доживет до завтра, а там его заберут.

Деванш молчал.

Макс не выдержал, открыл клетку и перенес Черушу на стол.

В следующий миг попугайчик взлетел на плечо индийца и вцепился лапками в шарф. Любые попытки снять его оканчивались неудачей. Черуша героически держал оборону, от-

биваясь клювом от тянущихся к нему рук.

Максу стало так смешно, что на какую-то секунду он совсем забыл о Кате. Смех оборвался, когда он поймал на себе странный взгляд Деванша.

– Я впервые вижу, как ты смеешься, – заметил индиец с грустью в голосе. – Знаешь, что мы сделаем? Мы возьмем этого артиста с собой. Он поедет у меня на плече, а ты понесешь клетку. Будем считать, что попугай – часть нашего фокуса. С новым его хозяином разберемся позже.

– Он улетит от нас на улице.

– Это вряд ли. Ты же видишь – мы очень ему нравимся. Он нам еще надоест.

Вернув ключ на место, Макс с клеткой и Деванш с попугаем на плече, зашагали к департаменту культуры. Если все кончится хорошо, я буду вспоминать дом на Виноградной как Самый Удивительный Дом На Свете, думал Макс. Перед его мысленным взором мелькали, будто кадры фильма, странные картины. Парень в кепке, грозящий дому кулаком. Душитель в белом балахоне, выпрыгивающий в окно. Старуха на полу, интересующаяся, кто здесь труп. Неподвижный зеленый попугайчик на черной шали. Деванш, гоняющийся за Черушей с ПРЕВРАЩАТЕЛЕМ.

Макс покосился на спутника. Индиец шел, слегка улыбаясь и наклоняя голову в ответ на удивленные восклицания. С попугаем на плече он привлекал к себе еще больше любо-

пытных взглядов. Люди останавливались, чтобы лучше рассмотреть необычную процессию, смеялись, пытались с ними сфотографироваться. Черуша купался в лучах славы. Завидев палку для селфи, он взмахивал крыльями и хрипло орал: «Знакомьтесь – попугай!»

Почувствовав, что Макс на него смотрит, Деванш поправил тюрбан.

– Мы настоящая ходячая реклама нашего фокуса, – шепнул он. – Теперь на представление точно весь город сбежится. Ничего, прорвемся.

– Прорвемся, – повторил Макс.

Глава двадцать четвертая. Нечистая сила

Кепарь тонул. Вода уже залила лицо, проникла в нос, упруго давила на тело снизу и сбоку. Ему пока удавалось спасти от нее рот, потому что он крепко сжал губы. Но воздуха в легких уже не хватало. Решимость не дышать таяла с каждой секундой. Еще чуть-чуть, и он сдастся. Вдохнет полной грудью и… захлебнется.

В бок потыкалось что-то мягкое. Рыбы, подумал Кепарь. Может, даже акула. Что произойдет быстрее: его сожрет акула или он утонет? Или сначала утонет, а схарчат его потом.

– Здорово вы по нему вмазали, – произнес чей-то голос. – Даже вода не помогает.

«Вот и галлюцинации начинаются», – тоскливо подумал Кепарь.

– Ничего не здорово, – возразил второй голос. – Я же не сковородкой его стукнула, а подушкой, в которой была сковородка. Он, скорее, от испуга в обморок хлопнулся. Напугала я его своим появлением.

Голос вздохнул.

Больше не дышать Кепарь не мог. Он разжал губы и втянул в себя то, что его окружало, сразу и ртом, и носом. От прилива кислорода в голове немного прояснилось. Он, по-

хоже, не тонул. Кепарь приободрился и отважился на следующий шаг – приоткрыть глаза на узенькую щелочку.

Над ним склонились две мутные фигуры. Каждая держала по тяжелому предмету. В назначении предметов Кепарь не сомневался – фигуры собирались оглушить его еще раз.

– Ааа! – заорал Кепарь и снова зажмурился.

– Заполошный он какой-то, – задумчиво произнес второй голос.

– Это точно, – поддакнул первый.

– У вас, у русских, очень богатый язык, – продолжал второй. – Некоторые слова я до сих пор ни разу не использовала. Например, «заполошный».

– Я тоже знаю редкое слово, – сообщил первый голос. – «Оглоушенный». С вашим и моим словом можно даже предложение составить. Заполошный оглоушенный лежит на диване.

Голоса тихо захихикали.

От хихиканья Кепарь окончательно пришел в себя. Чуть не убили, гады, а теперь еще насмехаются. Он открыл глаза. У дивана, на котором он валялся, обложенный подушками, стояли рыжий малец и темноволосая смуглолицая девушка в необычном наряде. Сари, вспомнил Кепарь. Значит, это она меня приложила.

– Давайте я вам на голову лед положу, – предложил малец. – Только настоящего льда у нас нет. Но замороженная клюква тоже пойдет.

Кепарь молчал.

– Может быть, выпьете горячего чая? – спросила индианка. – Настоящего, из Индии. Сразу взбодритесь.

– Чувствительно благодарен, – неожиданно для себя самого выпалил Кепарь. И добавил еще одно любимое выражение шефа: – Не извольте беспокоиться.

Он спустил ноги с дивана. Вроде бы не дрожат.

– Сумку отдайте, – прохрипел он. – Шеф очень серчает. Без нее никак.

– Нет, – ответил шкет и перехватил пакет с клюквой поудобнее. – Самим нужна. Так своему шефу и передайте.

Кепарь покрутил головой. Сумки в комнате не было. Зато у индианки в руках невесть откуда взялся стеклянный кувшин с водой. Килограмма на три.

Он понял, что ни уговорами, ни силой сумку сейчас не заполучить.

Кепарь поднялся на ноги. Они и в самом деле не дрожали.

– Тогда я пойду? – осторожно спросил он.

– Если хотите, – произнесла индианка. – Все гости рано или поздно уходят.

– Не осмелимся задерживать, – насмешливо произнес шкет. – Выход там. Не забудьте кепку.

Спустя минуту Кепарь вновь стоял у прилавка, с которого вечность назад сшиб поднос с яблоками. «Заполошный оглоушенный», – вспомнил он. Об этом шефу лучше не говорить. Вообще, лучше ничего ему не рассказывать о неудачной по-

пытке отнять сумку. Шеф что приказал? Проследить. Будем считать, я проследил.

***

– Хотите чаю? – немолодая секретарша департамента культуры ласково посмотрела на Макса поверх очков и подмигнула. – С шоколадными конфетами. Очень вкусными.

Макс помотал головой. Нет, он абсолютно ничего не хочет. Хотя неправда. Он хочет, чтобы Елена Анатольевна наконец освободилась и они с Деваншем показали ей фокус с превращениями.

В департамент культуры они пришли всего минут десять назад, но Макс уже извелся. В кабинете Елены Анатольевны заканчивалось, но никак не могло закончиться совещание. Секретарша усадила Макса и Деванша в кресла и сдвинула с низкого углового столика горшок с огромной монстерой. На освободившееся место поставили клетку. После прогулки по городу и лавины всеобщего внимания Черуша без сопротивления позволил вернуть себя в неволю. Удивительно, но с того момента, как они вошли в здание, он не вымолвил ни словечка. Сотрудники департамента, то и дело входившие в приемную, по-детски радовались попугаю, спрашивали, как зовут, и пытались погладить сквозь прутья клетки. Черуша молчал, будто никогда не умел говорить. Подставлял шею под почесывающие пальцы. Клевал листья мон-

стеры. И наклонял голову, явно прислушиваясь к разговорам. Новые слова запоминает, решил Макс.

– Тогда кофе?

Макс опять отрицательно помотал головой, а Деванш, сложив ладони, поклонился.

– Ну, как хотите, – пожала плечами секретарша и занялась своими делами.

В Максе нарастало напряжение. Эксперименты на Виноградной прошли, конечно, здорово, но он-то не попугай. Вдруг превратится в куклу, а человеком больше не станет. Кто тогда будет искать Катю.

– Значит, ты хочешь стать программистом? – тихо спросил Деванш.

Макс вздрогнул. Едва он услышал, что Деванш – программист, ему захотелось поговорить с индийцем о своей мечте. Время только было неподходящее. Не до мечты, если сестра пропала. Но сейчас, пока они торчат тут без движения, можно, пожалуй, на секунду отвлечься от грустных мыслей.

Макс посмотрел в спокойные глаза индийца и кивнул головой.

– Да.

– Уже знаешь, чем именно хочешь заниматься, или это просто абстрактная мечта, мечта вообще?

О своей мечте Макс еще никому не рассказывал. Ну, только Серому. И родители догадывались, но с расспросами особо не приставали.

Он собрался с духом.

– Я хочу стать геймдизайнером. Разрабатывать компьютерные игры.

– Здорово, – оживился Деванш. – Хочешь все делать сам? Придумывать героев, сюжет, писать программный код. При хорошей подготовке это возможно. Есть куча программ, которые помогают создавать игры от начала до конца, от механики до последнего кустика.

Макс замялся.

– Мне нравятся первые этапы. Описание мира, сочинение сюжета, придумывание героев.

– Как у тебя с теорией?

– Обчитываю все, что нахожу в Интернете.

– А с практикой? Мир уже придумал? Название игры есть? Обычно одно с другим связано.

Деванш спрашивал с искренним интересом, и Макс осмелел.

– Игра называется «Нечистая сила». Мир – ну, он потусторонний. Болота с кикиморами, замки с привидениями, ядовитые озера, подземелья со скелетами. Все, где водится нечисть. Главная героиня – Баба Яга. Она хочет отбить у Кащея Бессмертного бульдозер, который тот у нее стырил. Лешие, вурдалаки, болотные хмыри – на стороне Кащея. А у Бабы Яги вначале – одна ступа и метла с энергетическими прутьями.

– Зачем Бабе Яге бульдозер?

– Она пообещала Змею Горынычу расчистить площадку перед его логовом. Они с ним вроде как друзья, помогают друг другу по мелочи. А Горыныч вес набрал, и вертикальный взлет ему не дается – разбегаться приходится. Для разбега нужна большая площадка.

Деванш тихо, чтобы не потревожить секретаршу, но от души рассмеялся.

– Занятно. Проблемы есть?

Макс вздохнул.

– Вы же знаете, потрясный геймплей разработать трудно. Такой, чтобы с места не двинуться, пока не доиграешь.

– Думаю, у тебя получится. В «Нечистую силу» и девчонки играть будут. Проверь на Лизе. Дай почитать сценарий. Если ей понравится, ты перейдешь на следующий уровень. К тому же она девушка бойкая, может что-нибудь подсказать.

Макс в который раз за сегодня почувствовал, что у него начинают гореть уши. Но Деванш этого, похоже, не замечал.

– Ты игры никогда не тестировал? Многие разработчики с этого начинают. Тестирование учит разбираться в механике. Начинаешь понимать, где в играх слабые стороны, как их можно преодолеть. Найдем Катю – я кое с кем свяжусь. Сделаем тебя тестировщиком.

Макс ошалел от счастья. Но тут в углу у входной двери ожили часы с кукушкой. Над стрелками распахнулось маленькое окошко, и птичка, на кукушку вовсе не похожая, прокуковала пять раз. До возвращения родителей осталось

пять часов. Всего ничего. Он не успеет найти Катю. Не стать ему тестировщиком.

– Все будет в порядке, – мягко сказал Деванш. – Вот увидишь.

Дверь в кабинет директора департамента распахнулась, и оттуда повалили люди.

– Прости, Макс, за задержку, – сказала Елена Анатольевна. – С большими праздниками столько дел – легко с ума сойти. Заходите, покажите, что у вас за фокус.

Деванш усадил начальницу за стол, поставил Макса в центре кабинета и набросил на него легкое покрывало, которое прихватил из «Лавки пряностей». Сквозь ткань Макс смутно видел, что индиец изображает волшебные пассы. Потом он вытянул к покрывалу руку с кнопкой.

Позже Макс узнал, что было дальше.

Превратившись в куклу, он уменьшился в размерах, и накидка вместе с ним плавно спустилась к полу. Елена Анатольевна ахнула. Деванш приподнял покрывало, держа его за спиной куклы как занавес. Елена Анатольевна ахнула еще раз и полезла из-за стола, чтобы подержать Макса в руках. Но Деванш не дал ей этого сделать, быстро нажав на «ОЖИВЛЯТЕЛЬ».

Придя в себя, женщина потребовала, чтобы ей открыли тайну фокуса. Деванш объяснил, что подмена происходит во время вспышки. В департаменте культуры к нему почему-то вернулся сильный акцент, к тому же он вставлял в речь ан-

глийские слова, что усиливало эффект.

– Какие вы, индийцы, замечательные факиры, – восхитилась Елена Анатольевна, вписывая номер в программу. – Надо мне все-таки съездить в Индию, посмотреть на ваши чудеса.

– В моем фокусе нет ничего сложного, – Деванш изобразил смущение. – Его любой ребенок повторить сможет.

«Ну да, – подумал Макс. – Конечно, повторит, если с кнопками».

– И Макс тоже? – спросила Елена Анатольевна.

– Легко, – подтвердил Деванш. – Хотите увидеть?

– Конечно, – обрадовалась директор департамента. – А кого он будет превращать? У нас здесь кошка живет, но она вечно где-то гуляет, ее быстро не найти.

– Кошка, которая гуляет сама по себе, дико размахивая диким хвостом, – улыбнулся Деванш.

– Еще бы вам не цитировать Киплинга, – улыбнулась в ответ Елена Анатольевна. – Он столько писал об Индии.

«Чего это Деванш так старается, – удивился Макс. – Она ведь уже согласилась. Хочет закрепить успех?»

– Зачем нам кошка, когда есть я, – еще шире улыбнулся индиец. – Сейчас Макс на ваших глазах превратит меня в куклу в позе лотоса. Я лишь дам ему необходимые указания.

– Нам реклама нужна, – прошептал Деванш Максу, когда они отошли в сторону. – На телевидении, радио. Ты видел в моей лавке статуэтки. Я так усядусь, а ты меня превратишь.

Туда и обратно. Только быстро. В этой позе я долго не продержусь.

Прямо при великом факире и его подающем надежды ассистенте директор департамента культуры распорядилась о рекламных объявлениях и дала артистам машину, чтобы они побыстрее добрались домой и успели собраться к концерту.

***

Часы на городской башне пробили пять. Лиза стояла на автобусной остановке и, морща нос, рассматривала доску объявлений.

На доске наползали друг на друга разноцветные клочки бумаги. Одни предлагали купить квартиры, липовый мед, машины, и бэушные детские коляски. Другие отдавали в добрые руки милых котят, приученных к лотку. Третьи обещали выполнить любую студенческую работу, хоть по экономике, хоть по английскому языку. Свободная площадь оставалась лишь на самом верху. Чтобы прилепить туда флаер, нужно было вскарабкаться на скамейку.

Лиза покосилась на женщин, ожидающих автобуса, и решила дождаться, когда они уедут.

К счастью, автобус появился быстро. Едва остановка опустела, Лиза отлепила от самоклеющейся бумаги защитный слой, влезла на скамейку и пристроила плакат на самое видное место. Один из его уголков не желал прикрепляться, и

Лиза сердито уперлась в него ладонью. За последний час она расклеила целых одиннадцать штук, но ни с одним не было столько хлопот, сколько с этим, последним.

– Ну и зачем юное поколение топчет скамейку грязными ногами? – послышался вдруг голос снизу. – Что мы тут вешаем?

Лиза оглянулась. У скамейки стоял старичок с редким пушком над ушами. Он улыбался.

– А, это ты, Лиза? – сказал старичок. – Мы с тобой сегодня уже встречались. Я сосед Макса, Петр Савельич Кочепаскин.

Лиза вспомнила: сосед, тот, что встретился им на лестничной площадке. Она подвинулась, и флаер открылся Петру Савельичу во всем своем великолепии. Ей недаром ставили пятерки в художественной школе. Алиша вышла как живая. Казалось, было слышно, как звякают браслеты на ее запястьях, как шуршит в танце юбка.

«Спешите увидеть! Фантастические чудеса! – гласила надпись над головой танцовщицы. – Знаменитый индийский факир превратит танцовщицу в куклу, а куклу – обратно в танцовщицу. Никакой ловкости рук. Чистое волшебство!»

Ниже крупными буквами было выведено: «Всего одно представление. Сегодня вечером во дворце культуры «Современник». Фейерический номер концерта по случаю Дня города».

Глава двадцать пятая. Танец живота

Мужчина, получивший в наследство Черные Кубики, мрачно рылся в пакете с разбитыми часами. «Шестьдесят лет одно и то же, – думал он, покусывая нижнюю губу. – Набедокурит, накосячит, наломает дров – и в кусты. Мол, дальше разбирайтесь без меня».

Отыскав в фарфоровых осколках секундную стрелку, он приладил ее на циферблат. Теперь все стрелки были на месте. Стекло разбито вдрызг, медные тарелочки погнулись, но механизм, кажется, не поврежден. Крепкий, все-таки триста лет назад сработан. Если повезет найти умелого часовщика, то пару веков часы еще протикают.

И как Матильда умудрилась их разбить? Впрочем, чего он удивляется. Сестрица с младенчества разносит все, к чему прикасается. Бабушка говорила, это в ней прапрадедушкины гены так проявляются. Только со знаком «минус». Прапрадед был мастером магии. Кубики – лишь одно из его творений. А Матильда – чистой воды разрушитель.

Усатый и Кепарь не понимают, почему я с ней вожусь. На морде младшего откровенно написано, что бы он с ней сделал, будь у него развязаны руки. А все просто: я обещал о ней заботиться. Отцу слово чести дал – такое черта лысого

нарушишь. Хотя очень хочется.

Владелец кубиков порылся в пакете, нашел еще один обломок чепчика и отложил в сторону. Марфушу он тоже склеит. Соберет по кусочкам, словно пазл. В память о бабушке. Она эти часы очень любила.

Из-за Матильды все повисло на волоске. И оставалась-то сущая ерунда – вернуть Усатого с его скарбом в человеческое состояние. Но сестрица, как всегда, натворила дел, а его оставила расхлебывать. После ее звонка он примчался на автовокзал, но она уже смылась. Впрочем, что бы он с ней сделал? Отругал? Это не помогло бы вернуть сумку…

Владелец кубиков взглянул на наручные часы и пальцем подкрутил стрелки на разбитом циферблате Марфуши. Семнадцать тридцать. Через полчаса во дворце культуры начнется концерт. Пора переходить к плану Б.

Аккуратно уложив ошметки фарфоровых часов в коробку, он посмотрел на Кепаря. Тот очень старался превратиться в человека-невидимку. Сгорбился, голову вжал в плечи, ноги задвинул поглубже под стул. Но невидимость давалась ему плохо, и от этого он все время ерзал на бархатном сидении. Стул скрипел. «По милости Матильды этот, так сказать, «вьюноша» – моя единственная надежда, – сокрушенно подумал мужчина. – Ладно, будем использовать то, что есть».

– Повтори еще раз, что ты видел.

«Невидимка» встрепыхнулся.

– Я шел за ними до рынка. Там они зашли в «Лавку пря-

ностей», индийский магазин. Я позвонил вам и стал следить за входом, как вы приказали. Часа через два из лавки вышли девчонка, индиец и пацан. Тот, что не рыжий. Когда они ушли, я снова позвонил. Вы сказали, чтобы я возвращался.

Слишком гладко излагает, решил владелец кубиков. Как по писанному. Второй раз повторяет одно и то же слово в слово. Будто заранее вызубрил, что будет говорить. Наверняка скрывает очередную пакость, жаль, нет времени разбираться.

Мужчина, получивший в наследство Черные Кубики, поерзал на стуле совсем, как Кепарь.

Случилось худшее – подростки каким-то образом вышли на индийца. Раз они сдружились, надо бежать. Все бросить и удрать прямо сегодня в ночь. За Усатого беспокоиться нечего. Кубики у детишек, догадаются и оживят. Вряд ли он станет болтать. Зачем ему проблемы.

Владелец кубиков потер руками лицо.

Не будь индийца, он выкрутился бы. Втерся бы к детишкам в доверие и все провернул. С индийцем это не пройдет. Хуже того: рано или поздно они сложат два и два и сами на меня выйдут.

Но пока не сложили, еще есть единственный шанс все исправить. Ну не может он уехать, когда у него козырной туз в рукаве.

– Сегодня вечером нам нужно отобрать у нашей троицы сумку, – строго произнес он и с удивлением заметил, что Ке-

парь стал бледным, как только что вылезшая из земли поганка. – Тебе придется захватить одного из них и припугнуть. Кого именно, я покажу. А припугнув, скажешь: ты уполномочен передать ему, что мы готовы на обмен.

– Где я это сделаю? – из последних сил попробовал посопротивляться Кепарь. – Прямо на улице на них нападать?

– Все гораздо проще, – мужчина включил телевизор. – Смотри. Все уши за последний час прожужжали.

– … факир превратит танцовщицу в куклу, а куклу – обратно в танцовщицу, – воодушевленно зачитывала текст дикторша местного канала. – Всего одно представление. Сегодня во дворце культуры «Современник». Феерический номер концерта по случаю Дня города.

Оставив Кепаря таращиться на экран, он взял планшет и быстро открыл нужную папку.

– Троица обязательно будет болтаться за кулисами. Тебе останется улучить момент, когда вот этот, – владелец кубиков показал на фото в планшете, – останется один. Двух других живыми не брать.

И, заметив, что Кепарь шутки не понял и перепугался окончательно, добавил дружелюбным тоном:

– Оденься поприличней – праздник все-таки. И кепку не забудь снять.

***

– Ты же знаешь, индийские танцы мне не даются, – говорила Алиша. – Я не могу удерживать равновесие, стоя на одной ноге с растопыренными руками. Сразу заваливаюсь. А на занятия по танцам живота я ходила год. У меня очень неплохо получалось. И костюм красивый. Всем понравится.

– Малышка, – нервно произнес Деванш, – мы сейчас на сцене будем изображать индийских – ИНДИЙСКИХ! – танцоров и фокусников. Поэтому и танец ты должна танцевать наш. А танец живота – это у арабов. Где арабы, и где Индия. Ты хочешь опозорить нашу великую культуру? Что скажет всемогущий Шива?

Макс не мог отвести глаз от ссорящихся индийцев. Подсматривать было нехорошо, но он вдруг испугался, что они откажутся выходить на сцену. Рассорятся так, что сорвется и выступление, и ловля на живца. А ведь пока все шло замечательно. Ну, не считая истории с Усатым. Макс до сих пор не мог понять, почему, осмотрев Усатого, Деванш встревожился.

…Когда Макс, Деванш и попугай вернулись в «Лавку пряностей», Лиза помогала Алише укладывать костюмы для выступления. Девочке уже рассказали, что случилось в ее отсутствие. Поэтому, когда появились новые слушатели, на них обрушился хор из трех голосов. Хор сообщил, что на магазин было совершено разбойное нападение, что врага повергли точным ударом по голове, а потом с трудом откачали,

настолько он перетрусил.

Деванш слушал хор с мрачным видом, а дослушав до конца, произнес несколько слов на родном языке. Макс не понимал, что они означают, но звучали слова, как ругательства. Чувствовалось, индиец осыпал проклятиями не только парня в кепке, но и себя самого.

– Не горячись, – успокаивала мужа Алиша. – Никто не мог угадать заранее, что на нас нападут, да еще в таком людном месте.

– Я видел его на рынке, когда мы уходили. Подумал, он пришел за яблоками. На всякий случай слегка его припугнул. Опасным он не выглядел. Трус и интеллектом не блещет.

– Поэтому мы с ним легко справились. Непонятно, как его к нам занесло?

Деванш кивнул на сыщиков.

– Видимо, следил за Лизой, Тимофеем и Максом, когда они сюда шли. Потом остался наблюдать. Увидел, что мы уходим, решил, что Тимофей в лавке один, и захотел воспользоваться случаем.

– Не повезло ему с решением, – хмыкнул Тимофей.

– Загадка в том, где он на вас вышел. Шел сзади от самой Виноградной?

– Это вряд ли, – возразил Макс. – Когда вы его вышвырнули, он так рванул, будто собирался добежать до самого моря. А там – вплавь в Турцию.

Лиза хихикнула.

Деванш на секунду задумался и за эту секунду, к радости Макса, окончательно успокоился.

– По своей инициативе он не стал бы за вами следить. Скорее всего, это идея Кукловода.

– Парень называл его шефом, – заметил Тимофей.

– Пусть будет шеф, – согласился Деванш. – А парня в кепке для краткости будем называть Кепарем. То, что шеф отправил Кепаря вслед за вами, вызывает массу вопросов. На некоторые можно, наверное, найти ответы прямо сейчас. Но на это нет времени. Нельзя опаздывать на концерт.

– Если мы поймаем на живца хищника, он сам все расскажет, – сказал Галкин, вешая на плечо сумку с Усатым.

Деванш посмотрел на сумку, потом на часы.

– Минута у нас есть. Дай, Тимофей, мне своего подопечного. Хочу еще раз на него взглянуть.

Получив Усатого, Деванш повел себя странно. Стянув с мужика рюкзак, он развязал тесемки и вытряхнул содержимое себе на руку. Макс придвинулся ближе.

На смуглой ладони лежала бутылка недопитой кока-колы, пустая коробка из-под Биг Мака, свернутый валиком шарф, кожаные перчатки, журнал «Максим» и деревянная шкатулка для рукоделия. Все предметы, хотя и были малюсенькими, выглядели настоящими. У бутылочки можно было открутить крышку, в журнале перелистать страницы. Деванш открыл шкатулку. В ней было несколько отделений, в кото-

рых виднелись совсем уж крохотные вещи. Мотки тесьмы, квадратик канвы для вышивания, спицы, прозрачный пузырек с красными, синими и белыми бисеринками, ножницы.

– В правом ящике стола под монитором есть пинцет, – сказал Максу Деванш. – Принеси.

Осторожно взяв пинцетом пузырек с бисером, индиец поднес его к включенной настольной лампе.

– Какой красивый бисер! – воскликнула Лиза. – Так переливается!

Деванш покачал баночкой. Бисеринки засияли ярче.

– Ты, Лиза, как всегда, права. Помнишь, при оживлении куклы вырастает в размерах все, что было у человека в момент его превращения? Вроде чайника в руках моей жены. Представляешь, каким красивым будет этот бисер в натуральную величину.

Он вернул пузырек в шкатулку, шкатулку и все остальное – в рюкзак, рюкзак повесил на плечо Усатому, уложил его обратно в сумку, а сумку отдал Тимофею.

– Пусть побудет еще пару часов куклой. Не выпускай сумку из рук. Шеф со своей компанией от нас так просто не отвяжется.

– Клево! – восхитился Тимофей. – Нам как раз и нужно, чтобы хищник выполз из норы.

Услышав последние слова друга, Макс будто прозрел. Он давно чувствовал: что-то складывается не так, как задумывалось. И вот, наконец, до него дошло.

– Послушайте, – заговорил он, сильно нервничая. – Мы вписались в концерт с фокусами, чтобы показать шефу, что кнопки у нас. Но Кепарь заявил Тимофею, что шеф об этом уже знает. Откуда?

– Отличный вопрос, – индиец склонил голову набок и внимательно посмотрел на Макса. – Есть еще один, тоже хороший. Мне понравилось, как его сформулировала Лиза. «И чего Усатого превратили в куклу?»

Лиза заулыбалась.

– У меня тоже много вопросов, – сообщил Тимофей.

– Замечательно, – улыбнулся Деванш. – Сыщики у нас вы. Вам и вопросы задавать, и выводы делать. Если мы не поймаем шефа на концерте, то постараемся его вычислить и так найдем Катю. В этом я не сомневаюсь.

Деванш обнял жену.

– Пора отправляться на праздник. Нас ждут зрители. Все готовы?

Несмотря на его бодрый тон, Макс почувствовал, что мысли индийца заняты не только предстоящим выступлением.

…До выхода на сцену оставалось всего несколько минут. Индийцы все еще ссорились. Макса кто-то дернул за рукав. Лиза.

– Алиша права, – зашептала девочка. – Индийские танцы жутко сложные. Моя подружка на себе убедилась. Говорит, самое трудное – это стоять на одной ноге, согнув другую и

двигая руками. Преподша их учила: вообразите, что одной рукой вы вкручиваете лампочку, а другой – гладите кошку. Я пробовала – невозможная вещь.

Макс слушал Лизу в пол-уха. Перепалка между супругами возникла после того, как Алиша переоделась для выступления. Представление решили начать с танца, чтобы подзадорить публику перед основным номером – превращениями в куклу и обратно. И теперь индианка стояла перед мужем в наряде, мало напоминающем национальную индийскую одежду. Вместо сари – длинная полупрозрачная юбка и коротенькая, открывающая живот, футболка. На бедрах – яркая косынка, расшитая блестками, бисером и медными монетками. Макс был уверен, что ничего подобного в гардеробе Алиши, который Деванш привез с собой в их город, не было. Значит, она соорудила костюм из того, что нашлось под рукой, пока они ходили в департамент культуры. В «Современник» индианка пришла в европейской одежде, чтобы заранее не привлекать к себе внимания. И только сейчас Деванш обнаружил, какой именно танец она собирается исполнять.

К счастью, спор индийцев закончился также внезапно, как начался. Деванш притянул жену к себе, поцеловал в макушку и сказал, что он дурак и согласен на все, лишь бы помочь подросткам вернуть сестренку Макса. Ведь без них Алиша все еще стояла бы в стеклянной витрине с чайником в руках.

Объявив танец живота, Макс поклонился и убежал за ку-

лисы. Алиша плавно задвигалась всем телом. Деванш задавал ритм, постукивая по бубну. В зрительном зале то и дело вспыхивали аплодисменты. Молодые индийцы в нарядной одежде были такими красивыми, что Макс не мог от них оторваться.

Вдруг он заметил за кулисами с другой стороны сцены Тимофея и Лизу. Брат и сестра подпрыгивали и махали руками, пытаясь привлечь его внимание. Он помахал им в ответ.

Это раззадорило их еще больше. Макс наконец догадался, что они показывают ему на что-то в зале. Осторожно высунув голову из-за кулисы, он всмотрелся в темные ряды зрителей.

В центре зала из середины ряда пробирался к проходу какой-то человек. Когда он вышел на свет, падавший со сцены, Макс понял, что ловля на живца началась.

Глава двадцать шестая. Махнуться не глядя

Добравшись до прохода, человек застыл у двери, через которую зрители покидали зал после концертов.

«Что делать, если он сейчас уйдет? – лихорадочно соображал Макс. – Бежать за ним? Но он не тот, кто нам нужен. Не шеф. Вместо хищной щуки приплыл карась».

Хотя кепки на человеке не было, Макс мигом его узнал. Долговязый парень, которого Деванш выбросил из дома мадам Баттерфляй, а Алиша оглоушила в «Лавке пряностей». Для праздника Кепарь принарядился. Натянул джинсы вместо клетчатых штанов, белую футболку с мордой Микки Мауса поменял на черную с человеческим черепом. В одну из глазниц черепа была вшита красная штуковина, отливающая на свету кровавыми бликами.

Разглядывая противника, Макс забыл об осторожности и высунулся из-за кулисы дальше, чем следовало. Заметив его, парень сдернулся с места. Не беспокоясь о том, что его видит весь зал, он быстро поднялся на сцену по боковым ступенькам и скользнул за кулисы.

От Макса его отделяло всего несколько метров.

Кепарь не только переоделся, но и облил себя какой-то пахучей дрянью. С трудом сдерживаясь, чтоб не чихнуть, Макс

отступил в темноту.

Оттуда, где он стоял, парень, освещаемый со спины, был виден хорошо. На несколько секунд он остановился, вглядываясь в полумрак, потом двинулся вперед. В тот момент, когда он пересекал узкую полосу света, в его руке блеснуло лезвие ножа.

Макс шагнул назад и наткнулся на стул, который с грохотом опрокинулся. Человек с ножом замер, пытаясь определить, откуда пришел звук.

Макс попятился дальше, огибая деревянные кубы, картонные деревья и прочую дребедень, которую сюда кто только не сволакивал. Он все глубже забирался в темноту. И все плотнее становились завалы декораций.

Еще шаг, и Макс уперся спиной в фанерную печь. На ней в детских спектаклях раскатывал по сцене Емеля. Печь полностью перегораживала остальной проход. Из этой ловушки выход был только один – вперед.

Кепарь, видимо, почувствовал, что загнал Макса в угол.

– Стой, где стоишь, малец, – прошипел он. – Мне много не надо. Побеседуем – и почешешь домой к мамочке. Попробуешь удрать – сам выберешь, что тебе отчикать.

Макс пошарил по печи в надежде найти снаряд поувесистее. Как назло, рука натыкалась лишь на мелкое и легкое. Что это – в темноте не было видно. Но наощупь Макс определил – наливные яблочки из сказки про Крошечку-Хаврошечку.

Со скоростью пулемета он начал метать яблоки во врага. Один раз попал точно в лоб. Кепаря это только развеселило. «Бумажный мусор тебя не спасет», – ржал он, надвигаясь шаг за шагом.

Макс вжался в печную трубу. Осталось одно – заорать погромче. Но он знал, что его не услышат.

Аплодисменты зрителей, войдя в один ритм с ударами бубна, стали оглушительными. Ори не ори, на помощь никто не придет. В последнем порыве Макс попытался протиснуться между печью и задней стеной сцены. Нога задела что-то большое. На полу стоял бутафорский горшок из папье-маше. Разъезжая на печи, Емеля не выпускал его из рук.

Внезапно бубен стих – Алиша закончила выступление. Подняв горшок повыше, Макс ринулся на Кепаря. От неожиданности тот растерялся на какую-то долю секунды. Но этого хватило, чтобы Макс насадил горшок ему на голову.

Враг выронил нож и беспорядочно замахал руками. Из-под кухонной утвари понеслись непонятные звуки. Отбросив ногой нож в сторону, Макс постучал по горшку. «О-о-о, – раздалось изнутри. – Ме-ме-ме».

– Слышу, слышу, – рассмеялся Макс и в следующее мгновение стоял на сцене рядом с Деваншем и Алишей. Они раскланивались, потом индианка убежала за кулисы к Галкиным переодеться для главного номера.

– Что случилось? – шепотом спросил Деванш.

– Ты был прав, – ответил Макс. – Он пришел.

Индиец собирался заполнить паузу между танцем живота и превращениями простыми фокусами, используя добровольцев из зала. С появлением Макса нужда в добровольцах отпала. Пока Деванш вытаскивал из ушей Макса монетки, а из-за шиворота бесконечные цветные ленты, мальчик рассказал, что произошло.

На сцену вышла Алиша в синем сари. Зрители зааплодировали. «Объяви номер и иди к Галкиным, – сказал Деванш. – Держитесь вместе. И ничего не бойтесь».

***

Макс, Тимофей и Лиза сидели в пустой костюмерной. На стульях, на столах, на диване и креслах была разбросана одежда и сценические костюмы. Концерт был самым большим в году, и одежды было много. Обычно тут было не протолкнуться от больших и маленьких артистов, их друзей, мам и бабушек. Но сейчас в комнате, кроме сыщиков, не было никого. Все убежали смотреть фокус с превращениями. Зал гудел от восторга.

– Ой, Макс, у тебя на руке кровь, – воскликнула Лиза. – Вон, даже футболка испачкалась.

Макс понял, что обожгло его, когда он с горшком бросился на Кепаря. Неглубокая, но длинная царапина пересекала руку чуть выше локтя. Кровь уже засохла, но когда он дотронулся до раны, почувствовал жжение.

– Ее нужно прижечь, – безапелляционно заявила Лиза и полезла в свой розовый рюкзак. Макс не удивился бы, если бы она достала оттуда пузырь с йодом, бинт и хирургические инструменты. За сегодняшний день он хорошо уяснил, что рыжая заноза носит с собой все, что может пригодиться в опасных приключениях.

***

За стенкой от сыщиков Кепарь снес с дивана кучу каких-то шмоток и уселся на освободившееся место. Стянув с головы горшок и от души попинав его кедами, он прокрался сюда, в пустую комнату для переодевания, выключил свет и затаился. После битвы за кулисами ноги держали плохо. Зря, конечно, он вытащил нож. Нужно было просто сообщить пацану, что шеф предлагает ему обмен, и сразу делать ноги. Он, правда, кричал «Обмен! Обмен!» из-под проклятого горшка, но не уверен, что пацан его понял. «Какие-то они непонятливые и несговорчивые, – злился Кепарь. – Чуть что – то сковородой по башке лупят, то горшки напяливают. Вот и сиди тут, жди нового удобного случая».

***

– Чего он на тебя с ножом накинулся? – недоумевал Тимофей. – Опять сумка позарез понадобилась.

– Да нет, он, вроде, хотел поговорить. Типа «побеседуем – и почешешь к мамочке». Если бы не махал ножом, как мачете, будто тропу в джунглях прорубает, я бы, может, с ним и побеседовал.

Макс почувствовал, что его начинает трясти.

– Страсти накаляются, значит, скоро конец, – философски заметила Лиза, пришлепывая на царапину лейкопластырь. Наклонив голову, она откровенно любовалась на дело своих рук. – Ну, вот, поживешь еще немного.

– Он что-то говорил мне из горшка. Или просто мычал? О-о-о, ме-ме-ме. Не знаешь, что это значит? Ты с ним все-таки больше меня общался.

Тимофей пожал плечами.

Снаружи раздался шум. Представление закончилось. Зрители потянулись в фойе, в костюмерные повалили участники концерта. К сыщикам подошли Алиша и Деванш. Глядя на жену, индиец сиял от счастья. Еще бы: всего несколько часов назад она была куклой в стеклянной витрине.

Максу стало совсем грустно. Несмотря на возбужденное состояние, Деванш сразу это заметил.

– Никак не придешь в себя? – спросил он.

– Мы так старались, а хищник не клюнул, – ответил Макс. – И что теперь?

– Он прислал переговорщика.

– И где он? Давно сбежал.

– Он не уйдет, пока не передаст нам привет от своего ше-

фа. Иначе не снести ему головы. Вот увидишь – он крутится где-то рядом. Ждет подходящего случая. Мы ему в этом поможем.

***

Кепарь стоял у приоткрытой двери, выглядывая в коридор. С дивана его давно согнали вернувшиеся артисты. Они галдели, без стеснения раздевались до плавок, натягивали на себя джинсы и футболки и уходили, уволакивая с собой костюмы до следующего концерта. Прошло каких-то пятнадцать минут, и коридор опустел. Кепарь ждал, сам не зная чего.

***

Комната, где были сыщики и индийцы, тоже быстро опустела. Только Алиша не торопилась переодеваться. Макс решил, она тянет время по просьбе мужа. Наконец, она тоже открыла пакет со своей одеждой.

– Давайте выйдем, – шепнула мальчикам Лиза. – Подождем в фойе.

Они прошли всего несколько метров, как Тимофей обнаружил, что ему в обувь что-то попало. Когда он наклонился, сумка с Усатым сползла с его плеча на пол.

***

Голос рыжего шкета, который насмехался над ним в «Лавке пряностей», Кепарь узнал сразу. Троица остановилась прямо у двери, за которой он прятался. Он затаил дыхание. На полу почти у его ног лежала сумка с Усатым. Стерпеть такое Кепарь не мог.

***

– Тихо, – вдруг прошептал Тимофей. – Вы ничего не слышите?

Макс замер. В узком полутемном проходе, который вел в фойе от костюмерных, они были одни. Тишина стояла такая, что было слышно, как жужжит под дальней лампой одинокая муха.

Несколько секунд сыщики не шевелились. Ничего не происходило. Фыркнув, Лиза поправила на плече рюкзак.

Раздался скрип. Будто при замедленной съемке Макс увидел, что дверь рядом с Тимофеем осторожно приоткрывается, из щели показывается рука и тянется к сумке.

– Тимофей! – крикнул Макс, но было поздно.

Стоявший за дверью человек схватил сумку и рванул на себя. Дверь распахнулась. Из-за нее появился Кепарь. В одной руке он сжимал драгоценную добычу, в другой снова поблескивало лезвие ножа.

– Только шевельнись, мелюзга, – осклабился он. – Всех не

достану, но одного точно прирежу.

***

Кепарь расстегнул молнию. Усатый был на месте.

– Теперь кубики, – потребовал Кепарь, злобно ухмыляясь. – Быстро.

Лиза попятилась. Тимофей и Макс шагнули вперед, загораживая собой девочку.

– Ясно, – улыбка Кепаря стала шире. – Они у тебя, крошка. А ну, давай сюда свою торбу.

За его спиной, дальше по коридору, тихо открылась еще одна дверь. Показался Деванш. Двигаясь мягко и неслышно, как кошка, он подкрался к Кепарю и стукнул по шее ребром ладони. Не издав ни звука, тот повалился на пол.

– Вы его убили? – дрожащим голосом спросила Лиза.

– Нет, конечно, – засмеялся Деванш. – Сейчас очнется.

Он поднял нож и сумку, потом всмотрелся в поверженного противника.

– Что ж он никак не успокоится?

***

Кепарь застонал и сел, прижавшись спиной к стене. Из него будто выпустили воздух.

Наклонившись, Деванш схватил его за шиворот и поставил на ноги.

– Когда ты напал на мальчика в «Лавке пряностей», то сказал, что тебя послал шеф, – медленно произнес индиец. – Кто он? Где живет? В этом городе?

– Ничего не скажу, хоть пытайте, – Кепарь отчаянно замотал головой. – Я … как это? … уполномочен передать вот этому пацану послание. И все.

Он указал пальцем на Макса.

– Раз уполномочен, то передавай, – согласился пацан.

Кепарь покосился сначала влево, потом вправо.

– Мне приказано один на один.

– Обойдешься, – сказала рыжая девчонка.

«Эта на меня еще не нападала, – подумал Кепарь. – Но лучше не рисковать».

– Шеф предлагает обмен. Ну, в смысле, махнуться не глядя.

– Махнуться не глядя? – задумчиво произнес индиец. – Чем махаться-то будем?

– Деванш! – раздался сзади женский голос. – Что у вас происходит?

Индиец обернулся к девушке, и Кепарь сообразил, что у него появился шанс.

– Ааа! – заорал он и, толкнув рыжего шкета, пулей помчался к выходу.

– Эй, притормози! – донесся до него крик индийца. – Пе-

редай шефу, мы согласны. И еще передай – мы все знаем.

***

Мужчина, получивший в наследство Черные Кубики, швырнул сотовый на стол. Он только что выслушал сбивчивый рассказ Кепаря и теперь ругал своего подручного последними словами. Идиот. Предложил «махнуться не глядя» сразу всем. Будем надеяться, они сообразят, о чем речь.

Если уже не сообразили. Заявили ведь, что все знают. Может, врут? Берут на понт. Если б знали, давно бы явились с полицией.

Владелец кубиков задумался.

Что лучше: удрать немедленно или попробовать все-таки разыграть козырной туз. Жаль, на обмен нельзя послать Кепаря. Нет ему доверия. Оживит Усатого и рванет с ним в бега. Ищи потом. Так и придется все делать самому.

Зато если повезет, он успеет удрать, пока они будут приходить в себя. И делиться не надо будет.

***

Когда Макс, Тимофей, Лиза, Алиша и Деванш вышли на улицу, солнце уже скрылось за домами. Перед дворцом культуры на большой круглой клумбе цвели декоративные подсолнухи. Макс остановился.

– Странно, – сказала Лиза. – Солнце до конца еще не село, а они уже от него отвернулись.

– Для них день закончился, – ответил Макс. – У подсолнухов свойство такое – в самом конце дня они снова поворачиваются к востоку. Если они это сделали, значит, ночь близко.

Лиза вздохнула.

– Ничего не близко, – решительно возразил Тимофей. – Вечно у вас, ботанов, глупости в голове. Еще несколько часов в запасе. Деванш что-нибудь придумает.

Друзья посмотрели на индийца. Он сосредоточенно вбивал в поисковик смартфона какие-то слова, потом стал пролистывать ссылки.

Когда, пару минут спустя, Деванш отключился от Интернета, вид у него был одновременно и разочарованным, и недоумевающим. Тут он заметил, что окружающие нетерпеливо сверлят его глазами.

– Не волнуйтесь, все в порядке. Макс, мы идем к тебе. Устроим большой мозговой штурм. Будем вычислять шефа.

Глава двадцать седьмая. Мозговой штурм

От ужаса Макс плохо соображал.

Он, конечно, и раньше понимал, что до возвращения родителей осталось всего ничего. Но узнав, сколько именно осталось, больше ни о чем другом думать не мог.

Утром, до исчезновения сестры, он был самым счастливым человеком на свете. Днем и даже в начале вечера жил надеждой, что она все-таки найдется. Сейчас надежда полностью испарилась. Невозможно найти Катю за считанные минуты, если это не получилось за целый день. А ведь родители могут вернуться и раньше. Впрочем, Максу было уже все равно. Ему осталось жить до той секунды, как мама спросит у него, где Катя.

…Войдя в квартиру, Деванш смущенно попросил Макса устроить его так, чтобы он мог писать. «Мои учителя приучили меня решать сложные вопросы с помощью карандаша и бумаги, – сообщил он, оправдываясь. – Говорили, семьдесят процентов хорошей программы создается за столом, – и были правы».

Макс повел индийца в папин кабинет. За громким названием скрывалась крохотная комната, в которой едва поме-

щались письменный стол с креслом-вертушкой и книжный шкаф. Пока Макс искал бумагу и ручку, Галкины подтащили в кабинет стулья с кухни и клетку с попугаем. Черуша, видимо, понимая важность происходящего, не издавал ни звука.

– С каждого из вас – по одному вопросу, – сказал Деванш, когда все уселись. – Подумайте, что во всей истории кажется вам самым важным и загадочным. Ответы будем искать вместе. Когда бросимся в мозговую атаку, не упускайте детали – они могут быть очень важными. Вспоминайте любые мелочи, которые вас удивили, хотя вы, возможно, не придали им большого значения.

Крупными буквами индиец написал на листе слово «ВОПРОСЫ». Никто не заставил себя ждать.

Просмотрев записи, индиец поднял глаза на сыщиков. Макс поразился, каким сосредоточенным, даже воинственным стало его лицо.

В этот момент из гостиной донесся бой часов. Закрыв глаза, Макс считал удары. С последним, восьмым, его охватило отчаяние. После стычки с Кепарем за кулисами он как-то забыл о времени. И теперь, вспомнив, достал смартфон, перевел оставшиеся часы в минуты и включил таймер. После этого он не видел ничего, кроме цифр на экране.

…За сто семнадцать минут до возвращения родителей, размытое боковое зрение подсказало ему, что все вокруг на него смотрят и даже что-то ему говорят.

Видимо, вид у него был не ахти.

Макс, прищурившись, всмотрелся в Деванша. Индиец шевелил губами и выглядел очень встревоженным. Слов его Макс не слышал.

Сто шестнадцать минут.

– Макс, ты в порядке? – раздался у уха звонкий голос Лизы. – Что с тобой происходит?

Он очнулся.

– Зря стараемся, – с трудом выдавил он, скривив губы. – Мы уже ничего не успеем сделать.

Деванш кивнул головой.

– Дом построить, может, и не успеем. Но того негодяя, который держит в заложниках Катю, вычислим легко. Ты сомневаешься в наших умственных способностях?

– Нет.

– Тогда оторвись от часов. Понимаешь, у нас уже есть вся необходимая информация. Нужно только выделить из общей массы самое существенное и сделать выводы. Будет здорово, если ты к этому подключишься.

– Хорошо, – сказал Макс, посмотрел на смартфон и увидел, что прошла еще минута.

Деванш вернулся к листку с вопросами.

– Сначала отвечу на вопрос моей жены. Потому что он – самый простой. Алиша, я не знаю, что сделаю с Кукловодом, когда мы его найдем. Убивать точно не буду. Ты ведь этого не хочешь?

Алиша грустно улыбнулась:

– Не хочу.

– Теперь вопрос Лизы. «Зачем усатого мужика превратили в куклу?» На него нелегко найти ответ. И времени на поиски потребуется много. У меня есть версия, в какую мутную историю Усатый вляпался. Но доказательств никаких. Раз мы решили, что он не имеет отношения к похищению Кати, давайте вернемся к нему позже. Лиза, ты согласна?

Лиза кивнула головой:

– Да.

– Тогда два самых главных вопроса. Первый, от Макса: откуда шефу с Кепарем еще до концерта было известно, что и Усатый, и обе кнопки у нас? Второй, от Тимофея: чем шеф предлагает нам махнуться? Макс, что скажешь?

– Я все время ломаю над этим голову. Предположим, Кепарь сегодня все-таки видел, как мы уносим от мадам Баттерфляй сумку с Усатым и ПРЕВРАЩАТЕЛЕМ, и сказал об этом шефу. Но как они узнали, что и ОЖИВЛЯТЕЛЬ у нас? Ведь Тимофей занырил его еще в четверг. Единственный ответ – шефу проболталась старуха. Колись, Галкин: перед тем как превратить тебя в куклу, она точно не видела, что ты взял кнопку?

– Точно. Я, как услышал шорох, с перепугу сунул ОЖИВЛЯТЕЛЬ в карман. Она вошла в спальню, увидела меня, замахала руками, потом смотрю – ты стоишь у стола и считаешь до десяти.

– Значит, догадалась, когда на Виноградной снова увидела тебя живым.

– С чего бы ей догадываться. После меня у нее куча народа побывала. Сам знаешь: в четверг у нее был ПРЕВРАЩАТЕЛЬ, а в субботу – уже не было, забрали. Из этой кучи любой мог стибрить и меня оживить.

– Старуха вряд ли сказала своему брату, что превратила в куклу какого-то незнакомого мальчишку, – подала голос Лиза. – Она очень брата боится.

– Лиза и Тимофей правы, – сказал Деванш. – Скорее всего, мадам Баттерфляй так спешила избавиться от превращенного Тимофея, что сначала даже не заметила, что ОЖИВЛЯТЕЛЬ исчез. Тебя когда превратили в куклу?

– Около половины двенадцатого, – буркнул Галкин.

– А когда Катя нашла Рыжего?

– Между двенадцатью и часом, – ответил Макс.

– Между двенадцатью и часом дня в четверг. А в субботу после обеда Кепарь уже требовал от нас отдать ему обе кнопки. Что-то за эти два дня произошло.

Деванш потер переносицу.

– Ладно, зайдем с другой стороны. С вопроса Тимофея. Как вы думаете, что хочет предложить нам шеф в обмен на кнопки?

– Фигню какую-нибудь, – предположил Галкин. – Если решит, что кнопки нам больше не нужны – мы ведь уже оживили вашу жену, – то предложит фигню. Если решит, что за

просто так не отдадим, – что-нибудь клевое. Бриллианты.

Слово «бриллианты» Деванша почему-то рассмешило.

– Ты бы согласился поменять на бриллианты волшебные кубики?

– Что я, дурак? – оскорбился Тимофей.

– Катю, – тихо сказал Макс. – Он предлагает нам на обмен Катю. Она же у него.

– Знает, что мы готовы все за нее отдать, – выпалила Лиза.

Макс посмотрел на девочку с благодарностью.

– Даже больше, чем все, – подтвердил он.

– Тогда следующий вопрос: откуда он знает, что Катя так нам дорога?

У Макса по спине поползли мурашки.

– Ему известно, что Катя потерялась и что мы ее ищем.

– Ты кому-нибудь говорил, что она пропала?

– Нет.

– Вспоминай.

Макс мысленно перебрал всех, с кем общался сегодня до встречи с индийцами. Серый и его мама, Кочепаскин, женщины в парке, Галкины, мадам Баттерфляй.

– Галкиным говорил. Сначала Тимофею, потом Лизе.

– Мы киднеппингом не промышляем, – хмыкнула Лиза.

– Еще кому?

Макс пожал плечами.

– Сосед по лестничной площадке принес утром блины и увидел, что Кати нет дома. Я сказал, она ушла в парк. Тогда

я и сам в это верил.

– Это все?

– Все.

– Подумайте тогда вот над чем. Шеф приходит к своей сестре, видит новую куклу, понимает, что она превращенная девочка, и зачем-то забирает ее себе. Зачем, если он не знает, кто она такая? Оставил бы сестре – пусть сама расхлебывает, что натворила.

Макс похолодел.

– Потом шеф посылает Кепаря следить за вами – подростками, которые ему тоже, вроде бы, незнакомы, – Деванш пристально смотрел Максу в глаза, будто ждал, что он сейчас протаранит стену вражеского замка. – И, наконец, предлагает незнакомым ему людям незнакомую ему девочку в обмен на очень ценную для него вещь. Тебе не кажется это странным?

Из холода Макса бросило в жар.

– Он знает и Катю, и меня, и то, что Катя пропала. Кроме того, он в субботу после полудня как-то допер, что ОЖИВЛЯТЕЛЬ у нас.

– Если ты поймешь, как все это связано, то скажешь нам, кто такой шеф.

Макс положил руку на макушку.

– Можно, я буду рассуждать вслух?

– Только так и надо, – улыбнулся Деванш.

– О волшебных кубиках, кроме нас, знают мадам Баттер-

фляй, Кепарь и шеф. Любой из них, кто в субботу видел Тимофея сначала в виде куклы, а потом живым, мог подумать, что ОЖИВЛЯТЕЛЬ у нас.

– Мадам Баттерфляй мы уже отмели, – сказали хором Лиза и Тимофей.

– А Кепарь, если и видел, вряд ли бы догадался, – добавила Алиша.

Макс напряг память, вспоминая все, что произошло с утра, и помертвел.

– Тимофея видел наш сосед Кочепаскин. Утром мы с ним искали в квартире Катю и зашли в ее комнату. Рыжий стоял на полке с игрушками. Я еще удивился: чего Кочепаскин на него таращится. А живого Тимофея Петр Савельич увидел, когда к нам на фотосессию пришла Лиза. У меня он спросил, нашлась ли Катя, и я ему соврал. А у Тимофея спросил, не встречались ли они с ним раньше.

Деванш положил на стол сжатые кулаки.

– Петр Савельич, значит… – произнес он хрипло. – Мой Кукловод и наш шеф. Тогда он и понял, у кого ОЖИВЛЯТЕЛЬ.

– Нет, – возразил Макс. – Живого Тимофея он увидел около десяти. А в половине двенадцатого к мадам Баттерфляй притащился Кепарь и требовал отдать ОЖИВЛЯТЕЛЬ. Если бы шеф к этому времени понял, что кнопка у нас, вам бы не пришлось выкидывать Кепаря.

Костяшки кулаков побелели от напряжения.

– Опиши своего соседа, – потребовал индиец.

– Ну, он такой – одуванчиковый. Лысый старичок с пухом над ушами. Чуть ниже меня ростом.

– Фото есть?

Макс отрицательно покачал головой.

– Нет. Да не может Кочепаскин быть вашим Кукловодом. Я в это не верю. Одуванчик хороший. Совершенно безвредный, только надоедливый.

– Прямых улик, что сосед Макса – ваш Кукловод, шеф Кепаря и Усатого и похититель Кати, нет, – поддержал друга Тимофей.

Алиша встала со своего места, подошла к мужу и положила ему на плечо руку. Индиец потерся о нее щекой, разжал кулаки и продолжил уже спокойно:

– Я вижу, без раскладки событий по часам нам не обойтись.

Глава двадцать восьмая. Тяжелый день шефа

Деванш взял чистый лист и провел на нем с левой стороны вертикальную линию.

– В этой истории время играет особую роль. Давайте вспомним, что и когда в субботу произошло. И просьба к сыщикам. Согласитесь на время нашего дальнейшего расследования считать, что сосед Макса и шеф – один и тот же человек.

– Я не против, – кивнул головой Макс. – Вы все равно потом поймете, что Кочепаскин не при чем.

– Тогда первый вопрос: во сколько вы с ним искали Катю по квартире?

– Утром, примерно в полдевятого. Я забыл сказать: увидев Рыжего, он засуетился и ушел. Сослался на срочные дела.

– К сестре отправился, – заявила Лиза. – Сообразил, что она вновь взялась за старое – превращать детей в кукол. Пошел ругаться. А там нашел Катю в виде куклы.

– Наверное, от неожиданности даже про Тимофея забыл, – предположил Макс. – Я уверен: Кочепаскин хотел вернуть Катю домой – он ведь дружит с родителями. Значит, ему нужно было побыстрее ее оживить.

– Старуха наверняка не призналась, что ОЖИВЛЯТЕЛЬ

исчез, – заметила Лиза. – Клялась, что он просто куда-то завалился, и она его сейчас найдет. Потерять кнопку – за такое он точно бы ей бошку отвернул.

– Чего ж не дождался, пока она ее не отыщет? – спросил Тимофей. – Вместо этого ушел и Катю унес.

– Думаю, у него были важные дела. С Кепарем и Усатым, – ответил Деванш. – Разобравшись с ними, он пошел к Максу – на разведку. Во сколько вы втроем с ним встретились?

– Около десяти, – сказал Макс. – Если Кочепаскин и в самом деле шеф, понятно, почему он так на меня смотрел. Будто знал, что я вру и Катю не нашел.

– Вот гад, – воскликнул Тимофей. – Притворялся добреньким, а Катя в это время была у него дома.

Деванш опять смотрел только на Макса.

– Ты считаешь, Кочепаскин не при чем, потому что, увидев Тимофея, не понял, что ОЖИВЛЯТЕЛЬ у вас?

– Да.

– Вопрос ко всем: почему он не догадался?

– Потому что старуха его убедила, что кнопка у нее, – сказала Лиза. – И скрыла, что натворила с Тимофеем.

– Решил, ему померещилось и Рыжий – настоящая кукла, – сказал Тимофей. – Старуха раньше ведь одних девчонок в куклы превращала.

– И, возможно, потому, что его голова была занята другими проблемами, – заметил Деванш.

Во время разговора индиец что-то записывал на лист с

вертикальной чертой. И теперь, задав еще несколько коротких вопросов, показал записи партнерам по мозговой атаке.

Сверху на листе заглавными буквами было выведено: «ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ ШЕФА». Ниже этот день был разложен по часам.

– Время, – пояснил Деванш, – указано примерно и округлено до получаса. То, о чем можно лишь догадываться, я отметил буквой «Д» в скобках. И для краткости вместо фамилии «Кочепаскин» использовал слово «шеф».

ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ ШЕФА

8:30. Шеф узнает, что Катя ушла из дома, и видит куклу Тимофея.

9:00. Шеф приходит к сестре и находит куклу Катю. Сестра обещает немедленно отыскать ОЖИВЛЯТЕЛЬ. Шеф забирает Катю с собой.

9:00 – 10:00. Шеф решает проблемы с Усатым и Кепарем (Д).

10:00. Шеф приходит к Максу и встречает Тимофея и Лизу. Он по-прежнему намерен вернуть Катю домой. Задачу усложняет то, что Макс теперь не один и у шефа нет ОЖИВЛЯТЕЛЯ.

10:00 – 11:30. Шеф возится с Усатым и Кепарем (Д).

11:30. Шеф посылает Кепаря к сестре за ОЖИВЛЯТЕЛЕМ. Кепарь не только не получает кнопку, но и оставляет у мадам Баттерфляй сумку с Усатым и ПРЕВРАЩА-

ТЕЛЕМ. Шеф узнает, что теперь у него ничего нет.

??:??. Шеф узнает, что Усатый и кнопки у Макса, Тимофея и Лизы, и отправляет Кепаря за ними следить. Кроме того, шеф додумывается, что просто так отдавать Катю теперь нельзя – она пригодится для обмена.

15:00. Кепарь видит, что подростки подружились с индийцами, и докладывает об этом шефу. Шеф понимает: общими усилиями мы его быстро вычислим. Он собирается бежать (Д).

19:00. Шеф решил воспользоваться тем, что Катя у него. Он присылает Кепаря предложить нам обмен.

– Остался всего один вопрос, – взглянул на сыщиков Деванш. – Каким образом – примерно между часом и двумя часами дня – шефу стало известно, что у вас все его сокровища?

– В это время мы были на автовокзале, провожали мадам Баттерфляй, – сказал Макс.

– Шеф мог туда случайно забрести и увидеть нас с сумкой, – предположил Тимофей.

– Ничего не случайно, – воскликнула Лиза. – Он же ее брат. На автовокзале перед отъездом она звонила кому-то из туалета. Наверно, ему. Выпалила всего несколько слов. «Привет! Я уезжаю к тете. Забери завтра Черушу».

– Если он услышал, что она уезжает, то наверняка примчался на вокзал, чтобы вытрясти из нее ОЖИВЛЯТЕЛЬ и

сумку, – медленно проговорил Деванш. – Вы видели на вокзале Кочепаскина?

Сыщики отрицательно помотали головами.

– Ну да, он же от вас прятался. Сестру он не застал. Зато увидел вас с сумкой. И сообразил, что вы были на Виноградной и познакомились с мадам Баттерфляй. Вспомнил куклу Тимофея, понял, что сестра солгала ему об ОЖИВЛЯТЕЛЕ, и сделал вывод, что он у вас. Потому и послал Кепаря за вами следить.

Макс взбесился. Он с ума целый день сходит, а Одуванчик за стенкой держит Катю в заложниках. Ну, подожди, Макс покажет ему пустыню Калахари.

Алиша подошла к нему и обняла за плечи.

– Успокойся, все будет хорошо, – прошептала она на ухо. И добавила громко, для всех: – Давайте припомним еще какую-нибудь деталюшечку. Чтоб совсем не сомневаться.

В кабинете наступила тишина. Часы в гостиной снова взялись отбивать время. «Раз, два, три, – считал Макс против своей воли. Он закрыл уши ладонями, но удары все равно были слышны. – Шесть, семь восемь, девять. Часы заткнулись.

– Можно я внесу свои пять копеек? – спросила Алиша. – С Кукловодом я общалась очень мало, но то, как он говорил, запомнила. Очень уж старомодно выражался. Я предложила ему чая, он поблагодарил и сказал: «Не извольте беспокоиться».

– И я вспомнил! – вскричал Тимофей. – Кепарь, когда приходил в себя после оглоушения, тоже говорил странно. Я еще гадал, где он набрался таких слов.

Макс впился в друга глазами.

– Можешь повторить?

– Легко! Сначала он сказал «Не извольте беспокоиться», а потом – «Чувствительно благодарен».

Макс вскочил со стула. В памяти всплыла недавняя сцена на кухне. Петр Савельич сидит у стола, мама кладет ему на тарелку кусок пирога с малиной. Одуванчик в восторге закатывает глаза и произносит: «Чувствительно благодарен».

– Кажется, Максу больше не нужны доказательства, – тихо произнес Деванш. – Ты говоришь, он живет прямо здесь, на вашей лестничной площадке?

Тут в дверь позвонили.

***

Шеф был в ярости. Он бегал из угла в угол, нервно хватаясь то за стулья, то за безделушки на комоде. Иногда останавливался и что-то считал, загибая пальцы. Расчеты злили его еще больше. Он взмахивал руками и опять брался мельтешить по комнате.

Вжавшись в кресло, Кепарь следил за суетой немигающим взглядом. Он никогда не видел шефа в таком состоянии. В их

первую встречу он был приветливым, добродушным и безобидным, как одуванчик. Встретишь такого на улице и ни за что не догадаешься, на что он способен. Зато потом, когда он выложил свой план и они втроем обсуждали детали, Кепарь допер: у шефа не голова, а компьютер. Усатый и Кепарь поверили, что провернут дело на раз. Иначе бы на него не подписались.

***

Больно стукнувшись об острый угол стола, человек, получивший в наследство Черные Кубики, остановился. Он в последний раз перебрал все варианты – выхода не было. Точнее, был один – старый. Пойти ва-банк. Раскрыть себя и предложить Катю в обмен на Усатого с кнопками и молчание. Катю поменять несложно. Как добиться, чтобы они и пикнуть боялись? Владелец кубиков знал, что умеет быть страшным. Он припугнул бы мальчишек и девчонку, отсыпал немного Кепарю с Усатым и исчез. Если бы мелюзга пару дней подержала язык за зубами, он бы исчез навсегда.

Но рядом с ними индиец, его не запугаешь. И не откупишься. Он вообще не выпустит живым.

Поправив на столе скатерть, владелец кубиков снова зашагал из угла в угол. Подельники засыплются и тут же его сдадут. Его начнут искать – сумма-то огромная. Но, попробуй, сыщи его где-нибудь в Южной Америке. Со временем

он и Матильду к себе перетащит. С такими деньгами это будет нетрудно.

Припомнив сестрицу, он поморщился. Из-за ее взбалмошности все и пошло наперекосяк. Если б не старая клятва, давно надо было от нее отделаться. Пристроить в тихое место. Забрать кубики. Хотя он считал, что их лучше хранить у сестры. Надежнее. Но она, идиотка, вдруг нашла им применение…

***

Увидев, как исказилось лицо шефа, Кепарь поерзал в кресле. И чего дергается? Стучит по полу, как лось копытами. Да он, Кепарь, враз соберет пацанов, и отобьют они у этого индийца и кубики, и Усатого.

***

Взглянув на Кепаря, владелец кубиков догадался, о чем тот мечтает. И в самом деле – попробовать силой? Нет, лучше договориться мирно. В конце концов, к истории с Катей и Рыжим он не имеет никакого отношения. И вообще – Матильда укатила, все можно валить на нее.

Он подумал о программисте и его хорошенькой жене и застонал. Эти не простят.

Но отступить сейчас он не мог. Ведь козырной туз все еще

у него.

– Сиди и жди меня, – приказал он Кепарю и вышел из квартиры.

Едва дверь за ним закрылась, из часов, висевших над головой Кепаря, выскочила кукушка и прокуковала девять раз.

***

Макс выглянул в глазок. Обзор, как и утром, закрывала полоска белой ткани с красным кругом и иероглифами. От вида японской банданы Макса затрясло.

Деванш, видимо, почувствовав, что с ним творится, положил руку ему на плечо.

– Не забывай, я дал жене слово его не убивать. Кстати, слово дал и за вас: за тебя, Тимофея и Лизу.

Деванш улыбнулся, и Максу стало легче.

– Глубоко вдохни и открывай.

Одуванчик явно не ожидал, что его будут встречать сразу все. Даже попугай. Увидев гостя, Черуша забил крыльями и закричал «Привет, братец!». «Вот и самое последнее доказательство», – подумал Макс.

Наткнувшись на разъяренные глаза Макса, Кочепаскин поежился. «Все-таки вычислили», – огорчился он. Остальные тоже любовью к нему не пылали. Если бы их взгляды

могли воспламенять, он бы уже дымился. Кочепаскин переводил глаза с Макса на индийцев, с рыжего мальчишки на его рыжую сестру и понимал: выкрутиться будет тяжело.

– Макс, Катя у меня, – начал он с самого простого.

– Я знаю, – ответил Макс.

– Я спрятал ее так, что вы не найдете. Отдам только в обмен на кубики и Усатого.

– Ты думаешь, негодяй, мы не сумеем вытряхнуть из тебя, где она, – индиец навис над ним, как готовая рухнуть скала.

– Вам-то чего злиться, – захорохорился Кочепаскин. – Для вас же все кончилось хорошо. Ваша красавица жива и выглядит лучше прежнего.

Индиец повернулся к жене.

– Я при свидетелях поклялся тебе его не убивать, – произнес он замогильным голосом. – Разреши мне нарушить слово.

– Я бы делала это медленно, – безмятежно улыбаясь, посоветовала рыжая девчонка.

– Не верю, что вы будете измываться над бедным больным стариком, – попробовал покачать права Кочепаскин. – У вас же есть совесть.

– Совесть есть, – согласился рыжий мальчишка. – Но мы безжалостны к тем, кто похищает детей и превращает их в кукол.

– Есть другой вариант, – Макс сунул в нос Кочепаскину

смартфон и показал цифры на таймере. – Через пятьдесят три минуты вернутся мои родители. Я расскажу маме, что вы сделали с Катей.

– Ладно, ладно, – взвопил Кочепаскин, живо представив, что в наказание устроит ему Иванова-старшая. – Катя у меня в квартире. Предлагаю баш на баш. Вы забираете Катю, ее оживляете, потом отдаете мне кубики и Усатого, и мы расходимся, как в море корабли. В ваши байки про магию все равно никто не поверит.

– Никаких условий, – отрезал Деванш. – Нам поверят, когда увидят, как мы превращаем усатую куклу в усатого мужика. И когда узнают, что этот мужик носит в рюкзаке. На вашем месте я бы решил, что пятьдесят три минуты – это очень даже много.

Кочепаскин взглянул на индийца мутным глазом.

– И еще, – строго сказал Макс. – Черушу я оставлю себе.

Глава двадцать девятая. Мамуся жмет на кнопку

Катя не понимала, откуда в ее доме столько незнакомых людей и почему все они лезут к ней с поцелуйчиками и обнимашками. Только что она съехала с надувной горки, и на тебе – уже дома, фыркает и отбивается от приставучей толпы.

Ее уже два раза поднял в воздух сильно загорелый дядечка в блестящем белом камзоле и потрясно красивой шапке с пером. Поцеловала в щеки симпатичная тетечка в длинном синем платье. А теперь тискала за бока какая-то рыжая девчонка. «Макс! – закричала Катя, не выдержав нападения. – Скажи этой рыжей, чтобы она меня не трогала».

Но ее старший брат даже пальцем не шевельнул. Прислонившись к шкафу и сунув руки в карманы, он смотрел на нее издали, чему-то грустно улыбаясь. Брат, называется. Уходя в парк без спроса, она боялась, что он будет ругаться. Кажется, пронесло. Не ругается. Но и не помогает. Рядом с Максом стоял и тоже скалился рыжий мальчишка в зеленой футболке и шортах. Увидев его, Катя кое-что вспомнила.

Выдравшись из рук конопатой девчонки, она побежала в свою комнату. Рыжий исчез. Куда он делся? Когда она уходила, он стоял на полке – между сиреневым бегемотом Пу-

зиком и куклой Варварой. Сейчас, правда, Пузика тоже на полке нет. Она взяла его с собой в парк, но донесла только до кухни. Наверно, там и валяется. Все равно: Варвара здесь, а Рыжего нет.

Катя вернулась в гостиную. Увидев ее, все снова полезли обниматься. «Дели куда-то Рыжего, а теперь вину заглаживают», – догадалась Катя. Она подошла к брату и строго посмотрела ему в глаза.

– Куда ты дел Рыжего? – спросила она сердито.

Все почему-то громко засмеялись. Громче всех – рыжий мальчишка. Он потрепал ее по голове, чего она терпеть не могла, и сказал:

– Рыжего больше нет. За него теперь я.

***

Кепарь не въезжал: что происходит?

Пять минут назад шеф, стуча деревяшками, двинул за Усатым и кубиками. Кепарь раскинулся в кресле. Перед закрытыми глазами второй раз за день закачался на волнах поплавок, забила хвостом рыба. Уже завтра он отправится на рыбалку.

Тут дверь распахнулась с диким грохотом. В комнату ввалилась орда. Индианка и рыжий шкет, приложившие его в «Лавке пряностей». Индиец, напугавший на рынке. Длинный пацан, нацепивший ему на голову дурацкий горшок. И

– рыжая девчонка. Ее Кепарь почему-то страшился больше всех, хотя она ему ничего пока не сделала. Но он был уверен, что может.

Последним в комнату вполз шеф. Уходил бодреньким, как обычно, старичком. А вернулся – будто его только что отмутузили в темном переулке.

На всякий случай Кепарь переместился в угол за кресло. Фиг теперь до него дотянешься. По-любому – не с первого раза.

Но орде, похоже, было на него наплевать. И на шефа тоже.

Вошедшие действовали молча. Разбрелись по квартире и, ни слова не говоря, устроили большой шмон. Рылись в шкафах, выдвигали ящики комода, шарили под диваном, гремели чем-то на кухне, перетряхнули кладовку, опрокинули в прихожей вешалку с одеждой.

Когда Кепарю становилось совсем жутко, он косился на шефа. Тот аккуратно сидел на краешке дивана, теребя в руках белую повязку, которой дома всегда обматывал голову.

«Трындец, – думал Кепарь. – Не до рыбалки. Ноги бы унести».

Внезапно орда разразилась радостными воплями и, размахивая большой коробкой из-под обуви, повалила из квартиры.

В ту же секунду шеф сорвался с дивана, приволок откуда-то пустой чемодан и стал швырять в него вещи.

Кепарь вылез из-за кресла и тихо поинтересовался, где

Усатый. Вместо ответа шеф приволок еще один чемодан.

Натянув кепку поглубже и приняв невозмутимый вид, Кепарь вышел из квартиры. И дверь за собой не закрыл!

***

Макс попытался уложить Катю спать. Она не поддалась, заявила, что дождется возвращения мамы с папой. Он не стал спорить. Хотя таймер был выключен, и без него знал: ждать осталось недолго, минут сорок.

Устроились в гостиной. Катя примостилась под бок Алише на диване, Макс с Тимофеем уселись в кресла, Лиза и Деванш остались на ногах. Галкина сверлила индийца зелеными глазищами.

– Я помню о твоем вопросе, – улыбнулся индиец. – «Зачем усатого мужика превратили в куклу?» Если коротко – для того, чтобы украсть в ювелирном магазине драгоценные камни.

– Так и знал! – подпрыгнул Тимофей. – Я знал – есть что-то еще.

Туман, заполнивший голову Макса после возвращения Кати домой, мгновенно рассеялся.

– Бисер в шкатулке у Усатого, – негромко, но уверенно произнес он, ни капли не сомневаясь, что прав. – Помнишь, Лиза, тебе еще понравилось, как он переливается.

– Быстро соображаешь, – кивнул Деванш. – Бисер –

это уменьшенные магическим кубиком сапфиры, рубины и бриллианты. Но вот незадача. Я догадываюсь, когда произошло ограбление – в ночь со среды на четверг. Примерно представляю, что делали шеф, Кепарь и Усатый. Но нигде не нашел даже слова о том, что в городе у какого-то ювелирного магазина большие неприятности.

– Мы можем спросить у мамуси, – сказала Лиза.

– Запросто, – подтвердил Тимофей.

Макс уставился на брата и сестру. Ему давно казалось, что у индийца с Галкиными есть маленькая общая тайна. Сейчас стало ясно – тайна касалась мамуси Галкиной. Она, похоже, какая-то шишка, и Деваншу об этом известно. Он ведь шарился в персональных данных Лизы после «Ведьминых забав».

Лиза, видимо, поняла, что дальше нехорошо оставлять Макса в неведении.

– Наша мама – помощник прокурора города, – сказала она, глядя ему в глаза. – Если мы попросим, она мигом сюда примчится.

– Еще и не одна, – сообщил Тимофей, поморщившись. И вздохнул: – Как мы с ней будем объясняться? Не поверит она в мои превращения.

– Объясним как-нибудь, – отмахнулась от брата Лиза. – Но сначала пусть Деванш все расскажет. Откуда вы знаете, что ограбление произошло в ночь на четверг?

– Потому что для него нужны были оба магических куби-

ка. А в четверг днем из-за Тимофея ОЖИВЛЯТЕЛЯ у шефа с компанией уже не было. Вообще-то, у меня одни догадки.

– Рассказывайте догадки, – махнула рукой Лиза.

– Думаю, в вашем городе есть немного старомодный ювелирный магазин с не очень навороченным сейфом, который классный медвежатник за ночь и вскроет, и закроет обратно. Сейф не охраняется. Но чтобы к нему добраться, нужно пройти сквозь решетчатую дверь. А вот на ней стоит охранная сигнализация, которую включают на ночь. Кепарь каким-то образом в этом магазине околачивается. Возможно, ночным сторожем. И еще, думаю, в среду днем кто-то забыл в магазине дорогущую куклу.

У Макса зазвенело в ушах. Он знал, что скажет Деванш дальше.

– Вижу, ты уже сообразил, – заметил индиец. – Продолжай вместо меня. Только имей в виду: шеф никогда не давал Кепарю обе кнопки одновременно. Боялся, он во что-нибудь с ними вляпается.

…Прямо перед глазами Макса возникло маленькое полутемное помещение. У дальней стены сейф, рядом стол. На столе лежит усатая кукла. Решив, что она очень дорогая, работники магазина положили ее сюда на хранение до прихода забывчивого хозяина.

Ночью к решетчатой двери подходит Кепарь. Дверь под охраной, но ему и не надо ее открывать. Расстояния между

прутьями достаточно для того, чтобы хорошо прицелиться ОЖИВЛЯТЕЛЕМ. Вернувшийся к жизни медвежатник начинает копошиться у сейфа.

В это время к окну магазина подходит шеф. Окно приоткрыто из-за жары. На нем решетка с сигнализацией, поэтому приоткрыть на щелочку не опасно. Шеф забирает у Кепаря первую кнопку и дает вторую – ПРЕВРАЩАТЕЛЬ. Утром, когда магазин открывается, в нем все, как было до закрытия. Сейф заперт, усатая кукла на столе.

…Макс пересказал свои догадки остальным и спросил Деванша:

– Я прав?

– Да, – улыбнулся Деванш. – Голова у тебя на месте.

– Почему они сразу не забрали Усатого? – спросила Алиша. – Тянули до субботы.

– Из-за полиции, – выпалил Тимофей. – Когда в магазине узнали, что камни исчезли, там наверняка такое началось… Шеф ждал, пока все успокоится.

– Шеф сразу же после ограбления забрал у Кепаря ПРЕВРАЩАТЕЛЬ и отдал обе кнопки сестре, – сказал Деванш. – По-моему, он всегда считал, что разгуливать с ними опасно – всякое может случиться. У мадам Баттерфляй они были сохраннее.

– Тогда непонятно, – заявил Макс. – В четверг, когда случилась история с Тимофеем, обе кнопки были у старухи.

В субботу Кепарь наконец добрался до Усатого и пошел к старухе за ОЖИВЛЯТЕЛЕМ. Откуда у него в сумке взялся ПРЕВРАЩАТЕЛЬ? Когда Тимофей сумку нашел, он был там.

– Думаю, когда Кепарь напал на мадам Баттерфляй, она попыталась воспользоваться кнопкой, – ответил Деванш. – Он ее отнял и сунул в сумку. А потом в их ссору вмешался я… Лиза, ты звонишь маме?

Дальше все происходило быстро.

Буквально через три минуты Лиза ввела в комнату рыжеволосую женщину. Мамуся поздоровалась с индийцами, приветливо кивнула Максу, потрепала по плечу Тимофея. Когда Деванш спросил, не ограбили ли в городе ювелирный магазин, она замешкалась, но лишь на секунду. Потом поинтересовалась, откуда ему это известно.

– Ограбление очень странное, – добавила она. – Мы решили немного придержать информацию, чтобы узнать хоть что-то. Но вы, судя по всему, знаете больше нас. Расскажите, что знаете.

Пока индиец пересказывал женщине соображения соратников по мозговым атакам, она выглядела как Катя, которой на ночь читают увлекательную сказку. А едва Деванш умолк, резко спросила: «Доказательства?».

Катю с Алишей оставили на диване. Помпрокурора вывели в прихожую, поставили напротив усатой куклы и вручили

ОЖИВЛЯТЕЛЬ.

– Нажимай, – сказал Тимофей. – Прицелься в него и жми. Не бойся, ничего страшного не произойдет.

«Эта мамуся фиг испугается», – подумал Макс.

Мама Галкина расставила ноги пошире, двумя руками прицелилась в Усатого и нажала на кнопку.

К удивлению Макса, первым после вспышки пришел в себя Усатый.

«Натренировался, – решил Макс. – Не первый раз превращается».

Взгляд медвежатника заметался по прихожей. Потом Усатый прыгнул к двери и рванул ее на себя. Но дорогу к свободе перегородили двое нехилых мужчин в галстуках.

«Терминаторы, – заценил Макс. – Сразу два. Теперь терминаторы, оказывается, в галстуках ходят».

– Посмотрите, что у него в рюкзаке, – приказала терминаторам мама Галкина.

Они молча подчинились.

– Мы ведь эту куклу хорошо обыскали, – задумчиво произнесла Галкина-старшая, выложив на ладонь два сапфира. – И не нашли ничего подозрительного. Шкатулка для рукоделия, иголки, ножницы, бисер…

Когда терминаторы с рюкзаком и Усатым удалились, все вернулись в гостиную.

– Магические кубики я у вас пока заберу, – сказала мама Галкина. – Вдруг придется вживую объяснять начальству,

как раскрыли дело. Но очень не хочется. Надеюсь, выкручусь как-нибудь без мистики.

Она поморщилась и стала похожа на Лизу.

– Ваш Кочепаскин и Кепарь, скорее всего, уже пустились в бега. Найти их несложно, но в чем обвинить? В том, что превращали людей в кукол и обратно? Ладно, разберусь. А потом мы с вами соберемся вместе и сунем кубики в микроволновку.

– Это уже без нас, – сказал Деванш и обнял жену. – У меня в аспирантуре отпуск заканчивается. Пора возвращаться.

Мамуся посмотрела на Лизу и Тимофея.

– Ну, что, едем домой? Остальное дорассказываете завтра.

– Давай задержимся еще чуть-чуть, – попросила Лиза и насмешливо улыбнулась Максу. – Сейчас родители Макса вернутся. Мы так долго их ждали.

Глава тридцатая. Суббота, вечер

Ровно в десять вечера Ивановы-старшие вошли в подъезд своего дома и начали устало подниматься по лестнице. Они одолели всего один пролет, когда наверху раздался грохот. Что-то тяжелое и неудобное сыпалось навстречу, издавая человеческим голосом негромкие проклятия.

Мгновение, и из-за поворота показался сосед Ивановых, Петр Савельевич Кочепаскин. С ним явно происходило нехорошее. Морщась, будто раздавил во рту горсть кислого винограда, он тащил за собой два здоровенных клетчатых чемодана на колесиках. Колесики подпрыгивали на каждой ступеньке, издавая стонущие и режущие звуки.

Увидев Ивановых-старших, Кочепаскин замер, будто жутко их испугался.

– Я помогу, – бросился к нему папа Иванов.

– Не надо, – сердито буркнул Одуванчик. – Сам справлюсь.

– Куда вы, на ночь глядя? – вежливо поинтересовалась мама Иванова. – Подождали бы до утра.

– Ну уж фигушки, – почему-то возмутился Одуванчик. И добавил непонятно: – Если подождать, можно и дождаться.

Мама Иванова слегка содрогнулась от несвойственной соседу манеры выражаться. Но потом не удержалась:

– Вернетесь-то когда?

– Фиг я сюда вернусь, – прошипел Одуванчик. – Найду какую-нибудь тьмутаракань, там и ласты склею.

Мама содрогнулась еще раз. Но, будучи человеком вежливым, сочла необходимым выразить сожаление:

– Как же мы теперь без вас?

– Еще лучше будет. Мне только что заявили: там хорошо, где меня нет.

На этих словах Кочепаскин достиг конца лестницы, с трудом протиснулся через дверь на улицу и исчез в ночи.

– Неужели, совсем уехал, – вздохнула мама. – Жаль, хороший сосед был.

– Может, еще вернется, – сказал папа Иванов, гремя ключами. – Поживем – увидим.

– Открывай потихоньку, – прошептала мама. – Они, наверное, уже спят.

Но в доме не спали. В прихожую из ярко освещенной гостиной доносились голоса нескольких человек.

Мгновенно забыв о Кочепаскине, Ивановы-старшие бесшумно подкрались к двери гостиной.

Неожиданная картина открылась их глазам.

Их маленькая дочь сидела на коленях у красивой рыжеволосой женщины, которая, напевая, расчесывала ей волосы.

Их сын и худенькая девочка в огромных солнечных очках сидели на полу перед ноутбуком и оживленно спорили о чем-то, размахивая листами бумаги.

В креслах расположилась пара молодых индийцев в на-

рядной национальной одежде. Маму Иванову просто потряс бархатный тюрбан с пером на голове мужчины.

Перед индийцами стоял рыжий мальчишка, который что-то темпераментно им рассказывал.

Появления Ивановых-старших никто не заметил. Они покашляли.

– Мама! Папа!

Катя соскочила с колен рыжеволосой женщины, подбежала к родителям и со словами «Что вы мне привезли?» запрыгнула на папу.

Рыжеволосая женщина поднялась с дивана и поправила узкую серую юбку.

Индиец в тюрбане встал и поклонился, сложив перед собой ладони.

Молодая индианка, вскочив с кресла, накинула на голову шарф и тоже поклонилась.

Рыжий мальчишка уставился на Ивановых-старших, вытаращив глаза. На его лице почему-то засияла широкая улыбка.

Худенькая девочка дернула Макса за руку.

Макс оторвался от ноутбука.

– Привет, ма-па! – сказал он и помахал исчерканным листом. – У вас все в порядке? Можно я поеду с Галкиными на балет?

– Гости! Гости! – проорал кто-то хриплым голосом, и в комнату влетел зеленый попугайчик.